

День поэзии ВГУ LXVII

Литературно-художественный
альманах

24 марта
2023 г.

Воронежский
Государственный
Университет

День поэзии ВГУ LXVII

Литературно-художественный альманах

24 марта 2023 г.

Воронеж
2023

Редакционный совет: Д. А. Чугунов (редактор-составитель),
П. А. Сидельников, Э. О. Пархоц, В. В. Тулупов

В оформлении обложки использованы
рисунки Софьи Сафоновой

Огромная благодарность Татьяне Фомичёвой,
чьи живописные работы украсили альманах

Адрес для корреспонденции:
dr-chugunov@yandex.ru

Мы – пушкинисты

Прошедший год заставил вздрогнуть российскую литературную «тусовку». Подобные потрясения всегда зримо проводят линию между двумя типами людей. Одни, сидя на дальних берегах, предпочитают озлобленно-креативно размышлять о народе. При этом народ для них – это словно бы некий people, нечто далёкое, странное, неразвитое. Другие ощущают себя частью народа, их душа – часть общей народной души.

Так было и в шестнадцатом веке, и в двадцатом. Так и в наши времена. Одни рушат классические традиции, после чего становится так легко сносить памятники прошлому. Другие продолжают называть себя «пушкинистами». Одни вспоминают Некрасова:

...Не будет гражданин достойный
К отчизне холден душой,
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди, и гибни безупрочно.
Умрёшь не даром, дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Другие уныло и пошло иронизируют над классикой (вслед за Иртеньевым):

Редеет облаков
Летучая гряда,
Пасутся мудаков
Ленивые стада,
Которых на убой
Чуть что пошлют не глядя.
Се родина моя
Во всей своей отраде.

А трети перечитывают замечательного русского поэта Юрия Левитанского, ушедшего на Великую Отечественную войну из донецкой школы № 3 и написавшего позже в «Послании юным друзьям»:

Я, побывавший там, где вы не бывали,
я, повидавший то, чего вы не видали,
я, уже там стоявший одной ногою,
я говорю вам – жизнь всё равно прекрасна.

Да, говорю я, жизнь всё равно прекрасна,
даже когда трудна и когда опасна,
даже когда несносна, почти ужасна –
жизнь, говорю я, жизнь всё равно прекрасна.

Такой разброс мнений не случаен. Литература, даже открывая настоящее, всегда работает на перспективу. И в ней всегда отражаются человеческие надежды. Что за страну мы хотим построить? Что является для нас главным, во что верим мы и во что будут верить наши дети, и внуки, и правнуки? На чём стоим и стоять будем?

Оглядываясь в прошлое, мы находим в нём те же Слова, написанные умом и сердцем. Наши предки – и в XIII веке, и в XIX – так же спрашивали: на чём будем стоять мы, их потомки?

Увы, 2022 год в истории России вскрыл ошеломляющее обмирщение, омешанивание нашего сознания. Мы замечательно научились мыслить категориями бытовыми и сугубо экономическими. При этом многие – несмотря на то, что сдавали ЕГЭ, и даже писали сочинения на «высокие» темы, и даже получали за них высокие баллы – словно бы потеряли способность мыслить категориями нравственными, онтологическими, историческими. Словно бы исполняется пророчество преподобного Антония Великого: «Придёт время и люди сойдут с ума. Того же, кто остался разумным, будут называть умалишённым, потому что он не такой, как они».

В сознании человека XXI века высокая реальность часто заменена визуальными образами в инстаграмме или тиктоке. Осознание своего гражданства часто заслонено принадлежностью к той или иной группе «креативного класса» в фейсбуке. Глубинное ощущение принадлежности к национальной культуре вытеснено ощущением безликой всемирности по чужому образцу, с чужими ужимками и чужими речевыми оборотами.

В целом же – ужасающее духовное обнищание на фоне впечатляющего телесного и умственного ожирения.

Разумеется, поэзия не может быть исключительно «окопной». Однако и прагматичное увлечение «метафизическими» и «неотрадиционалистскими» опытами, обеспечивающими пропуск к литературным премиям, ведёт лишь в прекрасное никуда.

Возможно, в этой ситуации именно новая поэзия, так заметно обозначившая себя в 2022 году, вернёт народу необходимое для его существования исто-

рическое сознание. Здесь очень кстати вспоминается рассказ Игоря Караурова:

Моё поколение росло в мирное время. Я помню салют на 30-летие Победы, и мир на этот момент уже был очень укоренён. Перед 9 мая к нам в класс приводили 50-летних ветеранов с медалями, а нам это было скучно: о чём нам говорит это старичёй? А между тем война отстояла от них примерно на столько лет, на сколько от меня отстоят августовский путч и гайдаровские реформы. Но ведь для меня это было как вчера! А для них война была как вчера.

Мир тогда существовал по умолчанию, война представлялась исключением из порядка вещей. Конечно, время от времени какие-то люди в форме продолжали гибнуть – в Корее, Венгрии, на Даманском – но это не затрагивало страну в целом. И даже Афган... нас пугали: не поступишь в вуз – отправят в Афган. Но я поступил и окончил, и никак эта афганская тема в жизни не присутствовала. Она навалится позже, когда зазвучат «афганские» песни, войдут в силу бывшие «афганцы», а в десятке городов появятся памятники «Чёрному тюльпану».

И военная тема в культуре в эти мирные десятилетия стала восприниматься как навязываемая сверху обязаловка, всех интересовал мир, дела мирной жизни, проблемы мирных людей. Казалось, что именно здесь ключ к более тонким, более значимым вещам. Я понимаю инерцию, которая действует сейчас. «Война – отец всех вещей, отец всего» – эти слова вроде бы всем известны, но неприятное открытие состоит в том, что они до сих пор истинны.

И действительно, а что может объединять людей в месяцы и годы тяжёлых испытаний и цивилизационных событий? Объединять тех, кто живёт за многие километры друг от друга? Что общего окажется у людей из Новосибирска и Геленджика, Архангельска и Якутска, Грозного и Калининграда?

Артемий Лебедев высказал замечательную мысль: «Народ – это люди с эпосом: нет эпоса – нет народа». Именно поэтому мы, русские, живём со «Словом о полку Игореве», с «Россией, кровью умытой», с «Тихим Доном» и с «Хождением по мукам»...

И так легко и уместно продолжить его мысль другим вопросом: а что же такое душа народа? Где её искать?

Душа народа выражается в его поэзии. Нет поэзии – нет народа.

Последние десятилетия нас лукаво старались привучить к тому, что замечательно и почти по-ахматов-

ски – это «вагинальная поэзия» девочки Верочки. Что глубоко и даже концептуально – это «летяжесть» дамочки Инги. Что остроумно и культурно-аллюзийно-ассоциативно – это «переплетения» баттлера Мирона. Что «эскапизм» от «Просодии» – чуть ли не самое значимое гражданское состояние последних месяцев... А по сути – стихотворения ни о чём, рассказанные пустыми словами. Моменты сиюминутности, умирающие как ощущения вместе с последней строчкой прочитанного. Речевые выкидыши, не несущие с собой ни трагизма настоящего, ни понимания будущего.

В этом нет ничего удивительного. Известный закон Винера – Шеннона – Эшби гласит: управляющая система всегда должна превосходить управляемую – по мощности и по сложности. Если максимально упростить общество, им станет легче управлять. Вместо русских людей (а также татар, чеченцев, бурят и прочих) появятся некие усреднённые «общечеловеки», озабоченные лишь первичными потребностями.

Так в 2022 году мы наконец-то начали осознавать большую проблему. С «летяжными» стихотворениями сама душа народа умирает. Физические пространства разделяют нас, а что объединяет? Соцсети, общие супермаркеты, бренды?.. И вот здесь, в этом мире потреблянтства, уже замаячил страшный конец всего родного, домашнего. Мы рискуем потерять свою национальную, культурную, цивилизационную общность. Ведь так легко и незаметно происходит разложение сознания, так легко прежде мыслящие люди вливаются в общность бездумных любителей айфонов или самсунгов, пылесосов или баленсиагов...

В Евангелии от Матфея хорошо сказано: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:21). А ведь поэзия – это и есть наше сокровище.

И глубочайшую правоту такого суждения доказывают не только события, происходившие, например, на книжной ярмарке non-fiction осенью 2022 года, где, вопреки чаяниям организаторов, к Z-поэтам выстраивались огромные очереди. Даже в Киеве образца июня 2022 года к тому месту на станции метро «Университет», где раньше был бюст Пушкина, кто-то вдруг принёс розы. А поверх баннера военных времён, закрывшего мемориальную табличку, вдруг наклеил изображение великого поэта. В эти моменты уже по-настоящему – не по-школьному, а по-взрослому – понимаешь бессмертные строки: «Нет, весь я не умру...» Истинные люди на Руси остаются с Пушкиным, делают свой выбор в пользу Слова, не поддавшегося вырождению постмодернизма, по-прежнему несущего в себе сакральную тайну. Человека определяет не то, что он ест, а то, что читает.

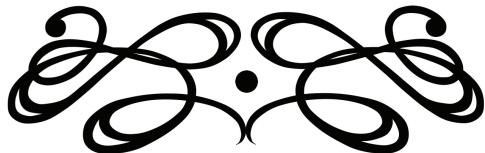
И очень радостно, что стихотворения этого альманаха продолжают пушкинскую традицию.

Читая их, понимаешь: наши слова – средство преодоления энтропии, они помогают нам возвращаться из небытия (С. Ахмедова, К. Кондратьев). Веришь, что поэзия – отзвук, отблеск Божественного, дар и служение (А. Бондарев). Понимаешь, что поэтическая речь – речь живого человека (Е. Жаркова)...

Отрадно, что в стихотворениях, вошедших в альманахах LXVII Дня поэзии ВГУ, так гармонично сливаются красота и смысл, умение заглядывать в тайны бытия и способность радоваться самой малой частичке происходящего вокруг. Отсюда берёт начало замечательная плотность строк Д. Князевой и Е. Макушиной, Э. Пархоц и Н. Третьяковой...

Радует, что мы, видимо, преодолели пустые кривляния постмодернизма. Современная русская поэзия открывает нам автора внимательного – рифмующего не слова со словами, а смыслы со смыслами. И вот этим перекличкам чужой души с твоей собственной, этим предположениям и догадкам, этим вопросам и ответам – веришь. Как веришь гражданской позиции и неплоской картине мира, рождающейся в стихотворениях И. Прасолова, Т. Вороновой, А. Карташевой, С. Рыбкина, Я. Цыганковой, П. Сидельникова и многих других. Их голоса – настоящие.

Как заметил Пушкин, «не тот поэт, кто рифмы плести умеет». Требуется большее. И здесь мы – пушкинисты.

«За работой»
Авт. Татьяна Фомичёва

“Буду складывать вечность”

Светлана Ахмедова

Выпускница физического факультета. Руководитель клуба поэтов и музыкантов «РоемФМ»

Пятое

I

Вот время года пятое, а в нём –
ни времени, ни прочих изменений,
цветёт и сыпется снаружи, за окном,
апрельский бунт день ото дня смиренней.
Тут, за стеклом, не веришь даже в май.
А впрочем, что угодно представляй.

II

Проектировщик перекрытия пустот,
пока ты у реки, а не у бездны,
построй свой мост – авось, тебя спасёт, –
судьба щадит блажных и бесполезных.
А нет – глядишь, в грядущий мезозой
взьмут и утонувшей стрекозой.

III

Когда не только я, а все мы – текст,
известный до прочтенья наизустро,
единственное из возможных бегств –
вовнутрь вневременного захолустья.
Слова рассыпаются, но если захотим,
вернёмся – по слогам, по запятым.

IV

Теперь не долететь и не доплыть –
бегом, вдоль гаражей и теплотрассы,
но не дадут из пятого свалить,
порыв зачтён, замечен и напрасен.
«Что ты украл и прячешь на груди?»
Наври, не говори, не подведи.

Алексей Бондарев

Выпускник Воронежского государственного технического университета, кандидат физико-математических наук. Участник литературного объединения «РоемФМ». Публиковался в альманахах «День поэзии ВГУ», «Царицын» (Волгоград), журнале «Северная окраина» (Череповец)

Неясность

Когда наш мир утрачивает ясность
И сумерки укутывают лес,
Со мною птица серая – неясность –
О чём-то важном говорит с небес.

Лесной язык теперь мне непонятен,
Я слишком долго был среди людей.
Угрюмый крик рождается из пятачков,
Из черноты, туманов и дождей.

Здесь не найти рулады соловьиной,
И певчих трелей незаметен лоск.
Я буду слушать монолог совиный,
Покуда ясность не пронзит мне мозг.

Предчувствие

Какая ночь! Безлунна и тиха!
Витает в стылом воздухе осеннем
Ещё не стих – предчувствие стиха,
Как вера в неизбежное спасенье.

Гуляет ветер, раны бередя,
И наползают медленные тучи.
Ещё не дождь – предчувствие дождя –
Сгущается в подоблачье тягучем.

Сшивает небо нитями воды
Всех воедино, верных и неверных.
Нет, не беда – предчувствие беды –
Грызёт мои натянутые нервы.

Исчезли нити в слякоти двора,
Но мучают вопросы без ответа.
И теплится на кончике пера
Нет, не рассвет – предчувствие рассвета.

Под сенью кирпичных громадин

Я родился под сенью кирпичных громадин,
Моё детство закатано в серый асфальт.
Мир живой и зелёный навечно украден
Этим городом, где верховенствует сталь.

Я впитал рёв машин и трамваев брюзжанье,
Грохот свай и ночной перестук поездов.
Мне близка красота недостроенных зданий
И эстетика дымных промзон и складов.

Я в бетонных коробках застрял без возврата.
Во дворах не шуршит под ногами листва,
За высотками прячутся краски заката,
И осенних стихов облетают слова.

Я брожу в колее предначертанных линий,
В книге жизни полно неоткрытых страниц.
Как увидеть хоть раз в небе клин журавлиный
И поймать голоса улетающих птиц?

Старый парк. В нём с годами сменяются лица.
Он, как в детстве далёком, для сердца милей.
Там, как прежде, над бархатцем шмель копошится,
И приветствуют солнце стволы тополей.

Этот маленький парк бережёт свои корни,
Он, как мог, заменял мне раздолье лесов.
Я однажды вернулся туда тропкой окольной,
И пронзит меня эхо чужих голосов.

***
Он идёт по полям, он вдыхает ветра и туманы,
Внемлет птичьим напевам и тихому шелесту трав.
По ночам к нему звёзды чудесной спускаются
манной,
Он берёт их в ладони, законы природы поправ.

Он идёт сквозь огни городов, через толпы прохожих,
В каждой встречной душе зажигая живительный свет.
И пронзительно чуткие нервы
под тонкой пульсируют кожей,
В неземной вышине на семь бед он находит ответ.

В этих облачных сферах звучит грозовая токката,
Там рассвета лучи озаряют небесный полог,
И задумчиво плещутся рыжие волны заката,
И сливается всё воедино – природа и Бог.

Наш герой – и бесстрастный мудрец,
и горячий мечтатель,
Он создатель волшебных миров
в перекрестьях планет.
И лежит на нём тенью, пожизненной чёрной печатью
Не награда, не чин, а тяжёлый диагноз – поэт.

Кристина Гайдукова

Выпускница юридического факультета

Светлячок

Для меня у тебя приготовлен не рай и не ад.
Все, что дорого мне – предлагаешь и просишь назад.

Ночника, фонаря, маяка, – смолят – дашь не взаймы.
У меня – светлячок: против – с городом,
пугающей – тьмы.

Только солнце взойдёт, как зима наступает навек.
Я – всего человек. Твой всего непростой человек.
Говорят, есть и те, кто без света не сгинули прочь.
Мол, и нет светлячка: чёрный снег и полярная ночь.

Отчего так?.. Винюсь, не ропщу – на свою же беду.
У меня – светлячок, я за ним хоть куда-то иду.
А пока мне – весна... Распускается день ото дня.
Красота, говорю, красота – у тебя для меня.

Факт принадлежности

ты тихо спиши, как будто на плоту
а мне нет сна, я эту теплоту
пытаюсь всю в себя забрать
и помнить:

была реальность, где наедине
мы тенью отражались на стене
одной стены!
вдвоём... одной из комнат

мне нет здесь сна, нет дела до войны,
до старости, рубля и жёлтых сплетен
и если мы, проснувшись, той страны
которая была, уже не встретим

мне будет совершенно все равно
какой страны нам запретят кино
какой страны у нас отнимут софты

и в первых мягких утренних лучах
откроется вся правда о вещах –
ничто твоё: от ужина до кофты

ничем нам до конца не овладеть
и даже я вот так – как спиши смотреть
вернее, пересматривать, как снимок

могу по свету, следу теплоты
и среди этой вечной мерзлоты
то мне не запретят и не отнимут

так если уж и чахнуть как кащей
над фактом принадлежности вещей
над фактом принадлежности вообще
над фактом обладания мечтою

так только ты мне и принадлежи
на глади этой ночи — недвижим
и я к тебе прилягу, и укрою

Червоточина

Мария Дарская

Выпускница филологического факультета. Снимает документальные и игровые фильмы. Лауреат кинофестивалей «Зилант», «Амброзия», Международного независимого фестиваля короткого метра IISF, финалист Русского фестиваля и фестиваля «Эзотерик»

От Фрейда к Юнгу

Душа, хватит ныть и стонать,
Что тебя когда-то недолюбили.
Сама себе и отец, и мать,
И проводник в мир иной,
Как для Данте – Вергилий.
Ты сам опора своя
И инструмент для Бога,
Живи с азартом, печали внутри тая,
Пусть будет яркой и страстной дорога.
Пройдёшь при этом немало ухабов и кочек,
Но опыт ценный сможешь в творчестве переплавить.
Оставь наследие для сынов и дочек,
Не только материю: верь,
что больше сможешь оставить.
Свои стихи, картины и кинофильмы,
А может, счастья и вдохновенья моменты?
Твой архетип – это Маг, ты ночами летаешь,
как филин,
И погружаешься смело в эксперименты...
Когда разлита магия в мире, как свет закатный,
Когда ты ловишь в пространстве везенья знаки,
Ты ощущаешь, насколько Вселенная эта богата,
А все привязки к страданию – это враки...

Евгения Жаркова

Выпускница филологического факультета,
переводчик, рукодельница

До глубины

Всмотрись в чужую душу. Догляди
До глубины, до сути первозданной.
В ней то же все – и вёдро, и дожди,
И трепетный восторг, и чуткость раны,

И музыка неведомых миров,
И радостный полет, и боли путы...
Так Бог однажды сотворил любовь,
Чтоб взглядываться в нас до самой сути.

Проживи свою муку, как путь, и пройди насквозь:
по ту сторону разума будет ли бредом бред?

Говорят, где-то там, посреди бесконечных звёзд,
есть прорехи, куда ручейком утекает свет: если
станешь на край, околдует тебя дыра, засосёт
и размажет, совьёт, будто нить, в клубок...

Но ещё говорят, что внутри отступает страх.

А ещё говорят, червоточины сделал Бог, потому
что хотел, чтобы в нас продолжалась жизнь,
потому что желал, чтобы – образ, подобье, суть,
потому что любил, потому что он нас сложил,
как стихи, ради вечности, а не пяти минут.

Проживи свою боль, как врата, а за ними сад –
может, райский, а может, июньский, земной
вполне, а потом, если нужно, сюда приходи, назад,
в общем, делай, что хочешь – на то указаний нет.

Есть одно только, тихое, имя ему – «люби»; вроде
кажется, мало, чего там, песок в горсти, а потом
усмехнёшься: Бог сделал дыру – в груди, и теперь
целый мир ты рискуешь в себя впустить.

Видишь, путник идёт, и внутри у него дыра, он-то
думает – червь, – но иное в тебя вросло.

Позови его в сердце, быть может, ему пора
распознать, для чего эта брешь.

И пройти насквозь.

Лето медлительно цедит последние дни

Лето медлительно цедит последние дни
Яблочным соком, тягучим и терпким, как мёд.
Окна распахнуты. Руку к ветвям протяни –
Ляжет в ладонь этим августом брызнувший плод.

Август твердит: соберись, не кричи, но дыши, –
Мудрою матерью, старшей из всех повитух,
Раны врачуя в прозрачной и гулкой тиши
Тёплым дождём и объятием ласковых рук.

Август пройдёт, и откроется новая даль.
Новая тьма претворится в неведомый свет...
Не оттого ли, как яблока сердцу ни жаль,
Главное – семечку перед зимой не робеть?

Семечко станет – ростком ли, младенцем, строкой,
Древней, как мир, каждый миг обретающий плоть...
Не оттого ли нас звёздным поит молоком
Юная вечность – и заново нас создаёт?

Выйдет из дома мальчик

Разве я говорю: мне не больно, ничуть не страшно,
И бросаю слова, как с трибуны толкают речь?..
Выйдет из дома мальчик.
В руках его – щит бумажный,
Деревянная палка – его богатырский меч.

Это пламя давно раздувалось, и длилось время,
А потом время кончилось, стало – кулак под дых...
Зрело гнилью и ржой беспощадное злое семя,
От которого мы пожинаем теперь плоды.

И стоишь ты под небом.
И небо разверзлось синью.
Ты былинка, и всё же внутри тебя бьётся весть:
Ты не лист, что вручён на потеху ветрам и ливням.
Если выбор единственный – всё-таки выбор есть.

И теперь хоть вопи, словно ад нам грозит котлами,
Хоть не верь, что по каждому эта прошла межа:
Если ты человек, то ходить тебе должно – прямо,
Не столбом позвоночным, а духом себя держать.

...Разве я говорю, что не правы все те, кто плачет?
Разве строки мои – будто марш и заздравный гимн?
Выходит из дома мальчик.
Вернётся ли этот мальчик?

Если мальчик вернётся – он будет совсем другим.

Выходит из дома мальчик, и время его разбудит.
Время меч закалит, время сердце зажжёт звездой...
Все мы будем другими. Иначе – и нас не будет,
Потому что мы все – этот мальчик, идущий в бой.

Люби нас

...А пока нам всё ещё кажется: пронесёт,
Пронесётся, не потревожив и волоска.

«Отмени нам, наш добрый Боже, вот это всё.
Расскажи нам: всё будет круто.
Наверняка.

Будет сухо, тепло и тихо у нас в домах,
Будут дети в своих стрелялках мочить врагов.
Расскажи нам, наш добрый Боже: придёт зима
Лишь затем, чтобы оливье мы наелись вновь».

Спеет алым на ветках осень.
Сквозит меж строк.
Рвётся ниточкой паутинной.
В ночи скрипит...
Мир трещит, словно плод на ножке, – и брызжет сок.

«Добрый Боже, ты изолентой его скрепи.
Пошепчи там, наш мудрый Боже, да пошустрей.
Мы пропахли бедой и страхом.
Услышь, учуй!»

Бог ворочает палые листья в большом костре.
Обещает, что встанет рядом.
Плечом к плечу.
Обещает, что будет с каждым
И в жаркий час,
И промозглой ноябрьской ночью,
Где жуть да тьма...

Одного лишь не обещает –
Баюкать нас,
А иначе – нам вечно в зыбке его дремать...

А пока нам всё ещё кажется – обойдёт,
Обойдётся, не причинив нам самим вреда...

Ничего нам не рассказывай наперёд –
Лишь люби нас, наш добрый Боже.

Как и всегда.

Неси меня

А порою мне кажется – нет уже больше сил,
Но звенят мои песни, как ласковый сон, легки...
Ты неси меня, реченька, дальше меня неси –
Я тебе подарила последние башмачки.

Ты держи меня, лодочка, пологом звёзд укрой,
Покачай на волне, и меня усыпят волна...
Только если усну я – быть может, проснусь другой,
Той, что завтра не вспомнит, чему и зачем верна...

Ты держи меня, девочка – та, что живёт внутри,
Что и в десять, и в сорок не дрогнет, идя на зов...
Если плачу навзрыд я – то слёзы мои утри,
Если я ненавижу – во мне отыщи любовь.

Отыщи меня, девочка, там, где не знают роз,
Где всё приторней бредни – их бредень
прорвёшь с трудом...

Растолкай меня, девочка: если засну всерьёз,
Может статься, сама предпочту забавляться льдом.

Буду складывать вечность, и станет холодным взгляд,
Буду складывать пазлы – и стану сама куском...
И однажды не вспомню свой розовый райский сад,
И однажды забуду дорогу в свой вечный дом.

А порою мне кажется – нет уже больше сил.
Не вдохнуть и не выдохнуть. В горле то ком, то вой.
...Ты неси меня, девочка, в сердце своё неси,
И тогда я останусь счастливой, простой, живой.

И тогда я дойду, добреду, доберусь ползком,
Буду тёплой, когда станет против полком – зима...
Ты неси меня, реченька, розовым лепестком –
С остальным я сумею управиться и сама.

Дарья Князева

Окончила физический факультет, актриса «Театра равных», активный участник современной литературной жизни

Вода

1. изнутри

мы проникаем в толщу языка
в грунтовое впадая пол(н)оводье
простывшая могучая река
притоки распускает не по моде –
местоимения без места и родства
и каждое коверкает слова
и не имеет очевидной цели
и всяко неимение болит
и текстом истекает текстолит
слоёного лексического тела

мы прступаем солью из-под век
по капиллярам тянемся наверх
и через всё что ведомо природе
так длится несвященная война
за голос за печатные тома
за дырами отделанный карман
за краткий вдох живого кислорода

твоя вода растапливает снег
моя вода уходит по весне
иной своё течение скрывает
но водных вен больная худоба
пронзительно и остро голуба
и торный путь и топкая тропа
над нами зарастают письменами

2. снаружи

гуляют безмятежно по воде
в упругой полукруглой темноте
где тени отсекаются от тел
счастливые и тихие не те

не те кто разбивается о быт
не те кто неоправданно забыт
и колокол по ним не зазвонит
поскольку возле колоколен нет

поскольку выбирая тишину
они держали норму на кону
подкову не пытались разогнуть
и не велись на гиблую блесну

не веря ни в одну из редких птиц
кормили осязаемых синиц
с руки в мороз снимая рукавицы
не думая о холоде ничуть

покуда многочисленные те
дома растили строили детей
стреляли журавлей искали цель
срывая одиночество с петель
не тем почти не оставалось тем

и закатав повыше рукава
не расточая смыслы на слова
житейские вращая жернова
встречали неминуемый предел

исконная вела их тишина
без ропота без рокота без дна
исконная объяла их вода
и ласковая тёмная волна
укрыла уравняла вознесла

***

Красота в глазах смотрящего.
И я вспоминаю, как смотрела
на загорелых, проворных, смелых,
в волейбол, по щиколотку в песке увязая, играющих.
Для них это было самое важное дело,
принципиальное дело.
Уникальный в своём ритме счастливый танец.
Танец юности, беззаботности, бликов солнца,
расплескавшихся по глянцевито лоснящейся коже.
На десятки таких же по сути –

ни капельки не похожий,
потому что запечатан в моменте:
каждой клеткой прочувствован, запечатлён и прожит.
Ах, какая была в них животворящая сила,
звонкоголосая неопалимая сила.

Господи, как красиво...
А я подавать умела разве что в аут,
и на приёме больно звенели предплечья,
расцветая назавтра бескрайними синяками.
Потому в волейбол я почти никогда не играла,
исподлобья взирая на торжество человечье.
В такие моменты они запасали энергию.
В такие моменты я запасала энергию.

Они – умножая чувство собственного всесилия,
я – принимая прекрасным чуждое, невыносимое.
От этого взахлёб колотилось сердце,
хотелось обять, раздать и обратно впитать сторицей.
И так раз за разом, из поколения в поколение...
Но, пожалуйста, Господи, не обувай их в берцы,
не выстраивай вдоль границы,

не стирай лица,
не прерывай поток.
Умов отмени затмение
или экономическую целесообразность
самого страшного, самого уродливого явления.
Ведь красота не утратит своё значение,
только если для неё останется место,
если продолжимся мы,
если не будет войны...

***

Когда вглядываешься в пятнышко туманности Ориона
в середине ночи,
кутаясь в несколько слоёв одежды,
седой парок выдыхая,
Земля перестаёт быть огромной.
Перестаёт быть опорой,
к которой мы для надёжности прикреплены корнями
постылого тяготения, и,
как в аквариуме,
болтаемся в ясельной атмосфере,
ракетами переругиваясь,
перестрелками переговариваясь,
причинением мира и демократии угрожая.

А делается Земля маленькой,
исчезающе крошечной,
игрушечным шариком,
перламутрово-синей горошиной,
в неохватном пространстве
по сложной кривой бегущей.
Огибающей невидимое и массивное,
огибающей тёмное и неизвестное,
по счастью, пока в стороне
от сверхновых и прочей нечисти.
От астероидных пуль ускользает юрко
подробная динамическая миниатюра.
И тяжело ей, бедненькой: буры в неё вгрызаются,
тут и там на курчавой шкурке
дымят подпалины,
морщинки оврагов хламом гнилым завалены.
Без людей ей, наверное, стало бы лучше...

Ходят слухи, что ядерный взрыв выжигает душу –
и того, кого захватил, и того, кто нажал на кнопку.
Чёрный ход из сансары,
без смс и дополнительной регистрации,
или генеральная заключительная уборка.

И в какой-то момент настигает такое «страшно»,
что уже не страшно – предельная
чрезвычайная разновидность страха.
Становится жгуче и остро стыдно.
Не за Гитлера, Сталина или Трумэна,
не за бен Ладена, Чаушеску и Пиночета,
просто за человека.
В целом за человека.

Через несколько минут ужаса
совсем ничего не чувствуешь.
И от равнодушно мерцающего Ориона,
и от его бесконечно далёкой туманности
опускаешь глаза долу.
И прячешься
в пережёжённый воздух,
в дощатый остов
немолчно гомонящего корпуса
обветшалого детского лагеря или турбазы.
Смотришь изнутри на черноту,

разъятую рамой крестообразно,
и неуместно кланяешься кресту.

***

Набухает сквозь вороний грай
мутно-купоросовое небо,
бледное чахоточное лето
оттесняя за незримый край.
Паутинно тянется заря,
стынет невесомой позолотой
под неплотным облачным пластом,
на холсте широком и пустом.

В точку замыкаются субботы,
остывает не спеша земля...
Шелестит опад календаря,
возвращая к базовому «кто ты?»
«Кто ты?» – Скоро новый переход
в новой суммой свёрнутое время...
Возраст виден в скулах и коленях,
только взгляд пока не выдаёт.

Но не отвечая на вопрос
в череде других сквозных вопросов,
укрывает призрачная осень
ржавью то, что летом не смоглось.
А потом становится легко
и неуловимо безмятежно,
оттого что с триумфальным скрежетом
снова год помчался под откос.

И когда он превратится в хлам,
в груду неопознанных обломков,
битых стёкол, гнутых шестерёнок –
целевой вторичный материал –
нулевой отчёт и смелый план,
в полночь очевидную родившись,
переустановку механизма
разрешат из этого сырья.

Константин Кондратьев

Выпускник экономического факультета, член Клуба поэтов «Лик»

***** (БЕГСТВО ИЗ ЕГИПТА В ЕГИПЕТ,
или «Страшная месть»)**

«Вдали засинел Лиман...» (Н.В.Г.)

Пошатнулся столб в изгороди из жердей.
Из кривых жердей и косых идей.

Они б держали ещё, допреж не разлился Нил,
да закрайний ствол под замшелым камнем сгнил.

До солёных лиманов распахнулась земля.
В горьком мареве мреют поля, тополя.

Хрустнул враз остык, и пошли стада
через чермное море, сам не зная куда.

*** (ТВАРЬ)

Старая кошка влезла передними лапками
в банку с краской.

Глупая кошка – куда ни глянь:
всюду запёкшиеся следы.

Бедная кошка – металась, забилась в угол, и
смотрит оттуда с опаской,
как я насыпаю ей корм, наливаю воды.

Жуткая кошка: красная пасть, в бурых струпьях лапы,
а на усах шевелятся кровяные тельца.
Я достаю её, мелкотряскую, из материнского шкафа,
на котором стоит в пыльной рамке фото отца.

Кошка пьёт воду, миску недоумённо нюхает.
Но прежде всего каждой лапкой брезгливо трясёт...
Кухня наполнена лакокрасочным зноем,
жирными мухами.

И сквознячком душный запах жасмина из сада несёт.

Я сажусь в плетёное кресло
у настежь распахнутых окон.

А каждая паутинка на раме
в закатных лучах кровоточит.
Матушкина кошка вспрыгивает мне на колени,
свивается в кокон.

И, кося на меня жёлтым глазом, утробно урчит.

*** (К МЕДОВОМУ СПАСУ)

когда умирала матушка, меня сводили с ума
эти качели:
вот она на руках моих всхрипывает,
а я всхлипываю: «Ма!.. ма...»
– и тянет сырым сквознячком из крысины щели
под плинтусом... – И вдруг она открывает глаза,
взгляд как спросонья, но краешек уже ясен,
как краешек неба, за который закатывалась гроза,
над которым над насыпью мокрый весенний ясень.

И я ухожу от неё, спускаюсь в сад:
качели чинить, стричь кусты, обрезать ранет.
И слышу из распахнутого окошка над
своей головой: «А я тебя вижу, а ты меня нет!..»

– лукавым, девическим, молодым её голоском –
таким, которым всегда и бывало,
когда я ёшё был незатейливым колоском,
и натягивал ей на лицо из весёлых клочков одеяло.

и я до сих пор не пойму, что мне делать тут:
чинить качели? работать в дизайнерском ландшафте?
Заказчики не хотят качели – хотят батут.
В шахту меня не возьмут – беда на шахте.
Как не сойти с ума, если мир – он здесь:

раскачивается надо мною,
а я уткнулся лицом – и пылинок взвесь
пахнет липовым мёдом, грязным носком,
войною.

*** (СОЛЯРИС)

Сад получился у нас, вопреки топору,
розовый и закрученный – словно большое ухо...

– матушка говорила по утру:
«в левом ухе звенит – не к добру» –
я ей не верил.

Глухо
будут падать яблоки в августе,
как всегда.
Как всегда, будет над полночью ныть
князь комариный...
И сомнётся вода.
И будет в ней плавать звезда –
как на блюдце прогоркшие
с Рождества мандарины.

Что мы будем делать? кому на ухо кричать?..
кого молить о бессмертии? Кого – о смерти?

на стволе старой нашей яблони шкура трескается,
словно печать
сургучная на музейном, допотопном конверте.

*** (думка)

Что делать, когда мир свихнулся,
а вы с женой ещё нет? –
(хотя в этом смысле гораздо давней
подавали надежды)

– Возделывать чай-то сад,
под вечер писать сонет
на кухне. И твёрдо знать,
что друг другу лишь сами вы смежите вежды.

Ещё можно строить курятник, кормить котов и собак.
А совсем уж затемно побаловаться
горилкой и жжёнкой.

И не обижаться, когда сам себе скажешь:
дескать, «ну что, слабак? –
помогли тебе твои ляхи поладить с жонкой?..»

Потом прислушаться, как потрескивает
прихваченная морозцем лоза,
как храпит твой пёс, как крадётся по полу
кошачья лапа,
как дышит в углу жена, как шелестит в форточке
сквознячком душа...
А потом не спеша, прежде чем смежить глаза,
помолиться на образа
за Андрия и Остапа.

Савелий Кострикин

Студент исторического факультета. Активный участник поэтического клуба «Левобережье», член воронежского Совета молодых литераторов, основатель литературного Союза Молодых и Независимых

Ангел

Кто-то ходит и ходит
От земли до небес.
С ним живые уходят
Сквозь узорчатый лес,

Вылетают из тела,
Улетают туда,
Где любовь не истлела,
А земля – не тверда –

Превращается в точку,
На Господнем лице.
Виден образ неточный –
Перед смертью, в конце.

Это ангел восходит
К зыбкой кромке небес.
С ним живые уходят
Сквозь узорчатый лес.

Оксана Лесовик

*Аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета.
Член поэтического клуба «Левобережье»*

Конверт

Мимо квадратов, кругов, пирамид,
Башенок, кранов и арок
Небо конвертом почтовым летит,
Чистым конвертом, баз марок.
Адреса нет. Моего, твоего.
Индекс вспорхнул вороново.
Снег на углах, по углам, от того
Небо морозно и ново.

Небо летит, и я чувствую в нём
Всё, что не сказано прежде.
Белой снежинкой под чёрным крылом
В небе кружилась надежда.
Двое смотрели: конверт, снегопад –
Что за окном, что в прицеле
Белые хлопья легко, невпопад
Без адресатов летели.

Екатерина Макушина

Выпускница юридического факультета. Лауреат Исаевской премии. Член Союза писателей России

***

в другой жизни
ты полицейский
на турецком курорте

волосы стрижёшь покороче
всё одно мокрые

рубашка с распахнутым воротом
липнет к спине

дневная смена в самое пекло
на галечном пляже

вытряхивать камушки из ботинка
удивляться
как они всякий раз находят дорогу
сквозь плотную кожу без единой трещинки

от скуки заходишь в сеть
листаешь новости
бензин дорожает
имбирь дешевеет
на севере никак не кончится заварушка

ладонью прикрываешь зевок

под вечер веет прохладой
по привычке
берёшь стаканчик красного
тянешь за столиком
рассеянно улыбаясь бледной девушке
со светлыми косами

она глядит насквозь
и на дне зрачков
за безмятежно-бирюзовой радужкой
читаешь неподуманное неуслышанное
нечаянно разбившееся в тебе

«вернуться
боже
или всё же
не возвращаться»

***

Мой драгоценный март,
Неразличимый вдох.
Кусочек синевы
Растягиваю маской.
За стёклами палат,
За лентами дорог
Безгневны наши сны –
Как бестелесна ласка.

За городской чертой
К ладони льёт трава
И обещает жизнь –
Нагретая, сырья.
А если попадёшь –
Никто не виноват:
Ковид честней иных,
Мишень не выбирая.

Ты помнишь тихий зов
Отпущенной струны,
Он затихает в нас
Невоплощённым летом –
Где тает след волны,
В котором нет войны,
Покуда не больны –
Темны, и влюблены –
И не молчим об этом.

***

О лебеди отельных полотенец,
Под роскошь безмятежная подделка.
До моря полчаса, в бассейне мелко,
Вчера футбол крутили, завтра – теннис,

Казалось – на орехи аллергия,
Давно приелись каперсы и манго,
Билет на юг – истёртая бумага,
Но выбиралась нами, не другими.

Я опускаю веки – слышу волны,
И брызги оседают едкой пылью...
Губами, не отвыкшими от воли,
Целую накрахмаленные крылья.

***

*Мы давно и настолько уже не нужны,
что за нами никто не придет.*
Ефим Бершин

О блаженство ненужности, право дышать,
Не пугаясь разбросанных слов.
Только пепел опять по земле ворошат,
Не спеша собирается лов.

И выходят тайком, без ружья и оков,
И вливаются в море огней.
Ни собак, ни волков, ниочных воронков –
Волчья ягода травит верней.

И не скажешь отраве: постой, не с руки
Возвращаться мне в глину и прах.
Беспокойная жалость руки и строки
В ядовитый сгущается страх.

Только месяц, как прежде, не встанет на след,
Большеухой качнёт головой.
Никому он не нужен, никем не воспет –
И на цепь не посадишь его.

***

Я читала про Гулю К.
Про волны
Пёстрый Артек
Скачку берегом
Пятнышки чернил
Мозоли от вёсел

Про то как пахло сеном и небом
В ночь на двадцать второе

Став постарше
Я расхотела верить
В лихую улыбку Гули К.
В далёкий и чистый горизонт
Тридцать седьмого
Тридцать восьмого
И дальше
До той рванувшей ночи

А теперь я конечно верю
Каждой порой
Каждой мурашкой

Смейся невзирая на
Веселись вопреки
Пой во всё горло
Не давай себя оборвать

Гуля К.
Золотые кудри
Вам хорошо
И нам замечательно
Wir sind rundum zufrieden

***

- За веру, за правду, за землю под нашим окном.
- Заноза, зараза, занос на шоссе ледяном.
- Заветы, заметы, задеты – и сразу в упор.
- Заплаты, заплачем, за плахой наточен топор.
- Знамёна, замена, замяли, зазубрина, зуд.
- Завалы, забрала, за бранью – замри, увезут.
- Забава, забудем, забелим – залей, решето...
- Забрали, закрыли, зарыли.
- Завыли.
- За что.

Валентин Рахманин

Вечный студент ВГУ, профессор, участник первого
«Дня поэзии ВГУ»

Я буду помнить те каштаны

Свои не скрою я изъяны:
Устало дни мои текут.
Но свечи вспыхнули каштанов
И озарили мне мечту
О том, что всё же будет лучше,
Чем соблазняли миражи,
И кривда правду не заглушит.
А для того и стоит жить.
У жизни нет загадочного плана;
Капризен изворот судьбы.
Цветут и отцветут каштаны...
А значит – так тому и быть.
Настанет срок, погаснут свечи;
Прощально листья зашумят.
И я шепну: «До новой встречи!
Не забывайте вы меня»...
Я так хочу, скрывать не стану
(Храню надежды про запас),
Чтобы доверчиво каштаны
Цвели мне не в последний раз.
Когда глаза мои завянут
И не увижу, что вдали,
Я буду помнить те каштаны,
Что мне пожизненно цвели.

Г. Бодренко

Зима всему и всем простила.
Уйдёт весенними ручьями...
А чьё-то сердце не остыло.
Забвения не знает память.

***

Не каждый из нас свободен
Быть или не быть...
Уходят друзья, уходят
По произволу судьбы.

Каждый из них уносит
Надежды, талант, любовь,
Недоуменье вопросов,
Нам оставляя боль.

Боль не погаснет в забвенье
Неукосимой травы,
Войдёт в сердцебиение
И в состраданье живых.

А звёздное небо над нами;
У сердца вольный мотив.
Но неизбывная память –
Немолчный императив.

Надежда Третьякова

Выпускница фармацевтического факультета ВГУ.
Член литературной студии «Современник»

***

Последний снег –
последнее прощанье.
Крылом лебяжьим
взвихрилась зима.
Сезонное
опальное изгнанье,
смятение
холодного ума.
Февраль
порывисто несдержан
в распутице
кривых дорог.
Сугроб несбыточной
надежды,
как безвозвратности залог.
В тревоге ветер
небеса завьюжил,
а на земле –
разгульная метель
И ветер кружит,
кружит в белом.
Куда, зачем ему лететь?

Не верю в расставанья. Солнце село.
Я притворюсь весёлой неумело,
Зажата вкось меж разумом и телом,
Размыта темнота в полутонах.

Бросаю вызов собственной печали,
Ведь было хорошо, тогда, в начале,
А нынче наши реки обмельчали.
Вглядись в меня. Я – та же глубина.

Небесная полоска стала алой,
Я так боюсь её, я истинно устала,
Пока в тебя по слогу прорастала.
Мне небеса безумием грозят,

Не ведая пощады, хлещут в спину
Дождями беспрчинно, нестерпимо,
Но я жива, и мне необходимо
Перековать строго по осям.

И проступает красное на белом.
Всё так. Всё так, как я хотела.
Хвала Тебе, сегодня я сумела
Благодарить, отдачи не прося.

***

К полувеку полувек
Прирастёт – что проще?!
Полулёд и полуснег
На реке за рощей.

Полуправду, полусны –
Всё размывают реки,
Полные ладони тьмы
В нашем странном веке.

Полуголая звезда
Под веслом усталым.
Мне вода сказала: «Да», –
И меня не стало.

***

И цвет имеет значение.
И свет плывёт по течению.
И воздух, как будто чайный.
И ветер траву качает.

И трасса летит меж сосен,
И утро рассвет уносит,
И сердце бежит по кругу,
И мы говорим друг другу:

– И я тебя буду помнить.
– И я тебя буду помнить...
– И я тебя не забуду.
– И я тебя не забуду...

И лето осталось нашим.
И свет на крыльце погашен.
И неба сухая просинь.

И это – последняя осень.

***

Третьякову Сергею Ивановичу

Дед Серёгу вижу седьмым, как снег,
Ни усов, ни старческой бороды,
Он является сильным и молодым,
Только сеть морщинок у тонких век,

Перекос плеча и вёночки на щеках.
Он стоит, руки за спину заложив.
И он лёгок, весел. Как будто жив.
Ни забот, ни дрожи в его руках.

Тихим детством веет из этих снов,
Его взгляд из прошлого, он парит
По-над садом, домом, где свет горит...
Я хочу спросить, но не хватает слов:

Где ты был так много холодных лет?!

И я плачу, я руки к нему тяну...

Но он шепчет, оставляя меня одну:
Передай, Надюша, внукам моим привет.

***

Михаилу К.
Андрею А.
Дарье К.

В нашем маленьком
Домике хрустальненьком
Четыре бабочки пляшут на тонких ножках,
Пыльцу роняют –
Два поэта и два прозаика –
На смех и музыку, на-ка, помножь их.

Девочки в серебряных лёгких крыльях
Прячут поэзию, шутят, шуршат рифмами,
Невесомые, тонкой пылью,
Ложатся строки на струны у самого грифа.

Колосьями зрелыми, пшеничными, к небу тянутся,
Говорят мотыльки-мальчики,
Слова на вес золота, звенят, ударяются
О стекло этой знайной баночки.

На огонь слетаются смотреть на свечи,
обжечься хочешь?
И осыпаются
позолотой
эти летние дни и ночи...

Весна и лето на прощание машут, душа – наизнанку,
Истаивают в мареве небесном...
Зимой станет страшно в комнате, станет тесно,
Постучу по крышке, приоткрою банку,
И польются в ладони наши смех и песни...

Дмитрий Чугунов

Профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы. Руководитель межвузовского творческого объединения «КПП». Член Союза писателей России

***

Крылышком осинным день замрёт,
Невесом, прозрачен, затрепещет
В раскалённом камне. Как поёт
Этот воздух, изменяя вещи!
Как поёт иссохшая трава
Голосом седого Алустона!
Слыши ли тебя? Едва-едва...
Незнакомец с обликом знакомым...
На тебя смотрю, но что твой лик?
Где – не камень, где ты – настоящий?
Господин столетий, твой ли крик
Здесь пронёсся к чьей-то славе вящей?
Бесконечность времени слепа.
Мыслящий тростник ему ль помеха?
Кто не победил, но и не пал?
Камень – смерть. И он – столетий эхо...

***

Искусство собирания камней –
Бессмысленное, в сущности, искусство,
Но вот, прия в один из тихих дней
На берег, испытаетеъ чувство
Отличия от всякой суэты,
Ненужное отсеется прибоем,
И так, под бесконечный шум воды,
Тобою будет новый дом построен.
Искусство собирания камней
Придумано для долгого заката,
Когда короче день, а жизнь длинней,
Когда ты хочешь жить, как жил когда-то
Неведомый, весёлый, юный бог,
Не знаящий ничего из нашей смены,
Сам складывавший камни на песок
В желании какой-то перемены.

* * *

* * *

Киммерийцы, и дикие тавры, и скифы, и греки,
Генуэзцы и турки – все ушли. Я их вовсе не знал,
Как не знает песок под случайной пятой человека
Слова «тяжесть»
И не знает ракушка в пыли, оторвавшаяся от скал,
Слова «буря». Случайности все не случайны,
Юной деве, несущей прекрасную грудь
С гордо поднятой головой, неизвестны ни тайны
Миров, ни погода в дне завтрашнем.

Собственный путь

У сверкающих волн и у чаек на пирсе, у лавра,
Обронившего лист, у вина в ненасытной крови –
Просто пей, и тебе безмятежной улыбкой кентавра
Этот день улыбнётся и скажет негромко: живи...

Джабраил Яхъяев

Выпускник филологического факультета. Ведущий культурных мероприятий. Руководитель благотворительного фонда «Видеть сердцем»

* * *

Предсмертный сон... На пасмурной равнине
Вскружилось пламя собранной травы,
И древний Лось стоит посередине,
Лесной не поднимая головы...

И сотни сов – чернеющие звёзды –
Кружат над ним на сломанном крыле
И падают, как скомканые гвозди
Звяня по всей растоптанной земле.

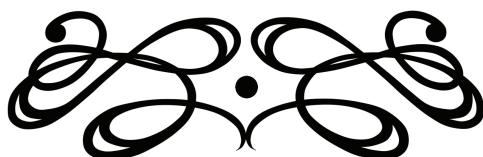
Я выхожу, трёхглазый и ослепший,
На выжженную почву божества,
Мой каждый шаг избыточен и грешен,
Мой каждый вдох – забытые слова.

Мы спим глубоко. Спит земная Память
И омертвили сотканные дни.
Но снится нам тускнеющее пламя,
Которое никто не сохранит...

***

Уткнувшись в пятидюймовый экран,
Как заточёный в сенсорную бездну,
Ты потеряешь видимую грань
Между живым и мертвенно-полезным.

Твой мир вместился в тающий кулак,
И солнце в нём – невидимая точка.
Закрой глаза.
Закрой глаза!
Вот так...
Не открывай.

Рождённые в 1923-м...

Виктор Акаткин

Их, рождённых в 1923-м, в расщелине между двумя мировыми войнами, мало осталось в живых – только трое из ста...

Со школьной парты они метнулись в кипящий котёл войны, воодушевлённые мечтами выйти из него в преображеный, звёздный мир. Их называют «юношами 41-го года», для многих последнего в их судьбе.

Они оставили после себя горящие слова и строки, дневниковые записи и стихи, которые «не стыдно помнить», по словам одного из них. Выжившие «подранки», случайно «помилованные свинцом», продолжали биться словом и делом за живую и горькую правду войны, оберегая её от высокопарных прикрас и лжи...

«Наступление»
Авт. Татьяна Фомичёва

Виктор Кочетков

***

Чему мы служили? На что мы сгодились?
Пусть время без гнева ответит на это.
Под треск пулемётов на свет народились,
под треск автоматов уходим со света.

Меж двух мировых мы с трудом разместили
и детство, и юность, и зрелые годы.
Моим поколеньем дорогу мостили
из царства терпения в царство свободы.

Без нас затеваются новые споры,
не нас приглашают на новые роли.
Мы не лицедеи. Мы только сапёры,
проводившие мир через минное поле.

***

Шёл смертный бой.
Земля в огне кипела.
Был сужен мир до прорези прицела.
Но мы, верны решимости и вере,
Ему вернули прежние размеры.

***

Отгребла война.
Уже давней историей стала.
А никак не отпустит
Тревожную память бойца.
От фугасов и мин
Мы очистили наши кварталы,
Но какой же сапёр
Разминирует наши сердца?

Александр Межиров

Музыка

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попрала.

Какая музыка
во всем,
Всем и для всех –
не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасём...
Ах, не до жиру – быть бы живу...

Солдатам голову кружка,
Трёхрядка
под накатом брёвен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну
струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Стенали яростно,
навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке – инвалид,
И Шостакович – в Ленинграде.

***

Памяти Семёна Гудзенко

Полумужчины, полудети,
На фронт ушедшие из школ...
Да мы и не жили на свете, –
Наш возраст в силу не вошёл.
Лишь первую о жизни фразу
Успели занести в тетрадь, –
С войны вернулись мы и сразу
Заторопились умирать.

Друзьям

На утрату нижется утрата,
Но такого позабыть нельзя.
Вечно живы в памяти ребята,
Фронтовые, кровные друзья.

К одному один. И каждый – лучше,
Каждый заправила и вожак.
Прикажи – поразгоняют тучи,
Прикажи – грозою освежат.

Я люблю их больше всех на свете,
Потому что вместе нас прожёг
Самый горький и суровый ветер –
Ветер отступающих дорог.

И ещё за то, что наши роты
В петлях окружений, взаперти
Верили в крутые повороты,
Верили в обратные пути.

Борис Чичибабин

Сияние снегов

Как зимой завершена
обида темных лет!
Какая в мире тишина!
Какой на свете свет!

Сон мира сладок и глубок,
с лицом, склонённым в снег,
и тот, кто в мире одинок,
в сей миг блаженней всех.

О, стыдно в эти дни роптать,
отчаяваться, клясть,
когда почиет благодать
на чаявших упасть!

В морозной сини белый дым,
деревья и дома, –
благословением святым
прощает нас зима.

За все зловещие века,
за всю беду и грусть
младенческие облака
сошли с небес на Русь.

В них радость – тернии купать
рождественской звезде.
И я люблю её опять,
как в детстве и в беде.

Земля простила всех иуд,
и пир любви не скуп,
и в небе ангелы поют,
не разжимая губ.

Их свечи блёстками парят,
и я мою зажгу,
чтоб бедный Галич был бы рад
упавшему снежку.

О, сколько в мире мертвецов,
а снег живее нас.
А все ж и нам, в конце концов,
пробьёт последний час.

Молюсь небесности земной
за то, что так щедра,
а кто помолится со мной,
те – брат мне и сестра.

И в жизни не было разлук,
и в мире смерти нет,
и серебреет в слове звук,
преображеный в свет.

Приснись вам, люди, снег во сне,
и я вам жизнь отдаю –
глубинной вашей белизне,
сияющим снегам.

***
Сними с меня усталость, мать Смерть.
Я не прошу награды за работу,
но ниспошли остыду и дремоту
на моё тело, длинное как жердь.

Я так устал. Мне стало все равно.
Ко мне всего на три часа из суток
приходит сон, томителен и чуток,
и в сон желанье смерти вселено.

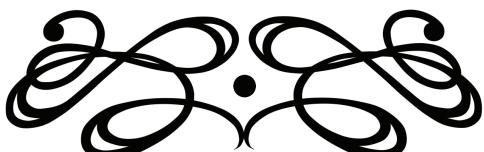
Мне книгу зла читать невмоготу,
а книга блага вся перелисталась.
О мать Смерть, сними с меня усталость,
покрой рядном худую наготу.

На лоб и грудь дохни своим ледком,
дай отдохнуть светло и беспробудно.
Я так устал. Мне сроду было трудно,
что всем другим привычно и легко.

Я верил в дух, безумен и упрям,
я Бога звал – и видел ад воочью, –
и рвётся тело в судорогах ночью,
и кровь из носу хлещет по утрам.

Одним стихам вовек не потускнеть,
да сколько их останется, однако.
Я так устал! Как раб или собака.
Сними с меня усталость, мать Смерть.

*Стихотворения печатаются по изданию:
Современные русские поэты. Антология. Москва :
Вербум, 2006. 495 с.*

“Рождённые” в 2023-м

Дмитрий Чугунов

Встреча в тихой, мирной библиотеке

(Об Анне Долгаревой)

Кто-то обратился к ней:

– Насколько я понимаю, Вы ведь считаете себя пропагандистом...

– Нет, это Вы, по-моему, считаете меня пропагандистом.

– Мне почему-то так показалось... то есть... не хотели бы Вы?..

– Повторю: это Вам так кажется...

И в этом, я считаю, было главное.

Анна Долгарева заявила о себе как поэт задолго до СВО. Её стихотворения принесли ей Григорьевскую премию (2019), премию имени Левитова (2021), премию «Филатов Фест» (2022)...

«Война»
Авт. Татьяна Фомичёва

И здесь, в заполненном до отказа мирном зале тихой Никитинской библиотеки, перед публикой выступал не пропагандист, но Поэт. Человек, повидавший и переживший за неполный год столько, сколько иному не выпадет и за всю долгую жизнь. При этом она не потеряла способности улыбаться. Она сохранила в себе дар видеть людей и сходиться с ними, открываться и открывать.

Единственное отличие от себя прежней – в поэте родился Поэт.

Как когда-то писал Максимилиан Волошин, посвятив свои строки памяти А. Блока и Н. Гумилёва:

С каждым днём всё диче и всё глуше
Мертвенная цепнеет ночь.
Смрадный ветр, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Тёмен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведёт
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца, – Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь, –
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

(«На дне преисподней», 1922)

Так и она. Неважно, где она родилась и где жила, с кем была дружна и с кем разорвала всяческие отношения, откуда уехала и где обрела родные берега. Её родиной сделалась Россия, Русь. А она по-настоящему проявила себя русским поэтом.

Анна Долгарева любезно разрешила опубликовать свои стихотворения в нашем альманахе. Мир тесен: выпускница нашего филфака Катя Лымаренко, ныне военкор в Донбассе, жила с ней в одной донецкой гостинице; немного позже уже Анна выступала в Воронеже...

Зал Никитинской библиотеки полон... Я подхожу к Анне после чтений и прошу написать что-нибудь студентам Воронежского университета. Она задумывается на пару секунд и пишет: «Будьте!»

И это главное.

Быть.

Физически. И ещё людьми.

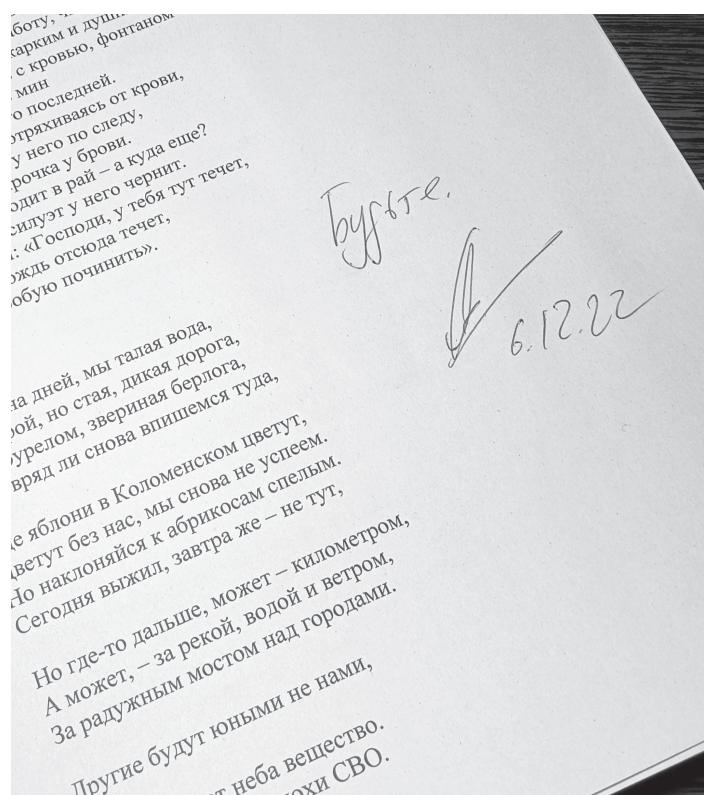

Фото Дмитрия Чугунова

Анна Долгарева

***

В город пришла война.
 В город ложатся мины.
 В городе разорвало водопровод,
 и течёт вода мутным потоком длинным,
 и людская кровь, с ней смешиваясь, течёт.
 А Серёга – не воин и не герой.
 Серёга обычный парень.
 Просто делает свою работу, чинит водопровод.
 Под обстрелом, под жарким и душным паром.
 И вода, смешавшись с кровью, фонтаном бьёт.
 И, конечно, одна из мин
 становится для него последней.
 И Серёга встаёт, отряхиваясь от крови,
 и идёт, и сияние у него по следу,
 и от осколка дырочки у брови.
 И Серёга приходит в рай – а куда ещё?
 Тень с земли силует у него чернит.
 И говорит он: «Господи, у тебя тут течёт,
 кровавый дождь отсюда течёт,
 давай попробую починить».

***

Мы пена дней, мы талая вода,
 Не строй, но стая, дикая дорога,
 Мы бурелом, звериная берлога,
 Мы вряд ли снова впишемся туда,

Где яблони в Коломенском цветут,
 Цветут без нас, мы снова не успеем.
 Но наклоняйся к абрикосам спелым.
 Сегодня выжил, завтра же – не тут,

Но где-то дальше, может – километром,
 А может, – за рекой, водой и ветром,
 За радужным мостом над городами.

Другие будут юными не нами,

А нами будет неба вещества.
 Мы – пена дней эпохи СВО.

***

(Закату и его маме Надежде)

Звали её Надежда,
 учительница в школе.
 И был у неё ласковый сын сероглазый.
 А когда началось – на временном расколе –
 ушёл на войну, не сомневаясь ни разу.

Отложил мечты когда-нибудь доехать к Байкалу,
 отложил мечты – повзрослею, мол, подрасту.

И слышался сердца стук и колёсный стук.
 И большая страна за окном вагона мелькала,
 и было ему тридцать три.
 Как Илье Муромцу или Христу.

Когда она прочитала
 «Погиб самый светлый парень»,
 Ей даже имя не нужно было – и так поняла.
 И был сентябрь горячей кровью ошпарен,
 и Оскол-река как из бутылочного стекла.

Звали её Надежда, но надеяться было не на что.
 Сползала по стеночке.

Хоронили в открытом гробу, сдержать не могла вой.
 Господи, почему.
 Господи, для чего.

А потом подошла – такая уже, не юная
 (Это её на иконах молодой рисуют, с младенцем),
 Говорит: я своего тоже на руках баюкала,
 Тоже потом хоронила – куда же деться.

А потом, говорит, восстал через три дня.
 Так, говорит, и будет, слушай меня.

И открыла Надежда глаза – а рядом более никого.
 И только плат на плечах чужой –
 сияющий,
 огневой.

***

Офицер в Изюме мне говорил такое:
 «Не пиши “геройство”, мы не герои,
 Мы не то что сражаемся в высшей лиге,
 Максимум – упоминание в полковой книге».

Русский борщ кровавый с укропом варили,
 Говорили, разное говорили.

Мол, земля мы и прах, и порох, и артснаряд –
 За соседку Таню, за продуктовый у дома,
 За старух на лавке, за дворников, за котят,
 За своих и чужих, знакомых и незнакомых,
 Не расспрашивай, пусть другие потом говорят.

И они действительно о себе не умели.
 Потому я перестала быть женщиной, стала гобоем,
 Пела о них, целовала их в лоб перед боем.
 Помяни, Господь, Заката, Скрипача, Паганеля

И прочих, променявших имя в крещении
 На короткий, как выстрел из РПГ, позывной.

Наступает осень, ветер в оконные щели
 Входит, и больше никогда не остаётся одной.

* * *

Пока превращалась в красную линию кровавая нить,
Пока, скрежеща, переламывалась эпоха,
Я молилась, чтоб не пришлось тебя хоронить,
И действительно опоздала на похороны.

Время пройдёт, прирастут дубы годовыми кольцами,
Будет стоять памятник молодому солдату.
Я как-то спросила, почему ты пошёл добровольцем.
Ты пожал плечами: «Открыли военкоматы».

* * *

И упала звезда, и застяла во мне,
И чернели сгоревшие хаты.
И заплакала мать на родной стороне,
И заплакала моя мати.

И когда я упал с той звездою в виске
Без последнего русского слова,
Покраснела вода в Ингулец-реке
Чёрной осенью двадцать второго.

И прижался к траве я сгоревшим лицом,
И ушёл я, минуя блокпосты.
...В вышине над Херсоном, Осколом, Донцом –
Бесконечные русские звезды.

Его сторона истории

(Об Игоре Караулове)

Игорь Караулов – один из ясных поэтических голосов новой России. За минувший год он написал более сотни стихотворений, побывал с публичными чтениями в пятнадцати городах нашей страны, его произведения увидели свет в книге «Моя сторона истории» и трёх поэтических антологиях.

В Воронеже он выступал на фестивале «Русское лето». Помимо стихов – интересно и глубоко размышлял, делился наблюдениями над современным литературным процессом у нас и в сопредельных странах. Говорил о том, что особенностью новой русской поэзии является не только искренность переживания, но и особенная эпичность описываемого. Сегодня вместо плоской и потребительской картины мира в нашем сознании возникает неоднозначная, объёмная, подчас трагическая картина бытия. И поэтому задача поэта – огромна. Она вовсе не в том, чтобы развлекать слушающего или просто самовыражаться. Поэт задаёт вопросы, утверждает, сомневается, иронизирует (подчас – зло), сопереживает, в целом же – вновь ведёт читателя за собой.

Игорь Караулов

***

С холма открывается город Марии:
приморские липы в начале тепла.
Мы только недавно с тобой говорили
про город, откуда Мария ушла.

Мария ушла до начала обстрела,
схватила детей, повязала платок.
Она, получается, чудом успела,
уборку и борщ отложив на потом.

Незримо прошла по предместьям садовым,
едва ощущая стущение зла,
в то утро, когда обернулся Содомом
тот город, откуда Мария ушла.

Разбитые стены и окна пустые,
обломки бетона, осколки стекла.
Как будто уже не вернётся Мария
в свой ласковый город, сожжённый дотла.

Но разве удержится горе навеки,
когда засинеют сквозь дым небеса
и в море уйдут бородатые греки,
вверяя Марии свои паруса?

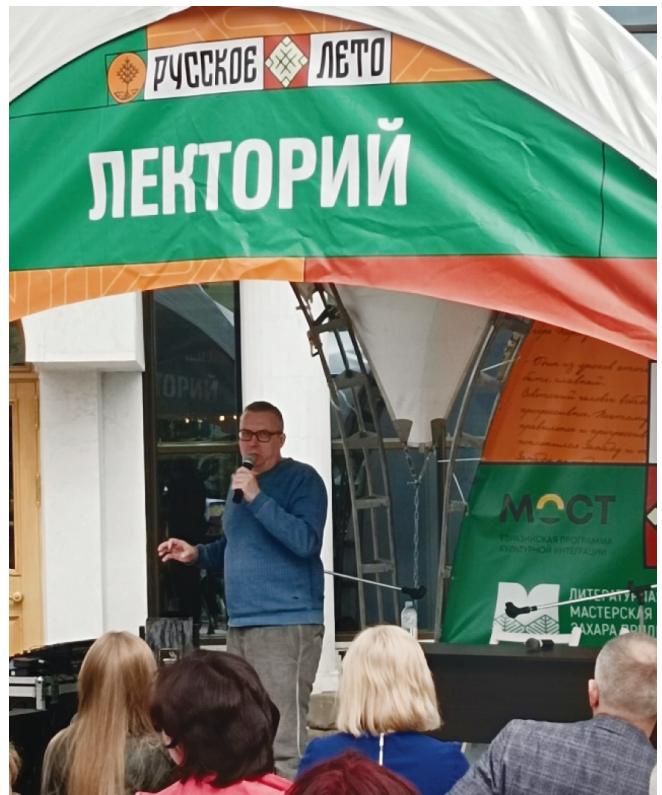

Фото Дмитрия Чугунова

***

Остаются стекло и щебёнка,
испарившейся крови следы.
Остаётся слезинка ребёнка –
неподъёмная капля воды.

Остаётся зелёная палочка,
муравейного братства секрет.
Остаётся азовского парубка
неопознанный труп на земле.

Позабытое заново пройдено.
Что задумался, рыцарь на час?
Не с того начинается Родина?
Но с чего-то же надо начать.

Наконец, остаются Каштанка,
Белый Бим и собака Муму
и сидят у разбитого танка,
вопросительно глядя во тьму.

***

А ещё напали на Германию в сорок пятом,
вторглись на территорию суверенного государства
и всех насиливали членом и автоматом,
не пропускали ни монашки, ни педераста.

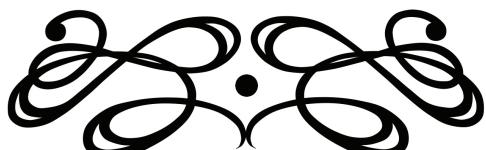
Грузовыми составами вывозили
что попало, от Рафаэля до унитаза,
и знамя своё кровавое водрузили
на крыше демократического рейхстага.
А помните, как бедняжки из армии Паулюса
голодали в кotle без центрального отопления?
В общем, есть за что и платить, и каяться
из поколения в поколение.

***

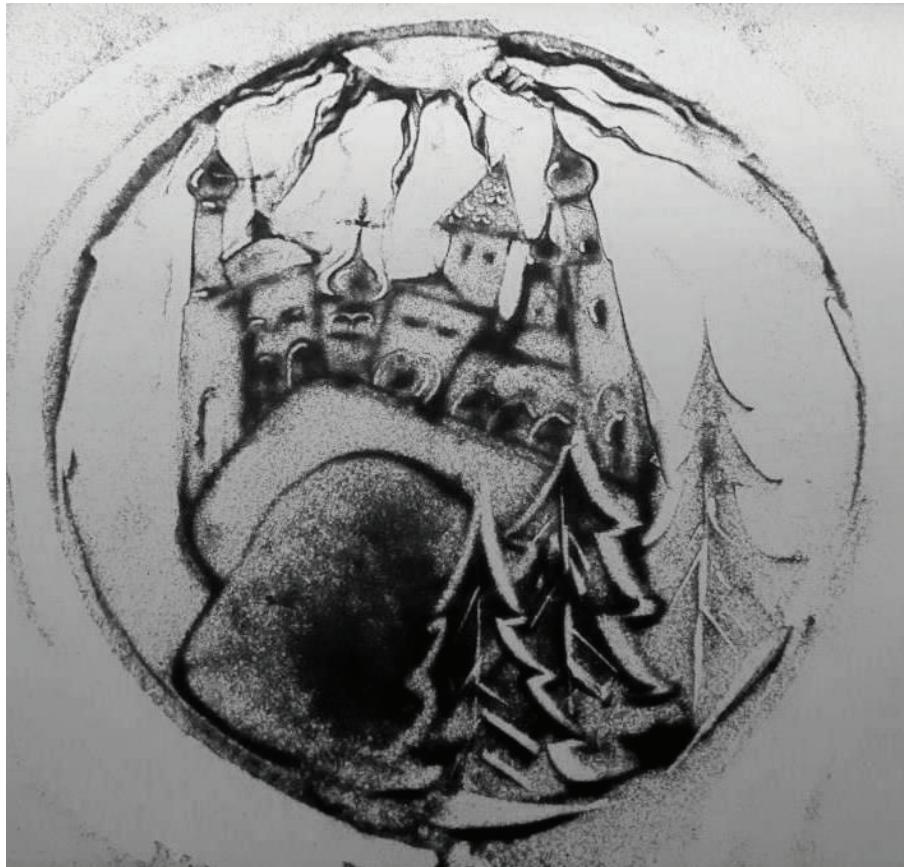
Я тебе придумал колыбельную –
делать было нечего зимой –
от всего текущего отдельную
и себе не равную самой.
Я тебе придумал непохожую
ни на что считалочку для сна.
Как её умом ни подытоживай,
ни к чему не сводится она.
Я тебе судьбу большую выберу,
золотыми нитями прошью.
Я тебе спою её по вайберу
и отдельным файлом перешлю.
Это лучше, чем твоё сноторное.
Это всё, что я пока успел.
С ней тебя грядущей ночью чёрною
не разбудит даже артобстрел.

***

А ты сентиментален, я смотрю:
заплакал, подводя итоги года.
Я никогда слезами не сорю.
Ну, разве что когда цветёт природа
и враг цветёт, овсяница моя,
а то и тимофеевка – неважно.
И если слышу песню соловья,
бывает, что в глазах немного влажно.
От пёсных бед теряю я покой,
сочувствуя воробушкам-калекам.
Могу чуть-чуть поплакать над строкой,
но ни за что – над взрослым человеком.
Мне не дано ронять слезу у ям,
в которых человечество зарыли.
Прости мне этот пятистопный ямб,
его нашёл я на чужой могиле.
Бывают слёзы от лихих приправ,
но мимо человеческого горя
я прохожу иначе: пальцы скжав,
с судьбой не соглашаясь и не споря.
Людское горе больше наших слёз,
и среди ночи, сердцем каменея,
я чувствую, как я к земле прирос,
и не моя слеза плывёт над нею.

Выбор

«Край ты мой заброшенный»
Авт. Татьяна Фомичёва

Ольга Булахтина

Выпускница филологического факультета

***

А я вот знаю точно: ты вернёшься.
Твой голос снова в доме зазвучит.
Слезам родных счастливым улыбнёшься
И подмигнёшь: «Для грусти нет причин».

Поймёшь: таков был путь. Так было надо.
Ребят погибших вспомнишь и бои...
И к дедушкиным боевым наградам
Положишь, призадумавшись, свои...

Почувствуй: там, в пороховом угаре,
Где стонет небо и в крови земля,
Хранитель мой с твоим дежурит в паре,
Не складывая крылья с февраляя.

***

Когда с телевизором споришь, грубя,
Клянёшь ты политиков смело,

Подумай, что кто-то погиб за тебя
В тот самый момент под обстрелом.

Вновь цены взлетели на мясо и быт.
Ругаешь нещадно Европу.
Кому-то – хлеб с плесенью ужином был
В сырых и холодных окопах.

Ты снова не можешь сегодня уснуть.
Мечтаешь в жаре о прохладе,
А кто-то – на солнце ещё раз взглянуть
Под ливнем горячих снарядов.

Ты их не просил за тебя умирать.
Так что же ты должен тем людям?
Они далеко, кто-то – в прочих мирах,
И лично тебя не осудят.

Быть может, ты прав. Ни к чему эта лесть
Политике власти России.
Но только профессия всё ещё есть –
Страну защищать от насилия.

Не кайся, не надо! Так быть и должно,
Чтоб жизни баланс не разрушить:

Одним – строить мир, а другим суждено
В боях прикрывать наши души.

Но помни всегда, что для Родины ты
И тех, кто забыл о покое,
Как дедам когда-то, – надежда и тыл.
И будь своих братьев достоин.

Татьяна Воронова

*Выпускница филологического факультета ВГУ.
Лауреат международного поэтического конкурса
«Молитва»*

В городском парке

Тает в небе, как сахар,
Облаков пелена.
Люди слушают Баха.
Где-то идёт война.

Где-то – в разрывах страха –
Дымные города...
Люди слушают Баха.
Лижет песок вода.

Сонная трель гобоя
Скрипкам кружево вьёт.
Может, в грохоте боя –
Кто-то слышит её?..

Может, среди замеса
Из пота, мата и ран –
И для тебя есть место,
Иоганн Себастьян?..

Где-то – устало бахнул
Сотый за день снаряд.
...Люди слушают Баха.
Бог и Бах – победят.

***

Когда привычный бас военных самолётов
Уже не заглушит шуршанья тополей, –
Тогда тебя, старлей, иная ждёт работа
(Труднее в сотни раз, чем прочие, старлей):

Сдирать с души войну, как въевшуюся сажу,
Как каменным ножом – наколку на плече,
И звать по именам теней ночную стражу,
Ответом обходя бессильное «зачем?».

Не спрашивай сейчас, какого цвета память
И кто она тебе – союзник или враг.
Другие соберут посеванное нами –
Но Кто-то говорил о равенстве наград...

Мы после всё поймём, отмолим и оплачим,
Пока же – только дым поверх сухой травы
И вечное: «В бою мне пожелай удачи...»

Что есть – допьём до дна.
Старлей, вернись живым...

Мальчишки

Резиновый бьёт фугас,
Песочные рвутся мины...
Мальчишки играют в нас –
Мальчишек наполовину.

Конечно, сдаётся враг,
Конечно, победа наша –
Какой же теперь дурак
Нарушит границу пляжа?

В три глотки визжат: «Ура!» –
И к речке спешат герои...
Братишко! Твоя игра
Останется пусть игрою!

Когда дорастёшь ты до
Историй старшего брата...
Покуда живи – с мечтой,
У взрослых невольно взятой.

Какие – не Дед Мороз
Подарки нам тут приносит, –
Мы после расскажем, бро...
(Ведь спросит! Я знаю – спросит!)

«Поёт зима, аукает...»
Авт. Татьяна Фомичёва

Прости – отвлекусь пока.
Так... надпись уже готова:
«За Белгород»...
«За Витька»...

...Как дети.
Честное слово.

Предновогоднее – 2022

По-зимнему празднично в небе:
Сапфиры и блеск янтаря...
О зрелищах вьются и хлебе
Беседы в конце ноября.

Заслушаешься светлооких –
За планом рождается план:
– А может быть, бар-караoke?
– Нет, лучше махнём в ресторан!

Они веселы и спокойны
В расколотый надвое год –
Как будто под Марьинкой бойня
В соседней вселенной идёт.

О Боже, как мерзко и мелко –
Давиться шампанью с икрой,
Салатным сумбуром в тарелке
И съеденных дней кожурой, –

Когда, остириё своей воли
Направив в указанный ад,
За ленту по мёрзлому полю
Уходит твой названный брат...

И, словно в магическом блюде,
В налитой до края воде –
Ты видишь, где подлинно люди,
А где – только тени людей.

И нет драгоценности горше,
Дороже сокровища нет,
Чем купянской грязи пригоршня
И крови артёмовской след.

Владимир Емельяненко

Выпускник физического факультета ВГУ. Член клуба поэтов «Лик»

Парламентёрское

Сидят парламентёры, командиры
Под маскировкой. Тихо говорят.
Стоят бойцы, в разгрузках светят дыры,
Темны глаза усталые солдат.

Ещё с утра струился холод в жиле,
А руки ждали боя и рывка.
И было дело, бились и крушили,
А кто-то взгляд уставил в облака.
Стучала ненависть в виски, зверели руки,
Сгорали: кровь, зелёнка и дома.
Был каждый шаг – наука и упрёк, и
Плыл в зрачках кровеющий туман.
И вот, в глаза глядят, сидят, считают:
Маршруты, коридоры, груз потерять,
А солнце так бессмысленно сияет,
И ищет норы выкормленный зверь.

2014 г.

Памяти парней из Донбасса

Сколь ни трудись, сколь ни кляни судьбу,
Хоть сотни книг смени у изголовья,
И сколько б предков ни было в гробу,
Вставай, зажми собой свою журбу,
Коль государство это – только кровью.
Ты отоспишься.
Здесь.
Быть может там,
Где всем нам спать, где честность и раздробье.
Но светел сон, и сын идёт по дням:
Где по дорожке, где-то в ноги – хлам.
Но государство, это – только кровью.

2022 г.

Иларион Прасолов

Студент факультета журналистики

***

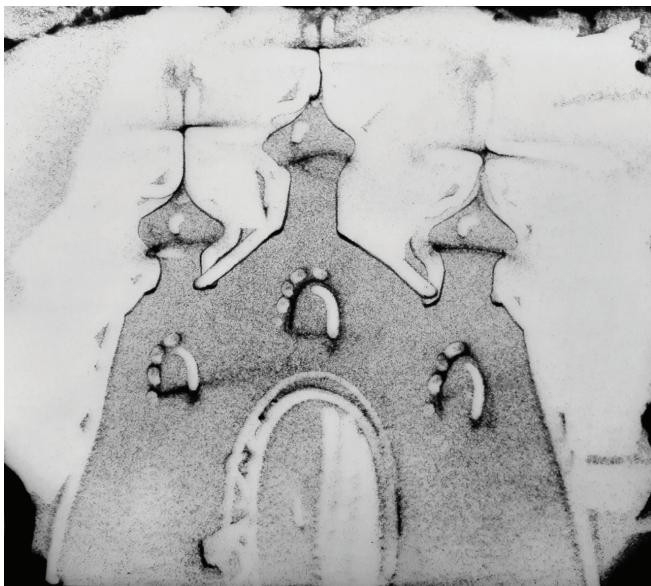
Мне, как Лермонтову – в ссылку надобно,
чтобы манный пирог из любых ладоней
есть один раз в два лета; чтоб ладаном
схимник святил на брань, беспогонного.
Чтобы в косоворотке одной, без кителя,
поверх – кустарный разгруз, без броника,
румынский «калаш» и две спарки; чтоб видели
на «Миротворце», в руке с «лимонкой».
Мне бы, как кольскому иноку – в глухоманье,
чтоб скит в вороной дубраве, на косогорах,
слинявшую бороду мыть в буряне,
взлохмаченном вы沟ой, как писем ворох.
Чтоб сосны афганские «Ворона» пели мне,
в плена безмундирном шуршали, пёстрые;
чтобы шайтан-трава в талибанском сукне
погорела с пуштунками в белом фосфоре.
Мне бы вернуться в село на Кавказе, целым,
с сумкой ракат-лукума – к чаю на травах,
тогда-то и хватит с меня ловить арафатки прицелом,
«– ...работать пойду».
«– куда?»
«– да чёрт знает...»

***

Я помню трёхлапого кота на твоих коленках, –
в шутку его называл Джоном Сильвером, –
помню высь с подмастком молочной пенки,
клеймённую иглами ржавых шильев.
Нас делят вёрстами, лычками на погонах;
я – пёс подшинельный, полковничих стёбов пária,
наевшийся всласть уставного гонора,
живущий в надеждах – в их липовом мареве.
В последний раз ты встретишь меня с вокзала,
положишь в карман дальку лета, как передачку,
сойкой взлетишь над заводом, что злобно скалит
подласые трубы, смогом испачканные.
Я уйду туда, как хрипел из плеера Муцураев,
на мордованных бэтрах –
в весну из песни «Дельфина»;
вошью в камуфляж январь да присяду с краю,
а ты не горюй: у мамы моей – два сына...

***

Я искал его здесь, и здесь же его терял –
в подъездах, дышащих русским холодом,
в шеренгах рдеющих гаражей, где мал
стоический дух, куревом поистомленный.
В ватной све, рассыпавшей звёзды инеем,
как сестра из лукошка пожухлый крыжовник,
глядел: может, ходит там кто-то, без имени,
спотыкаясь о век пережёванный –
В чунях мышастых, сто раз перештопанных,
в старом плаще из татарского кумача,
собирая в котомку парашютные стропы,
Млечный Путь на саночках волоча.
И смотрит вниз: на пресность бетонных улиц,
на пацанов, в перемену дымящих за школой,
на брусничный сентябрь, ливней хлебнувший,
на батю, который так горько молод.
А я всё в небо гляжу – внаизырь, пристально,
улыбаюсь, да так недотожно, застенчиво,

«Иисус младенец»
Авт. Татьяна Фомичёва

и молчу – лишь метель с атаманским присвистом
пелёнки разносит по норкам беличьим.

***

Пацаны –
в чеченках подвёрнутых, злые, но зеленее кущ,
куда убегали тянуть ядовитый дымок цигарки;
по заборам спиралями вился настырный плющ,
у ларька два дембеля горькую лили по чаркам.
Мы равны –
как ели вместе рожки, так вместе и заряжаем,
и вместе бинтуем небо льняными портнянками,
«Янку» хрюпим, будто заповедь со скрижали,
смолистой махоркой жжёмся под крышей из лапника.
Полцены

не заплатим, за нас уж с три короба плочено,
нам плотник плотью платил за Иаковлю лестницу,
мы – ручьи в крутогорых кавказских уроцищах,
мы – пасынки вещей тунгусской медведицы.

Видим сны
про вихрь, сопящий в затылок запахом мёда,
про квас монастырский с утра на белой скатёрке,
про серые очи с оттенком лазури подлёдной,
про душевный базар со слепым заводским каптёром.

Крещены
в поселковой часовне с неброским берёзовым куполом,
сухопарым священником под стопленными свечами;
так веру несём от рубах до мундирной скупости,
и кресты на тесёмках с нас снимут лишь с головами.

Мы с войны...
эй, Рыжий! знаешь, нам здесь умирать уютно!
мы шашками люто замашем в лихой свистопляске,
и от Амура до Терека, от Находки до Сержень-Юрта
сляжем, рассыпемся по бурьяну в анютины глазки.

***

Мам, мы хотели быть космонавтами –
мехводики танчиков из пластилина,
смешные невольники твоего завтрака,
внуки гнедых перелётных клинов,
стёршие пятки о пыльное солнце,
с коленками в скопленных коцках, –
не спали ночами длинными.

Мам, мы путали пальцы в звёздах,
читали советские томики Лема,
хватались зрачками за месяц мёрзлый;
мы – плюшевые капитаны Немо,
упрямо искающие между строчек,
среди межпланетных обочин
по фантикам наше время.

Мечтаем, до сих пор не бывали в космосе –
по одному лишь уходим в том направлении,
уходим такие же милые, бόсые,
смешные рабы беззачурной лени,
и также пятки о солнышко топчем,
бредём, превращаемся в точки,
и снова
в коцках
колени.

Пётр Савченко

Давний участник Дней поэзии ВГУ

**1241 год. Новгород призывает князя
Александра Невского спасти их от немцев
(отрывок из былины)**

Стала ненависть зла причиною.
Распрощался люд со скотиною,
Лошадей, коней брали вороги
И людей, Руси люди дороги.
Скоро Новгород подорожную
Ярославу слал, и не ложную:
«Нас спаси, идёт разорение.
Ярослав, шли рать на спасение.
Киев, Новгород – Русь единая,
Хоть была вражда беспричинная».
Князь прислал тогда сына воина;
Доблесть памяти удостоена.
Не привёл Андрей рать могучую,
Хоть в душе имел волю жгучую.
Супостата бить как немецкого?
Мало рвения молодецкого,
Нужен мудрый князь, в битвах опытный,
Славный мужеством и безропотный.
Александра звал, жжёт отчаянье,
Был же Новгород весь в раскаянье,
Слёзно он просил: «Будь заступником,
Разоряемы мы преступником.
Изведёт всю Русь, канем в Лету мы.
Не помочь уже нам советами».
Для Руси суров век тринадцатый.
«Будешь с немцами, друг, сражаться ты?» –
Сей вопрос везде между жителей.

Надо ж было гнать тех воятелей.
Невский мужеством ширь державную
Сохранил – всю Русь православную.

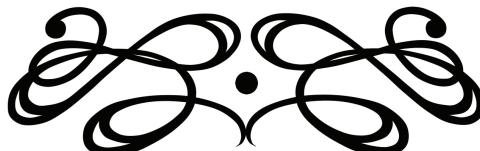
Дмитрий Чугунов

Член Союза писателей России

***

А.М., Б.Г.

Рядом жили люди высшей расы:
И на -ич, и даже вот на -ов,
Творческие люди всяко-разно –
Посреди презренных мужиков.
Мужики воняли потом, водкой,
Повторяли «Пушкин – наше всё»,
Ну и косолапою походкой
Уплотняли вечный чёрнозём.
Креативный класс тянулся ж в дали,
Элитарность хороша ведь там,
Где плебеев нет, куда не звали
Плачущих по сумрачным церквам.
И покуда нежные натуры
Истончённой, глянцевой душой
Осуждали призрак диктатуры,
Кто-то гнал коров на водопой,
Наводил мосты и строил дома,
Сеял рожь и разбивал сады,
Исправлял истории изломы,
Жил как жил, от счастья до беды.
И вот этот homo неизвестный
Был по-настоящему страной.
Не сбежавший – глупый, верный, местный,
Многоликий, вечный и родной.

«Вид из художественных мастерских на левый берег»
Авт. Татьяна Фомичёва

Непредсказуемые маршруты

Светлана Ахмедова

Выпускница физического факультета. Руководитель клуба поэтов и музыкантов «PoemFM»

Безголосым

Словари растекаются, буквы спасаются бегством,
от неспорой зимы отощавший раскис календарь,
забираясь с ногами на то, что осталось, и бедствуй:
сик транзит, пара беллум, о темпора эт сетера.

Из ладони в ладонь пересыплются тёплые зёрна,
перемелемся спелые мы на седую муку
ненасущного хлеба. Отобранным или отборным –
промолчи как захочешь, и я не услышать смогу.

Окопавшись в берлоге провинции, замер медведем
чернозёмный январь, да и ты никуда не беги.
Видишь, цел островок –
бессловесен, безгрешен, безвреден –
табуретка, с которой читали мы богу стихи.

Бесснежность

Мой бог, какая скучная зима –
сесть у окна в автобусе, дремать
и думать: вот бы ехать так до ночи.
Но жизнь не хочет.

И, вмешиваясь, вешает на крюк,
всё выводя на пеший вечный круг,
его захват – до новой страшной ямы,
холма и храма.

Нас меньше, меньше. Ветер бьет под дых.
И – шёпотом – о новых молодых:
«А это чьи?», «А кто это?» – пустое.
Зачем и кто я?

Теперь не время корочку сдирать
и жалобить. Давай-ка, будь добра,
держи последних на передовой.
Беззвучно вой.

Пока есть счастье – рядом, бок о бок, –
пусть будет белым то, что между строк,
хотя мы знаем – сроки поджимают.
Любовь немая.

А нам потом годами вспоминать,
какими были раньше времена,
и дворники вели себя так хорошо,
что снег не шёл.

Светлана Владимирова

Выпускница ПММ, член Союза писателей России

Высокогорное

Ю.М. Глазунову

Температуры близкие к нулю
И под ногами явно не ступени –
Что тянет вверх, себе не объясню,
Поэтому иду без объяснений.

Давно площадка старта не видна
За разнородной зеленью густою.
Река от талых вод разъярена –
Сегодня пререкаться с ней не стоит:

Понятно, что здесь брода не найдём,
Стихия с нами обойдётся круто.
Но, чаще руководствуясь чутьём,
Идём непредсказуемым маршрутом.

Колобок

Шарик из теста – недолго трудились над формой,
Только не знаю, откуда взялось содержанье:
Сразу решил убежать (и подальше) из дома,
Если б в пижаме родился – сбежал бы в пижаме.

С мягкой начинкой по жизни катилось бы лучше:
Чуя врождённый дефект, незнакомцы хитрили –
Я уходил от приманок, погоней, ловушек,
Но временами казалось: снимается триллер.

Я пресекал размышления в любых направлениях,
Может, поэтому страсти меня избегали –
Только дорога под солнцем плюс капля везенья
И никаких наводнений, пожарищ и гари.

Я исключил, истощил, измельчил, уничтожил...
Ветер догонит меня, а не строки из писем.
О возвращенье – не думаю. Разве что позже –
Прежде начавшийся день улыбнётся по-лисыи.

Владимир Воронин

Выпускник исторического факультета, писал песни для рок-группы «Twosadman»

Посвящение Алексею Ремизову

В забытой тишине московского ампира,
Как белая свеча, растаял образ мира,
Шёл дождик, рос сынок у строгого врача,
В глазах злой огонёк, как чёрная свеча!

На райской лестнице философ испугался:
«Кто с ним пойдёт в эпоху перемен?!»
Рванулся на Афон, а нам достался
Лишь дикий рай, в котором жил Гоген.

В ознобе древнем, в голошенье птичьем,
Каштан в окошке ветками качал,
Со скрыто-демоническим величьем
Ночную стражу Ремизов встречал.

Ходила Богородица по мукам,
И скребся на конюшне домовой,
А Ремизов, ведущий счёт разлукам,
От русского Парижа сам не свой.

Как будто это угол Рима,
В крови апостолов арена,
Гнездится нечисть, но незримо,
А христианство тоже бренно.

На уличных углах и в переписке
Он вас смешил, как новый Памфalon,
Возможно, быть артистом вправду низко,
Гораздо ниже Богу мой поклон...

Когда его недосчитались,
Ноябрьский ветер бил внахлёст,
А мы по-прежнему остались
Под кротким игом ясных звёзд...

Сергей Востриков

Выпускник ВТИ (сейчас ВГУИТ). Работает в сфере информационных технологий. Лауреат IX Международного поэтического конкурса «45-й калибр» имени Георгия Яропольского (2021)

***

Возьму штыковую лопату,
пойду покопаюсь в себе,
побуду во всём виноватым

по глупости и по судьбе,
по старой смоленской дороге,
по окнам, прорубленным вкось...

Потом постою на пороге
в надежде на русский авось,
лопату поставлю на место,
горшочку скажу: не вари!

Такое вот верное средство –
расхлёбывать кашу внутри.

***

И всё нормуль, но вою на луну,
особенно когда её не видно...
Я полагаю, это постковидно,
а время выбирает слабину
и с плеском в набежавшую волну
бросает так, что даже не обидно.

И выгребай, как сможешь, как готов,
как позволяют вера и безверье,
а время ждёт с ухмылкою за дверью,
что ты настроишь тысячи плотов,
пока поймёшь, что притча не о том,
пока просохнут ма́ховые перья.

***

И предчувствие слепо,
и нелепа беда,
я древнее Алеппо,
я в пути навсегда.
Подорожника запах
холодком между строк,
по дороге на запад
я иду на восток.

Не озвучены цели,
но понятны нутру,
солнце севера смелет
грусть-печаль на ветру.
Подорожника запах
как надежды глоток,
по дороге на запад
я иду на восток.

Ветру с севера трябы
приношу в холода –
пусть предчувствие слепо,
пусть нелепа беда.
Подорожника запах
горьковатый, но свой,
на восток ли, на запад –
всё дороги домой.

Диана Гладнева

Выпускница факультета РГФ

***

Дождь занозами под кожу.
Расстоянья, состоянья...
Мир друг с другом невозможен.
Перекрёстки... Жду свиданья.
Вечер серый и промокший,
Оживающие тени.
Ты такой неосторожный,
Пленник в замке сновидений.
Очарованная искра
Я в костре твоих сознаний.
Недоболи, недосмыслы...
Перекрёстки... Жду свиданья.

***

Радостно-ёлково.
Снежинки пчёлками
Кружат.
Жужжит тишина.
Стужа.
Замёрзла луна.

***

Мы уже не одно, так иди, иди. Я не буду смотреть
в окно.
То, что было дано нам – уже в пути –
оно будет другим дано.
То, что было дано нам – ведь я всерьёз –
самоцветный камень рубин.
Ты его в ладонях над морем нёс – уронил,
не достать с глубин.
Рассказать могла бы, что его нести нужно было
как ценный груз...

Что-то яркое светится впереди, разглядеть бы,
но я боюсь.
Я боюсь теперь открывать глаза, если светится
впереди.
Ты мне что-то важное не сказал. Мы уже не одно. Иди.

Дарья Гузеева

Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, член правления ВОО «Союз военных писателей», старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин ЦФ ФГБОУВО «РГУП», куратор Литературного молодёжного центра в Воронеже, автор проектов «СЕРДЦЕ ПОЭТОВО», ЛМК «РЕКА»

***

Будто линии судьбы наши встречи.
Только нами этот путь не замечен.
По касательной лишь вскользь
Мы друг к другу...
Ну зачем же фатум мчит нас по кругу?
Снова слово, снова песни, снова счастье,
Снова это долгожданное: «Здравствуй!»
На губах застыл ответ, шаг – и в пропасть,
Что мешает быть счастливыми? Робость?
Тёплый взгляд, родной и близкий, пронзает,
Но об этом только снег и узнает...

Коротко о счастье

Он говорил: «Хочу роллы, заказал пиццу,
Это мой принцип, так и живу. Традиция.
Сколько, ну сколько на себя злиться?
Хочу одно, в руках – другое. Позиция
Жизни, менять не умею...»
– Ты счастлив?
– Не смею...

Горошина

Ветру ветreno,
Все обветрены
Наши губы.
Режут по сердцу,
Режут улицы грубо.
Мимо времени –
На безвременье,
Тонем в прошлом.
Как узнать теперь:
Новый встреченный –
Он хороший?
Верить надо ли?
Или скатертью
Путь-дорожка?
И мешает опять
В перине горошина.

Дмитрий Ендовицкий

Вице-президент Российского Союза ректоров. Ректор ВГУ

Праздник к нам приходит

Красный цвет календаря,
Вопреки и несмотря,
Пища жирная, вино,
В телевизоре кино.

Я – диванный генерал
И объездил много стран,
Правда, через интернет.
Сам себе я худсовет.
Праздник снова во дворе,
Шумно нашей детворе.
Встал я было на весы –
И втянул живот в трусы:
Я иначе не смогу
Видеть цифры на кругу,
От дивана – в туалет.
Холодильник и фуршет.
Вот такой маршрут большой.
Правда, славный я плейбой?!
Как ток-шоу без меня?
Я эксперт, а не фигня
От политики, да воин –
Может, ордена достоин.
Ну, а в спорте – в мастерах!
В покерных служу войсках.
Аналитик, профи, спец!
Вот такой я молодец!
Подавляю я зевоту:
Жалко, завтра на работу!

Детка

В куртке кожаной – косухе
Рассуждает детка вслух:
Дескать, мы живём в чернухе,
Мир давно уже протух.
То ли дело Запад честный,
Демократии оплот,
Образ жизни расчудесный –
Нет там разных нечистот.
И во всём вина России,
Ущемляют здесь права!
Мы живём в периферии,
И вкусней у них жратва.
Всей истории не знает,
Кем воспитан гражданин?
Он с протестом выступает,
Недовольный Арлекин.
Чья вина такого типа?
Может быть, и на семье:
Воспитали, как полипа,
Иждивенца и рантье.
Может, школа виновата?
Жизнь без видимых хлопот.
Где же точка невозврата?
Кто его теперь спасёт?
Таких деток очень много,
Ненадёжные умы,
Просто вовремя и строго
С них не спрашивали мы.

Точка бифуркации

Предсказуемое время,
Жизнь устойчива, линейна,
Заторможенное племя
Вязко, как глоток портвейна.
Всё стабильно и надёжно,
Деньги есть, тепло в квартире.
Разве будет что-то сложно
На работе, дома, в мире?
Но хрупка система эта,
Поменяется всё быстро,
Как пред дулом пистолета –
Ломка старого регистра.
Выбор делать так не просто,
Враз устойчивость исчезла,
Как в те годы девяностых.
После них страна воскресла.
Снова неопределенность,
Смена главной парадигмы.
Как возникла обречённость?
Кто не «за», достойны стигмы.
Время сильных духом, телом.
Нам извне досталась смута.
От развала только делом
Нас спсти от самосуда.
Вспомни ценности простые:
Нам Любовь, Надежда, Вера!
Русь, с тобой всегда Святые!
А не с Запада химера!

Анастасия Картавцева

Выпускница факультета журналистики ВГУ.
Член Союза писателей России

Самолётики

Я не умела пускать самолётики,
бумага была слишком лёгкой,
и они приземлялись на пол к ногам.
Я сразу о них забывала,
их кто-то топтал,
оставляя на клетчатых крыльях
пыльные следы протекторов заношенных кед.
Никто не слышал, о чём
кричит
каждый обречённый
экипаж.

Даже не помню, кто меня научил
им правильно крылья складывать.
Сколько было неудачных и мятых?
Сколько крошечных парашютов-пушилок
не раскрывалось?

Но помню, как первый мой неупавший
летел над самыми головами,
лётчик крепко держал штурвал,
передавал земле, что справился с управлением,
поднимался выше,
меж облаков парил,
а когда закончилось топливо,
ощущал себя почти что Экзюпери.
И в конце посадил самолётик ровно.

Потом началось.

Я складывала их сотнями,
отпускала в окно.
Они разлетались над лесами,
морями,
скалами.

Приземлялись в безопасности,
где никогда не ступала нога человека.

Скоро лётчики научились стрелять
друг в друга,
сбрасывать бомбы.

Ничего страшного –
они же игрушечные?
они же не вражеские?

Поднимаю лицо и вижу, что в небе красном
два белых крыла распахнуты.
Как же я рада,
что он не падает!
Он не падает!

Гоморра

Н. Г.

Мы ждём, когда Гоморра обречённая
Поднимет облака, как белый флаг,
И плачем, и целуем землю чёрную,
А на губах – лишь цвель и горький шлак.

Смотреть бы лучше на разврат по улицам,
Чем слышать крик: «Содомовские! Бей!»
Так и живём: кто – умницы, кто – узницы.
Молчи, молчи! – Пока мы ждём побег.

Никто нас не посмеет тут задерживать.
Взгляд поднимаешь – чудится полёт.
Перед тобою проще без одежды быть,
Чем перед нашей чёрною землёй.

Но из неё, нетронутый подошвами,
Растёт – бесстрашный – вверх. Бежит, бежит...
Корнями крепко держится за прошлое
И горожанам обещает жить.

Гляди, какой – в серёжках, в клейкой зелени
Чуть слышно шелестит под марш и гимн.

Он крепнет и от ветра сыплет семенем,
И мы его оставим для других.

Что забелело там, в закатном зареве?
Ряды берёз ли? Мраморных колонн?
Мы выйдем из Гоморры, взявшись за руки,
Под шум листвы и звон колоколов.

Не ходи в толпу

Говорила мать, надев мне на шею крестик:
«Не ходи в толпу».
Я не слушала.
А за речкою церковь рушилась,
медленно, по кирпичику.
Дела не было никому:
сначала к нам приходили татары,
потом опричники.
От первых у меня осталась синяя лента,
от вторых – растрёпанная метёлка.
Как-то заглядывал в хату розовощёкий с мороза
француз
и подарил алые бусы.
Однажды я танцевала с турком.
Он отдал остроносые туфли, усыпанные камнями.
Белыми, красными,
как братья мои офицеры.
Они оставили в хате звезду и саблю.
А немец надел на меня кольцо обручальное.
И не было больше счастья,
чем за стенкою с ним держаться за руки, не дыша.

Мне оставался единственный шаг...

Мать говорила:
«В толпе засмеют, заключают, затопчут».
В хате гулял сквозняк,
и плялся в телик отчим.
По телику передавали,
что в церкви за речкой
больше купола не осталось,
вся деревня переживает,
там собралась толпа.
Отчим заметил,
как я шла посмотреть,
развевалась в косе синяя лента,
метёлка болталась у пояса рядышком с голой саблей,
алые бусы шли к алою звезде на шапке,
остроносые туфли топтали придорожные камни,
а на пальце сверкало кольцо.

Отчим участливо цокал,
отгонял от экрана мать.
Толпа рычала:
«Расстрелять её!
Неспроста купол рухнул,
а эта дурочка хорошеет!»
Я смеялась,
и пули от крестика ricochetили.

Елена Минаровских

Ведущий библиограф отдела библиографии ЗНБ ВГУ

Встреча с другом

Целый день маята:
Пустота ожиданья
(Оттого, что ждала
Слишком долго свиданья?)
Замолчала душа,
Только недоуменье:
Остаётся вдвоём –
Наплывает смятенье.
Вспоминаю былое
Только Не говорю
О, моё молодое,
О тебе я молчу
Было время – взахлёб
Мы с тобой вспоминали
Но испили до дна
Но уже исчерпали...
Что-то время сулит?
Неужели расстаться,
Чтоб уже никогда
Не разочароваться...
Свет вечерний горит –
Стало пусто и странно
Видно, не ухватить
То, что так долгожданно...

Суечусь у плиты,
Тут же стол накрываю
Из-за страха молчанья
Тебе поручаю
Что-то срезать, расставить,
Нарезать, накрыть...
Нужно что-то сказать:
Буду я говорить...
Буду я говорить
Будем слушать свечу
Будем слушать свечу...
Или снова и снова
Будеттиховещать,
Возвращать втишину...
Будеттиховещать
Голос Гребенщикова.

Неизбежность разлук
Так полынно-горька...
Неизбежность утрат
Вдруг прозрачною стала
Нашей встрече как будто
Не будет конца...
И... не будет конца
Потому что Начало.

Елена Пархоц

Окончила факультет ПММ ВГУ

Перламутровое поле

А один барашек мой
Не пришёл вчера домой.
Помню, как взяла свечу
И ищу его, ищу...
В прошлом дне, и в позапрошлом...
Ах, каким он был хорошим...

Подхожу, уже под утро,
К полю цвета перламутра.
Вон же, вон он, мой барашек! –
Среди васильков, ромашек!
Я же знала: он везучий!

И бежали волки-тучи...

Приствольный круг

Болезни будут, как и были...
Как были, так и будут войны...

Рыхли, садовник, круг приствольный,
Как сквозь века его рыхлили.

А вырастут берёзы, ивы –
Ты из берёсты и лозины
Плети лукошки и корзины
Для яблок, винограда, сливы...

И распевай надежды песни!
О том, как чуда ветер вольный
Смахнёт все войны, все болезни,
И будет только круг приствольный.

В пасмурный день

Т.М. Коноплиной

Даже пасмурный день –
Волшебство и подарок,
Благодатная сень –
Тих, не ярок, не жарок...

Плащ надёжней надень...
Зонт, перчатки, галоши...

И – гулять по воде!
С драгоценною ношей –
С жизнью хрупкой своей –
Сквозь туманы, по лужам...
С ней – вода не разлей –
Век свой кружим мы, кружим,

Непрестанно дивясь,
Между светом и тенью...

И – в древесную вязь!
К всё иному прочтенью...

И – в небесную бязь!
По крест-накрест плетенью...

Даже в грязь – не боясь!
И она – тоже чудо.

В неразрывную связь, –
Все мы родом оттуда.

Не торопите!

Знаешь, дружище, какой-то я странный.
Мне предложили отправиться в лето –
В вечнозелёные тёплые страны.
Дали буклеты, купили билеты...

Я побродил по буклетов страницам:
Капли смолы и барашки на ивах...
И одуванчики... – всё золотится! –
Крылья стрекоз и кувшинки в заливах...

Мне это – дивные рощи, долины,
Томное водорослей колыханье –
Виделось, будто сквозь пух тополиный
Или в туманном морозном дыханье...

Я улыбаюсь: «Спасибо, простите...»
И возвращаю билеты, буклеты:
«Не торопите». Метели, метите
Сны на зимовье старинное это,

Где разноцветье и разноголосье –
Всё, что вчера танцевало и пело, –
Спит, и неслышно рисует колосья
Кто-то на окнах серебряно-белым, –

Танцев и песен ли в них отголоски?
Вечность ли и эфемерность всех кружев?
Или – того небылого наброски,
Что народится ещё и закружит?..

Если я вписан зерном в этот колос
И прорости мне назначено свыше,
Значит, и здесь пробуждения голос –
В свет и тепло – я однажды услышу,

Может быть, так: крутит, мутит и злится,
Вой выговой за окном безутешен...
– Как там сейчас воробы и синицы?
Надо б кормушек повесить, скворешен...

Надо так надо. По капле испить бы

В этом замесе свою сопричастность –
Ту, что таят филиграни изгибы,
Ритмов и нитей сплетенью подвластность...

Не торопите. Всему своё время –
Время прихода и время ухода.
Видеть, как солнце усталое дремлет,
Чувствовать, как обновляются воды...

Роза ветров со сверкающей шалью,
Снежные шубы и шапки, и шарфы,
Глаз с поволокой за далью-вуалью
И колыбельной хрустальные арфы, –

Будто навек. Леденит, индевеет...
Но ускользают неслышно полозья,
Миг – и смахнёт всё, растопит-развеет
Тот, кто на окнах рисует колосья... –

Так насмотреться б!.. Росток первоцвета
Пусть защекочется в мишкины пятки:
«Эй, косолапый, вставай! Скоро лето!» –
Вот уж тогда и к теплу, без оглядки!

Не полетел я в заморские страны.
Сам понимаю: какой-то я странный.

Всеволод Рыбачёв

Создатель *Поэтической Дуэли* (18.03.2018 - ∞),
соорганизатор *Поэтического Слэма* (2017-2018),
известен под псевдонимом *Поэт Воронежский*

хрусталь

скрываю быт
под яркий фантик;
сквозь ветры
всяческих оказий;
и жизнь моя –
хрусталь в серванте;
томлюсь
и ожидаю праздник;

дивный мир

ты заперт
в бренные оковы;
запущенный –
как киноплёнка;
твой «мир» –
не «дивный»
и не «новый»,
и он застыл
в глазах ребёнка;
где улицы, земные тверди;

и к утопическому «лучше» –
стремится жизнь
под страхом смерти,
ликёром заполняя душу.

жизнь насекомых

неправильные люди –
совсем как сигареты,
холодными ночами
сгорают от тоски.
планета насекомых
источник ищет света,
сквозь тайны мироздания
и времени пески...

Сергей Рыбкин

Выпускник экономического факультета ВГУ. Член
Союза российских писателей

Перекрёсток тревог

I

пятнадцать градусов тепла,
двенадцать градусов в бутылке
темно-зелёного стекла,
голландский сыр наколот вилкой,
и не скажу, что жизнь была
лошадкой темной, тенью пылкой
зажжённой спички у лица,

«Зимние крыши»
Авт. Татьяна Фомичёва

курю забытые окурки,
смотрю на звёздные обмылки,
какие-то вдали утырки
словами целятся в меня
и удаляются, я их
слова со злостью повторяю,
как будто бы во тьму ныряю,
в безлюдье завтрашнего дня

II

к утру остывшая земля
пуста, и после сна тревога
в груди такая! выдох – ...
и успокоюсь понемногу
из комнаты придётся выйти –
в другую комнату войти

иди, мой миленький, иди
наружу

III

приду домой, сгорев в поту
от спешки, от побега с поля
проигранной войны в быту
и от бессмыслинности боя,
война вблизи-издалека –
во мне, в стране, в себе самой,
о Лета, долгая река
отлей мне боли ледяной

темнеет,
шум оконный стих,
движенье сумерек, Гертруда!
и ничего страшнее их
не принимаешь в ту минуту,
ты словно ими был захлестан
в тревог своих же перекресток

IV

вот жизнь,
казалось, что ты сломлен,
метафора уже во рту,
и чувством смерти остановлен,
произноси же немоту,
произноси-произноси
– иже еси на небеси –

ты есть, и ты – один
из нас,
мы принимаем

Ольга Сергеева

Студентка филологического факультета

***

Воздух как в феврале, и скользит под ногой
Гололедица,
Центр города каждым фасадом и деревом
Светится;
Всё как будто по-детски, и мне Новый год
Мерещится.
Ни сказать не хочется счастью, ни с трудностью
Мериться.
Мне душа говорит, что мы можем с Тобою
Встретиться:
В этих огнях ей во что угодно
Поверится.

Тротуар отстучал каблуками

Тротуар отстучал каблуками,
Всё прохожими отсутилось,
Небо птицами отмельтешилось,
Зарябили дома под ногами.
Тротуар отстучал каблуками.

Отзвучали дожди сентябрями.
Ночью рыжим расплавленным светом
Фонари, разлучившись проспектом,
На разбитый асфальт нарыдали.
Отзвучали дожди сентябрями.

Окна в доме сегодня простили
Сквозняками. И кашляли двери,
Уходя, бились ветры об стены:
Даже им я уже опостылел.
Окна в доме сегодня простили.

Я сыграю зелёные части
И в мажор окуну свои руки.
Чтоб в груди не завыло от скуки,
Чтоб внутри не заныло несчастьем,
Я сыграю зелёные части.

Только всё почему-то пропало –
Тротуары, проспектные звёзды,
Сквозняки и фонарные слёзы...
Тенью небо на город упало.
Для чего же всё это пропало?

***

Я многого в мире боюсь. Я сильно боюсь не успеть
Увидеть, услышать, прочесть, выучить и осознать,
Попусту тратя время, забыв на часы смотреть,
Снова и снова встречая возможность, её упускать.

Но упущений намного страшнее порою жить,
Зная, что столько всего, не заметив, могу я забыть.

Не страшно разве, когда, садясь за свой
верный рояль,
Ты в клавишиах тщетно ищешь знакомый мотив,
Известный тебе, тот, который не раз
без запинки играл,
Который, любя, ты не можешь сыграть, позабыв?
Неловко бормочешь: «Там, кажется,
что-то с до или ре...»
Как страшно, когда твои пальцы тебе изменяют
в игре!

А имена забываются проще всего.
В церкви, на улице, в шумном театре – и в миг
«Имя» – «Приятно!» – вот песню чьей-то души
Буквы поют. Но их голос бесследно затих.
Пусть хоть единая встреча была дана,
Страшно теперь не помнить те имена.

Покоя мне нет перед сном, когда в памяти
всё вразнобой:
Отдельно – улыбка, отдельно – взгляд синих глаз.
Отчаянно силюсь увидеть его целиком пред собой,
Точно пытаюсь склеить осколки разбитых ваз.
А я не могу их собрать. И мой страх отгоняет сон.
Как страшно лежать и не помнить чьё-то лицо!

Так в круговорти мешаются люди, и ноты, и дни,
Быстрые фразы, новые голоса. И опять
Отвлекая от прожитой жизни губительным
бегом своим,
Беспощадно у памяти время крадёт всё,
что может забрать.
Не так ли меня украдут из памяти мира года?
Припомнят глаза голубые и, кажется, что-то с фа...

Александра Сердюкова

Студентка специалитета ВГМУ им. Н.Н. Бурденко.
Участник поэтических объединений «Современник» и «Левобережье»

Память людская нестойка...

Память людская нестойка.
Выстрел борьбы – холостой.

Жизнь моя – свежая койка
В грязной палате пустой.
Кипенно-белая простынь –
Нет ни слезы, ни следа.
Но из матраца, как рострум,
Тычет чужая беда
Ржавой пружиною-спицей,
Старость и век свой кляня.

Ищет, в кого бы вонзиться, –
И выбирает меня.
Неразрешённостью прежней
Новый корябает бок.
Долг есть. И нету надежды.
Встать – и пойти за порог.

Варенье

Июль расшатан грозовыми ливнями.
И на руках моих не кровь, а сок малиновый.
И я впервые сыплю сахар на последние,
Уже сходящие костяночки-буketики.
Варенье на зиму. Три литра на семью.
Я знаю, что сегодня не убьют
Меня, не-война, не-доктора, не-мужа,
Не-женщину, не-мать, не-заступленье.
Убьют кого-то много, много лучше.
Убьют нелепо, даже неуклюже.

Но за меня и за моё варенье.

Павел Сидельников

Учится на юридическом факультете Российского
государственного университета правосудия. Выпуск-
ник школы литературного мастерства им. В. Крапи-
вина. Публиковался в журналах «Урал», «Кольцо А»,
«Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Подъём» и др.
Стипендиант XX Форума молодых писателей России,
стран СНГ и зарубежья

***

Неловкий разговор,
как кузнецик, запрыгнувший в банку,
так крутит свою шарманку:

тринь,
три-и-нь,
три-и-и-нь.

После третьего раза – отключает прибор,
чтобы природная скрипка
пружины собственной не страшилась.

***

Небо в Мичуринске кажется невозможным.

Ночью бессонной выходишь с платформы,
начинаешь подкуривать – закурил,
а до этого – говорил-говорил

о том, что любовь – это музыка.
И я предложил ей наушники,
чтобы вместе послушать какой-нибудь чарт.

Она отказалась.

И я пошёл пить чай –
крепкий чёрный
с имбирными пряностями
и тульскими пряниками,
смотря на ночное беззвездное небо,
в котором теперь видел только любовь.

***

памяти бабушки

Я запомнил тебя
скромной старушкой в ситцевом платке.
На том платке – узоры и цветы,
которых не запомнил.

***

Вот человек – всего лишь человек
лежит, не размыкая сонных век.

Глаза его – прозрачные туманы,
как корабли,
как аэропланы.

Что снится человеку одному:
случайная жена и ночь в Крыму,
где тишины спокойней не найти.

О, женщина, за всё меня прости!

***

долгое дыхание
учащённый и сбитый
пульс сердце лёгкое
словно пёрышко

так и просишь чего-нибудь
и стоишь на коленях молишься
помоги господи помоги
Господи

птице бескрылой тощей
на земном пути
да и в небе твоём
боже

***

знаешь, соловей пластмассовый стал мне другом,
товарищем верным
(последним наверно).

говорил: «не верь воображаемым стукам
в дверь свою добрую, клетку открытую»,

а мама на ночь пела: «у-лю-лю»,
и в колясочке качала святость странную мою.

и так дитя старались уберечь
звуки, мною обращённые в бессмысленную речь.

лес-поляна-бугор-яма-обрыв –
всё музыка играет, уже себя опередив.

***

Всё квадратом строго ходишь,
пальцы держишь на броне.
Не о том мечтал ли мальчик в недостроенной стране?

За кирпичиком – кирпич. Темнота, мой свет домашний!
Строишь храм последний свой –
недоступный, скромный, страшный.

И когда вокруг не люди, а тотальное зверьё –
сам становишься убогим, забываешь букву «ё».

Сам в себе закрыт, как двери, на одиннадцать замков,
и словами заменяешь – «есть», «так точно», «я готов».

Человек разумный – хватит! Человек свободный – я.
Сам решаю: плыть до моря или бросить якоря.

***

А стихи без рифмы – «Это, –
Говорил, – уже эссе». –
Т. Полетаева

На своём языке,
как черноголовый щегол-недоучка,
издавать звуки, понятные одному себе.

Это ли не счастье –
ежесекундно заглатывать воздух
и предвкушать собственное дыхание
в надежде, что нечто изменится.

Изменится, если –
проснувшись воскресным утром
во время восхода сентябрьского солнца –
кровать, на которой лежал вчера,
сегодня – окажется новой.

Недоумевая,
нащупать руками-крыльями
свои клеёнчатые глаза.
Точка зрения –
комнатная пыль, в которой
и жизнь, и смерть – одно и то же,
если посмотреть под правильным углом.

Не от того ли
человек говорит на своём языке,
чтобы ему повстречалось чудо?..

...и миг неимоверный, как свидетель
другого неизведанного края,
где жизнь не началась сначала,
где смерть не кончилась ещё.

Мария Соколовская

Член Союза российских писателей. Автор поэтических книг «Взрывные согласные», «Ежели», «Дикая церковь», детской сказки «Выхухоль и большая редкость»

***

не жди беды
и тишины не жди
учись прощаться с миром понемногу
смотри на ветра резкие черты
упрямую жестокую дорогу
на брошенные церкви ради Бога
но все-таки замри не уходи
ещё не время
нет
не уходи

учись смиряться с этим понемногу
учисьправляться с этим понемногу
и мир произносить на раз два три

***
Один остался на один с собой,
Качался в такт с невидимым прибоем,
И пу(с)ть закроет небо головой
Источник того света,
Счастья,
Горя.
Согнётся мачта, заглянув в огонь.

Акации белеют паруса.
И ветер свеж, и память горяча.
Но никому уже не будет боя.
И никогда.

***
на первый-второй рассчитались
на любит – не любит разбились
кто свой и чужой порешили
и стало все чётко и ясно
и большая часть мирозданья
прекрасно вписалась в картину

***
Рождённый для танца может лежать ничком,
Ничто не выдаст его, кроме взгляда в небо,
Но, по вертикали раскручиваясь волчком,
Он будет вставать, распускаясь весенней вербой.

Движение было даже в упрямом «до»,
Когда ничего ещё танца не предвещало,
Он вёл себя так, будто тянется облако
И ниспадает, как тёплое одеяло.

Ни взмаха ещё – только чает морской прибой
Как воздух разрежут взлетевшие вдруг созвездия.
«Осанной» встретит огненный метеор,
И тьма окутает строгого света лезвие –

И танец сольётся с общим движеньем сфер,
И больше не будет ни боли, ни зла, ни страха –
Предчувствие этого кажется сном теперь.
Рождённый для танца в смирительной спит рубахе.

***

В человеческих силах
налить себе чай и смотреть,
как падает сахар на дно,
и вскружить его после.
Зачем отрицать, что ты в горе,
а не на горе,
и, чтобы подняться,
осталось цепляться за воздух.

А он обжигает,
он чёрный,
он пряный едва.
Закружит тебя
неизвестная горькая сила...
Поднявшись со дна,
растворится немая душа
со всем, что за жизнь собрала
и в себе отразила.

Но смерти не будет.

***
Материнство учит плакать тихо,
чтобы не будить того, кто рядом.
Милое дитя, я вижу выход,
но не разделяю нас этим адом.

Смерть тиха и ласкова, как котик,
ночью подошедший к изголовью.
Он мурчит – и мне полегче вроде
жизнь встречать с безропотной любовью.

Господи, в пустую чашу эту,
что не пронести мне мимо сына,
дай же сил чарующее лето,
что меня при жизни воскресило б.

Чтобы я могла отдать хоть что-то
кроме тени от ресниц дрожащих!
– Я не плачу, что ты, что ты, что ты...
Спи, мой светлый драгоценный мальчик.

Дарья Хайдарова

Преподаватель кафедры английской филологии.
Состоит в объединении «Поэты Воронежа»

***

Смахни с себя серьёзность на чуть-чуть,
Смени рубашку на цветное поло.
Давай же, разреши себе вдохнуть
Хоть капельку ночного рок-н-ролла!

Пусть ждут до завтра важные дела,
А нам – гулять под перебор гитары.
Ну, вспомни, раньше я легко могла
Не спать, а утром ехать к первой паре.

На небо, ты на небо посмотри!
Сегодня звезды в десять раз крупнее!
Пусть дальше в жизни будут январи,
Но мы с тобой гуляем по аллее,
Медово-жёлтым светят фонари,
И голос твой теплее и теплее...

***

Какое унылое выдалось лето:
Ни солнца, ни света – дожди и ветра!
Но тёплой улыбкой твоей я согрета,
Как путник в ночи у лесного костра.

Обманчивы звезды и кажутся ближе
Сейчас, но на них нам никак не попасть.
Закрою глаза – море руки мне лижет.
Открою – за окнами дождь. Вот напасть!

И он барабанит по стёклам и крыше
То тише, то громче у самой двери.
В разлуке все чувства становятся выше
И пишутся строки всю ночь до зари.

Мой путь

Ищу свой путь который год.
Ах, как же это сложно!
Тот вправо резкий поворот
В итоге вышел ложным.

А влево – лучше промолчу,
Висят ещё кредиты.
Была согласна на ничью,
Но, жалко, карта бита.

Когда ж мне крупно повезёт?
Статьи читаю рьяно.

Психолог, коуч, звездочёт
Сказали: «Просто рано!»

Не нужно время подгонять –
Наступит просветленье.
Ага, понятно, что опять
Одни нравоученья!

Мой путь, ты где? Ay! Ay!
Подай же знак мне свыше!
Который год тебя зову,
А ты опять не слышишь...

***

Пусть долго не ложится белый снег.
Сейчас мне ближе ветер, лужи, морось.
Я в одеяло мягкое зароюсь.
#скучаю дома – вот такой хештег.

Прочту посты друзей из дальних стран.
Почувствую, как горько им живётся.
Там небо тоже плачет, не смеётся:
Сезон дождей. Планета – наш капкан.

И некуда и незачем бежать...
Но голову в песок зарыть, как страус,
Нельзя, иначе дальше полный хаос.
Нам остаётся думать, верить, ждать...

Виталий Чернявский

Выпускник Приазовского государственного технического университета. Участник поэтического клуба «Левобережье» и межвузовского поэтического клуба «КПП» при филологическом факультете

Нещадное время бессонных ночей

Нещадное время бессонных ночей
На старом скрипучем диване.
Несносное бремя глубоких речей,
Идущих в смурном караване.
Голодное племя заблудших сирот,
Живущих на белой бумаге.
Задетый штыками словесных острот,
Лежу в каменистом овраге,
Заросшем бурьянами тщетных надежд,
Початками глупых иллюзий,
В просмоленной ветоши рваных одежд,
В серьёзном душевном конфузе.
Мне кажется, что нет к тебе верных дорог,
Земные не сходятся оси.
Меня заключила в дождливый острог
Тоскливая поздняя осень.

Для чего-то я всё-таки выжил

Мы идём в тишине по убитой весне,
По разбитым домам, по седым головам,
По зелёной земле, почёрневшей траве,
По упавшим телам, по великим делам...
(с) Гражданская Оборона

Для чего-то я всё-таки выжил
На чудовищной этой войне.
И из дома разбитого вышел,
И пошёл по убитой весне.
Далеко убегала дорога,
Извиваясь гремучей змеёй.
Мир как образ крутого отрога,
Где расстался я с дружной семьёй.
Я ведь мог напороться на мину,
Как в последнем альбоме пел Цой.
Мне могли просто выстрелить в спину
Или в грустное плонуть лицо.
Но меня ничего не пугало,
Я ступал по горевшим шнуром.
Где-то вспышка упорно мигала,
По пустынным гуляя дворам.
Я в то утро доверился Богу,
И на улице было свежо.
Я старался не сеять тревогу,
И понять, кто здесь свой, кто чужой.
Изнутри окончательно выжжен,
Я у храма стою в тишине.
Для чего-то я всё-таки выжил
На чудовищной этой войне.

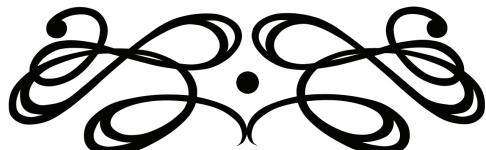
Мне снится ночами разрушенный город

...По разбитым очкам, комсомольским значкам,
По кровавым словам, по голодным годам.
Мы идём в тишине по убитой весне,
По распятым во сне и забытым совсем.

Ворох писем: «Не скучай!»
Похоронка, липкий чай...

(с) Гражданская Оборона

Мне снится ночами разрушенный город,
Пропитанный кровью, снарядами вспорот,
Умытый слезами отчаянных граждан,
Которых измучили голод и жажда.
Мне снится унылость безжизненных улиц,
Как в воздухе сжатом трассируют пули.
Всё это навек отпечаталось в каждом,
Мне Родина снится, убитая дважды.
Мне снятся глубины ужасных воронок,
И дождь из летящих с небес похоронок,
Как боятся за правду вчерашние братья,
Как сходятся насмерть могучие рати.
Я верю, что скоро судьба прояснится,
И только хорошее будет мне сниться,
Земная кора под ногами не треснет,
Убитая Родина снова воскреснет!

«Цветы на окне. Январь»
Авт. Татьяна Фомичёва

Судьба

Ольга Булахтина

Выпускница филологического факультета

***

В Москве настурции цвели,
Играло солнце на иконах.
Крестясь несмело, люди шли
С надеждой в храм святой Матроны.

Их мучил, жёг июльский зной,
С утра – ни облачка над ними.
Но давняя вражда с собой
Была куда невыносимей.

Молчали души, трепеща,
в своём опасливом сомненье,
И лишь одна пришла к мощам
С любовью, верой и смиреньем.

Пропела будто бы струна,
Иль ветер листья тронул... Всюду
Вдруг прозвенело: «Спасена!»
И эхом мысль: «Случилось чудо».

***

Осень листья на волю отпустит,
Не сумев от себя уберечь.
Вспомню вновь и с улыбкой, и с грустью
Золотое тепло летних встреч.

Было всё там, как в сборниках скучных:
Соловьи, Млечный Путь и луна.
Только, жанра законы нарушив,
Мы любовь не испили до дна.

В чём глаза признавались несмело,
Мы губами сказать не смогли.
И душа, словно лист пожелтелый,
Не покинет остывшей земли.

Владислава Бурносова

Магистрант филологического факультета, учитель
русского языка и литературы

***

Я чужая в этом странном мире,
Где у свеч слезинки на висках.
Пахнет ладаном, дымит едва кадило,
И слова молитвы на устах.

Я пришла из сумрачного мира,
Мира боли, ссоры и обид.
Лжи, обмана. Я вам говорила,
Что там Бог давным-давно забыт?

В мир любви, надежды и опоры
Я лишь ужас ночи принесу.
Свечка дрогнет и погаснет скоро.
Как корабль, наш мир пойдёт ко дну.

Мне хотелось просто на мгновенье
Теплоту той церкви уловить.
Тишиной дышать. И все сомненья
В воске свеч навечно утопить.

Я чужая. В этом ясном мире
Доброты, любви и чистоты
Я стою. Летят ножи мне в спину
За попытку осознать, кто мы.

Слёзы льются. Мы ведь тоже свечи.
Мы сгораем, прогорев дотла.
В этом мире время не излечит.
Я чужая... снова. И всегда.

Сергей Востриков

Выпускник ВТИ (сейчас ВГУИТ). Работает в сфере информационных технологий. Лауреат IX Международного поэтического конкурса «45-й калибр» имени Георгия Яропольского (2021)

***

Две чешуйки рыбки жерех,
безыскусный белый свет.
Ни австралий, ни америк,
ни европ в помине нет.
Только блики да полоски
на играющей волне,
только мыслей отголоски,
гомонящие во мне.
Только мыслей отголоски...
Сами мысли не в цене.

Ни с богатством, ни со славой
не столкнулись по пути,
развесёлая забава –
жизнь, как поле, перейти.
Где-то пашешь, что-то сеешь,
и возможен урожай...

Не одну обувку сменишь
по дороге за Можай.
Не одну обувку сменишь...
А не хочешь – проезжай.

Жизнь – сплошные недомолвки,
с послесловием в конце,
всё на кончике иголки,
а игла – опять в яйце.
Недалёкий дальний берег,
переправы стылый след.
Две чешуйки рыбки жерех,
безыкусный белый свет.
Две чешуйки рыбки жерех...
Замечательный сюжет.

Время

Время сорной травы, прорастающей болью
на удобренной кровью отцовской земле.
Время праздной молвы и пустого злословья,
и забытого солнца в предутренней мгле.

Время подлых идей и величия духа,
клеветы и вранья, и надежды людской.
Время пашет между старым дедовским плугом
и глядится в экраны с привычной тоской.

Время гонит с полей семена пустоцветов
и наивность желанья понравиться всем.
Время смотрит смелей, поменяв русло Леты,
нарушая устойчивость экосистем.

Время манит рукой – дескать, можно и должно
времена выбирать и заочно блажить...
Не скажу за других, для меня непреложно:
есть за что умирать – значит, есть зачем жить.

Есть зачем уходить, возвращаться и снова
брать оружие в руки «за други своя».
А судить да рядить – дело века иного,
в каждом времени будет своя колея.

В пути

Идём весь день, и пот съедает пыль,
рисуя на лице узор неловкий.
Не хочет сказка превращаться в быль,
а прячется за светомаскировкой.
Свинцов закат, и вечер истончён.
В природе непонятное творится,
но Богородица укроет нас плащом
и даст нам шанс с судьбой договориться.

Привал окончен – значит, снова в путь.
Нехитрый скарб, немодные пожитки:

вода во фляге, хлеб и соли суть,
холстины клок да метр суворой нитки.
Одет, обут. Чего желать ещё?
Ну, разве что в потомках повториться,
и Богородица укрыла чтоб плащом
и шанс дала с судьбой договориться.

Так день за днём, покоя не проси,
а позади обиды и упрёки.
И в спину нам кукушка голосит,
кричат вороны, и трещат сороки.
Мы верим – кто не проклят, тот прощён,
и всякий раз, покуда не смиримся,
то Богородица укроет нас плащом,
то сами мы с судьбой договоримся.

И лишь вперёд, покуда хватит дней.
Следы стирает кромка окоёма.
Но понимаем с каждым днём ясней,
что шли из дома, возвращаясь к дому.
Хотя наш путь на вечность обречён,
мы всё равно кому-нибудь приснимся.
Пусть Богородица укроет их плащом,
а мы за них с судьбой договоримся.

Анастасия Еремина

Выпускница филологического факультета

***

Поверить в чудо очень сложно
В наш век, истерзанный от ран.
В нас боль пульсирует подкожно,
Преодолев заслон мембран.

Мы видим ложь, но ищем смыслы
В отрезках серых, мрачных дней.
Свет с тьмою разделяем в мыслях,
Свой мир слагая из частей.

Вновь продолжаем чью-то пьесу,
Связать пытаясь нить времён.
Глядим сквозь прошлого завесу,
Но видим лишь поток имён.

Мы ищем путь – находим тропы,
Они ведут куда-то вниз.
И, душу гордостью заштопав,
Мечту меняем на каприз.

Пусть в чудо верить так непросто
В наш век, уставший от невзгод,
Но сквозь туман мы видим звёзды
И безграничный небосвод.

Дарья Ильгова

Родилась и выросла в Воронежской области.
Окончила факультет иностранных языков МГППУ и
Литературный институт им. А. М. Горького

***

Это не тело, это душа ветшает.
Гул нарастает, свет этот спать мешает.
Это фонарь? Это тоннель? Ау.
Слышишь меня? Странно слова плывут.

Мимо крыльца, колодца, речной водицы.
Памяти детства не за что ухватиться.
Гусеница в капусте, полёт шмеля.
Тёплый приём. Ты слышишь, земля-земля.

Радоваться земному, любой поделке,
Не отличая подлинник от подделки,
Шуму подземки, театру теней на стенке,
Важному разговору и тишине.
Всему, что живёт во мне.

***
Оставьте ваши возгласы и муки.
Любовь в одном мгновении, когда
Кричишь на кухне, вскидывая руки,
И вдруг, остыv, заплачешь от стыда.
Ни бабочек, ни пташек в животе –
Не тот масштаб, трагедии не те.

В ту редкость столь нечаянных минут
Между уютом сна и неуютом
Работ, учёб, поездок и простуд
Быть нежным и признательным кому-то.
Попробуй перед тем наладить быт,
Где свет и трепет может быть убит.

И мы стоим разрухи посреди,
Придавливая в кухне половицы.
Сердца волной заходятся в груди,
От крика жарко раскраснелись лица.
На мокром месте яркие глаза.
Ну что сказать. Куда теперь назад.

Нет, никуда. Садись, лица не прячь.
Так стыдно. Ну, пожалуйста, не плачь.

***

Белое в синем, золото в голубом –
Блики косые бежали по побережью.
Галечный пляж пустой, выступавший плещью.
Прямо над ним – невысокий стеклянный дом.
Сколько любви подарено вскользь ему.
Лето для эскимосов – зима в Крыму.

Плыл над волной розоватый закатный дым,
В нём оживали чёрные птичьи пятна.
Не идеально, нет, не пойми превратно,
Просто легко быть влюблённым и молодым
От суеты городской и тоски вдали,
В зимнем пустом Крыму, на kraю земли.

Вот почему даже майским предлетним днём,
Превозмогая бешеный гул московский,
Я воскрешаю в памяти быт неброский –
Комната, солнцем залитую, как огнём,
В самый рассветный или закатный час
Свет всей земли сберегающую для нас.

***

Расковырять затянутую ранку
До первой крови. Только не боли.
Я дома, но смотрю как чужестранка
На жизнь соседей на kraю земли.

Не ласточка, но вздорная сорока,
Не сознавала – ляжет к праху прах.
Обречена отныне и до срока
На чуждых объясянуться языках.

Сбегая под прикрытием тумана,
Окину мутным взглядом серый вид.
Случайно растревоженная рана
Кровит.

Виктор Колесниченко

Выпускник филфака ВГУ 1971 года

***

Мир ловил, не поймал. Да и плонул.
И не нужен я больше ему.
Это прежде и лёгким и юным
Я ступал в непроглядную тьму.

А теперь, когда козыри биты,
Выхожу на открытый простор,
И ни эха не надо, ни битвы.
Самый тихий у нас разговор.

***

Липы над тёмною речкою.
Красный застывший закат.
Под отпывавшую свечкою
Плотно наплыты висят.

Облачной твердью нетающей
В край, где светло и покой,
Плыть бы да плыть затихающей
Тёплой молочной рекой.

***

Вот и солнце яичницей спелой,
Подгорел на востоке бок.
Что-то нужно сегодня сделать,
Что-то важное, видит Бог...

Пока лето моё не кончилось,
Не сгорело ещё дотла,
Что-то нужное сделать хочется.
Не забыть бы. Успеть. Догнать.

Поскости, что осталось, по донцу,
Чтоб успеть обогреть родню
И оставить памятью солнца
В сотах каплю. Хотя б одну.

***

На белёном холсте января
Лишь кровавый шиповник пропустит.
Как повязка на ране, заря
Кровянится сквозь снежные струпья.

Птица редкая молча взлетит,
Оставляя колючую осыпь.
Там, где цвёт незабудкой зенит,
Ветер низкие тучи проносит.

Нахлобучим треух до бровей.
Рукавицы подтянем плотнее.
До февральских лазурных полей
Доживём, добредём, доболеем.

***

Вот и холод пришёл непрошеный.
После ясных деньков – мороз.
Печь затопим, моя хорошая.
Я дровишек сухих принёс.

Как тепло унеслось стремительно!
Как весенней порой вода.
Жизнь прошла. Да разве в обиде мы?
Жизнь проходит, у всех, всегда.

Раздувай же в печурке пламя,
Чайник ставь почёрнелый весь.
Всё прошло. Не остынет память
О тепле, что оставим здесь.

Оксана Лесовик

Аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета. Член поэтического клуба «Левобережье»

Мамино пальто

Пальто осеннее, лиловое,
Когда-то мамино, оно
Сидит с иголочки, как новое,
Но в клетку время вплетено.
Прыжки по лужам, небо синее,
Сапожки первые мои,
Прогулки в парке под осинами
Портной на раз перекроил.
Надену. Новенькое, в клеточку.
Эх, мама, посмотри скорей!
Меня ждут лужи, небо, веточки,
Сапожки дочери моей.

Материнская молитва

Свет лампадный на стареньком нимбе.
Мам, не спиши? Помолись за меня.
Я без веры, без Бога, но с ним бы
В жизни б не было трудного дня.
Материнские чётки истёрты.
Идеалы я не предаю:
Я не верю ни в Бога, ни в чёрта,
Но я верю в молитву твою.

Наломай мне черёмухи

За досадные промахи,
Полустёртые бытом,
Наломай мне черёмухи
Как во сне позабытом.
Кто промахивался?
Ты да я. Понемногу.
Мы на то и семья:
Кто считает, ей-Богу.
Попросить не могу.
Буду ждать втихомолку.
– Мне букет бы. – Угу.
Принесёт. Да и толку?
Может, просто цветов
Захотелось по-бабыи.
Покупные – не то,
Не на этом этапе.
Или дело не в них?
Нет, не в них, в самом деле,
А во сне на двоих,
И в любви, и в апреле.
В безответственности,
В сладком запахе тонком.
В непосредственности –
Как мальчишка девчонке.
Недогадливый ты –
Принести будет мало.
Принеси мне цветы,
Чтоб я не ожидала.

Михаил Маврин

Окончил факультет философии Ленинградского государственного университета, преподавал на факультете философии ВГУ

***

Где-то в сумрачных лесах, лесах
С тонкой веточки обломится звук,
Я хотел бы удержать тебя в словах
Да еще в прикосновеньях рук.

Я хотел бы возвратить тебя сюда,
В это таинство сквозных аллей,
Но земля уже утрами седа,
И седые небеса над ней.

Я хотел бы удержать тебя в судьбе,
На ветру не потерять – не обронить,
Я ищу твои следы в листве,
Я хочу связать оборванную нить.

Заметет, закружит, занесет
Там, где ты совсем недавно прошла,
И вмерзает в стекленеющий лед
Позапрошлая уже листва.

Я хотел бы никогда не расхотеть
Все твои любить запретные плоды.
А деревья сыплют ржавую медь
На следы твои, на следы.

Ирина Олей

Выпускница экономического факультета

***

Тебе. К тебе бегущая строка
рекой спешит, выходит складно –
так сожалеет ручка на листок тетрадный,
пока ровняет ветер облака.
Такой простор, так воздух сладко прян,
извилистые стёжки прячет вечер,
и опускает бережно туман, как призрак,
руки на нагие плечи.
Но там сады, в которых нет тебя,
Сады болят, и из небытия «скучаю»
ветер комкает...

***

Дотронься до засохшей ветки
Листвы не ощущая, странно,
Как этот дождик летний редкий
Траву врачует неустанно.
И шепчет ветер грустной песни

Знакомый, но чужой напев,
А сердце ждёт далёкой вести,
От холода оторопев.

София Палкина

Студентка факультета ПММ, параллельно обучается на ландшафтного дизайнера. Референт-переводчик немецкого языка

Гладью

Гладью вышиты
Наши судьбы,
Нитями, что вселенной выданы.
Перехлестами споров,
Узлами встреч
Изрисовано
Полотно моей жизни временной.

И иглою твоё имя выписано
На душе моей трепетной.
Запущу ладонь в клубок нитей крашеных,
Утону мыслями в мечтах красочных.

Вышью их на канве, что белая
В руках моих выткана.
Подарю тебе всё, что сделала.
Словно дар души моей
Неизмеренной.

Эльвира Пархоц

Преподаватель филологического факультета,
сотрудник лингвокраеведческой лаборатории ВГУ
им. проф. В.И. Собинниковой. Член Союза писателей России

Страфиль

Страхиль-птица живёт на синем море,
Держит белый свет под правым крылом.
«Голубинная книга»

Посмотри на девочку с синей чёлкой.
Вот она – сидит на скамейке-острове
посреди городского шума.
А в руках, конечно, планшет.
Девочка собирает в горсть разноцветные
камешки-новости, перекатывает под пальцами.

Волны мерно бьются в скамейку. Солнце отражается в фарах машин, в окнах домов, в очках – тёмных и розовых – у случайных прохожих; в мутной глади планшета – рябью.

Девочка кладёт его рядом, выпрямляется – и встаёт на скамейку. Тонкие руки раскидываются широко, крестом. За её спиной – только небо и облако.

Белопенное облако наползает на солнце, заслоняет его крылами, и на город несётся тень. Гасит блики. Фары, окна, отблески в стёклах очков.

Летит.

Эту девочку называют Страфиль.
Птица Страфиль, что всем птицам мать, что живёт среди синего моря, держит солнце под правым крылом.
Ворохнётся – и свету конец.

Посмотри, как сметает волной корабли. Не пугайся, они не потонут – поплынут вслед за облаком стаями: розоватые, сизые, рыжие – россыпь странствующих голубей.

Посмотри, как подбитые танки превращаются в толстых жуков-долгоносиков – и ползут по ухабам ствола: деловитые, важные.

Посмотри, как пузырчатый огненный гриб прорастает в лесу подосиновиком. Чуть обсохнет земля – и пойдём на опушку с корзинами.

А Страфиль снова сидет на белую отмель, обнимая пуховыми крыльями солнце.

Туча-щука его не проглотит. И бегущая мышка-звезда не заденет хвостом. Не расколет гроза. Будет – так.

Отчего же ты плачешь, Страфиль? Отчего?..

В ночное

Мы идём краем поля и спорим.
Я веду под уздцы мохноногий туман.
Ты несёшь врюзаке отсыревший закат –
Может, знамя, а может, попону.
А туман объедает колючие звёзды с куста...
Вот и всё, что успели забрать.

Сон Евы

Снится Еве сухая смоковница
И пузырчатый гриб-трутовик,
Прорастающий тёмной ржавью
В синеве мирового дерева.
Снится Еве полёт жар-птиц,
Что кружатся, роняя перья
На уснувший древлянский город...

А. Павликовой

И ей видится след сапога
на рисунках распятой юродивой;
И ей слышится звон топоров
или бледных копыт о каменья...

И она разжимает ладонь.

Просыпается; молча лежит неодетой
Меж шершавых,
как ветхая кожа,
корней.
...Солнце-семечко всходит.
Нетронутым яблоком,
Еле спелый, катится день.

Благовещенье

Летел кулик из-за моря,
Принёс кулик девять замков.
Кулик-кулик, замыкай зиму,
Отворяй весну, тёпло летечко.

Народное

Кто-то вылепил глиняных птах –
Свиристелей, чижей, зеленушек –
И в апреле вдохнул в них душу.

Мир распят на семи ветрах.
Запирайте, певучие, стужу,
Улетайте, ключами звеня, –
Может, к вырию, может, к раю.
Помяните меня.

Грозы-коршуны. Змеем – молва,
Не услышать благие вести.
И суха на суглинках трава.
Но, как встарь, шелестит:
«Воскресе».

Осколки

I

Дай мне свет её
В тёмных моих ладонях
Пронести, закрывая от ветра.
Господи, Господи.

II

«Всё впереди», –
Думал он, умирая.

III

Тихо-тихо
В светлом колодце
Падают лепестки.

Аркадий Пресман

Выпускник филологического факультета

Памятные строки

Сегодня слышится мне снова
в тюремно-лагерных стихах
простая исповедь Луткова,
где боль и горечь, а не страх.

Он для кого-то был гиеной
с худым заносчивым лицом,
а для меня был дядей Геной,
и он дружил с моим отцом.

Вины полузабытой тень, –
а может, все-таки навета –
легла на трудный путь поэта
и на его последний день.

Казалось, не коснётся прах
путковских просек и полянок,
покуда автор на ногах,
да только автор сам подранок.

Луткова с ног по-свойски сбили,
вернув к событиям давних лет,
и «Чёрным камнем» придавили
в глазах поблекших белый свет.

О, исступлённость самосуда,
где повторяли вновь и вновь:
«Легко отдался иуда,
ему пустить бы надо кровь...»

Не лечит, а калечит слово,
согнув собенного совсем,
хулители клеймили снова
антигероя КПМ.

И, вместо будничного «здравствуйте»,
совали мне журнал: «Прочти...»
Воронеж раздирали страсти
воинственные почти.

Мы все читателями стали
и торопливо, на ходу,
опять кого-то спрашивали:
«А вы читали, вы читали
журнал тот самый, книгу ту?»

В меня же до последней точки
вошли совсем другие строчки –
о том, что самосуд – беда:
«И если сотня, воя оголтело,
кого-то бьёт, – пусть даже и за дело! –
сто первым я не буду никогда!»

Кукуруза

Во дворе, где шалавая муга
на любовь соглашалась легко,
мне сказали: «Скажи – кукуруза».
И сказал я: «А в морду не хо...»

Те, кто «Вальтер» на водку меняли
и меняли тряпью на тряпью,
не картавость мою проверяли –
проверяли еврейство моё.

Пропороли мне финкой рубаху,
и заметно припухла скула,
но не страхом – презрением к страху
кукуруза во мне проросла...

В небе солнышко ласково светит
над весенным двором, надо мной,
и живу до сих пор я на свете,
никакой не убитый шпаной.

Поздняя любовь

Г. Кривцовой

Земное притяжение душ
всевышним сберегается.
Взаимность кажется двойным
подарком, а пока –
твоей озябшею рукой
моя отодвигается,
и отчужденья холодок
почуяла рука.

Следишь за мной зрачками глаз,
и что-то в них тревожное.
Всеръёз морщинками легли
нескладные года.
Тепло руки моей – оно
такое ненадёжное:
едва согреет – и опять
исчезнет без следа.

Мы временны, как всё вокруг,
мы не причастны вечности.
Удачи яркая звезда
не светит нам с тобой.
А как хотелось счастья нам,
и нежности, и верности.
И как хотелось нам любви –
пускай немолодой.

Судьба, как одичалый пёс,
ворчит, костями хрумкая,
и что задумала судьба –
не вызнать, не понять.
Твоей руки печальней нет,
она такая хрупкая,
предохущение беды
таится в ней опять.

Нет, не безгрешны мы с тобой:
телесному – телесное.
А всё же видится любовь,
как тайна бытия.
И нас двоих соединит
не привыканье пресное,
а золотой виток судьбы,
где рядом ты и я.

Фотография

На даче, где прописана синица,
где переплески света и теней, –
цветная фотография хранится
в поношенном портфеле, а на ней:
толпа, фойе, и около буфета
 стоим, обнявшись, будто бы родня,
один актёр и сразу три поэта –
Слепых, Панкратов, Евтушенко, я.
И, зыбкие мосты ещё не руша,
упрямая, четырнадцати лет,
от объектива отвернулась Ксюша –
авангардизма худенький поэт.
Ей безразличны и чужие лавры,
и вперемешку слава и битьё.
Мы для неё почти как динозавры,
сходящие в своё небытиё.
Насмешница, ей всё легко даётся,
но хочется поверить наперёд,
что от страны она не отвернётся,
не отстанется от её забот.
И может быть, в случайном разговоре
припомнит с непонятной теплотой
о трёх поэтах, об одном актёре,
о давней фотографии цветной.

***

Мы одну приближали Победу,
тем тревожнее думать о том,
что стреляет сосед по соседу
и давнишние связи – на слом.

Нить надежды колеблется тонко
и вот-вот оборвётся она...
Цены – вверх, понижается только
человеческой жизни цена.

Олег Рахманин

Выпускник физического факультета, давний участник Дней поэзии ВГУ

Вариативные сонеты на темы Сирано де Бержерака

Исповедь

Кто сам любил, меня поймёт, быть может.
Поняв, простит за все мои грехи –

Наивные рисунки и стихи,
За боль, что днём и ночью сердце гложет,

За краткость встреч и жажду поцелуя,
За вольность мыслей, смелые слова,
За то, что не святые покрова –
Твою ладонь мечтал прижать к лицу я,

За то, что жил в одной наивной вере:
Во имя Женщины воздвигнув храм,
Я, восхищённо пав к твоим ногам,

Как дерзкий нищий, что сидит у двери.
Шепну, не поднимая головы:
«Сударыня... Ужели... Это Вы?..»

15-й сонет

...Да что мне до любовников твоих,
Когда они владеют только телом,
А я – душой. И ни один из них,
Каким бы ни был он решительным и смелым,
Тебя не вырвет из-под чар моих.

В моих ладонях – нежность мотылька,
В моих ладонях – всех вселенных сила.
Пускай ты бесконечно далека, –
Твоя душа с мою воспарила

Над грязью тьмы и, дьявольски чиста,
Меня целует в грешные уста.
Любовники... – Люби их, обольщайся!

Живи, о прошлом память не храня!
...Всё дальше ты уходишь от меня,
И я шепчу привычно: «Возвращайся!»

***

Скажи, легко ли быть самим собой,
Когда весь мир вокруг переменился,
Часов хрустальный маятник разбился
И стрелки жизни скачут вразнобой? –

На плечи давит тяжесть чёрных дыр
От всех утрат, что совесть подкупили, –
Они диктуют выбор «или-или»:
Колпак дурацкий, царственный мундир.
Легко ли быть... А может, я напрасно
Терзаюсь так? – Все в этом мире ясно
И благостно, как творческий запой...

...Но что ж так сердце бьётся неумело
И что так губы шепчут онемело:
«Скажи, легко ли быть самим собой?...»

Татьяна Рослякова (Санина)

Выпускница химического факультета. В настоящее время – учитель химии и технологии в гимназии

Моей сестричке – 45!

Искрятся брызгами салюта
На ветках ягоды в саду.
Ещё вчера – вуаль цветенья,
Сегодня их в ладошку рву.
Вкус, аромат, упругость, мякоть
Взрываются – лишь надави.
Те – кислые, а эти сладость
Скрывают у себя внутри.
Ах, женский век! Точней – полвека,
С корректировкой минус пять.
Недаром говорят в народе,
Что баба ягодка опять!
А что потом? Варенья, морсы,
Компоты, джемы, кисели,
И просто свежие из горсти
Губами с ветки рви да рви!
И, косточки в траву бросая,
Увидишь, через год иль два
Как изумрудом прорастает
Младая новая весна.

Рисунок Елены Саниной

Елена Смолицкая

*Преподаватель кафедры финансового права ВГУ.
Руководитель поэтического клуба «Левобережье»,
входит в правление воронежского отделения общественного движения «Русский лад»*

Родные

Сколько стало родных мне людей!
Мысливались, как тёплые реки.
Жизнь для нас не жалела гвоздей.
Мы сроднились – сроднились навеки.

Ну и пусть холода, холода!
Память сделалась берегом нежным.
Что случилось – со мной навсегда
Под покровом останется снежным.

Бессмертна песнь

*Посвящается Анне Долгаревой
и памяти её возлюбленного
Алексея Журавлева, погибшего
на войне за Донбасс*

А парня звали просто – Алексей.
И волосы на солнце золотились.
Умён, красив. Из плоти и костей.
И сердце билось.

Война как вызов, страшная черта,
Что делит жизнь на «до» и, может, «после»,
Коль повезёт. И Фатум, как всегда,
Бросает кости.

И не везёт. И «после» не придёт.
Последний миг простреливает вечность.
Его никто любимой не вернёт.
Зачем ей верность?

Но верность, как и вера, и любовь,
Способна жить, когда уж нет надежды,
Чтоб у неё текла по жилам кровь –
Тепла, как прежде.

Кому верна? Зачем, зачем – верна?
Нет на Земле его, не будет больше.
Навеки с ним в стихах обручена –
Крупинка Лёши.

Когда мы любим, мы в себе несём
Частицу человека, что роднее
Всех, кто вокруг. Душа, мечта и дом –
Всё уцелеет.

Всё уцелеет в непроглядной тьме,
Всё в нас каким-то чудом сохранится.
«Я есть в тебе, а ты – ты есть во мне»,
Да и святится...

И вот – крупинка Лёши у неё
В крови, в груди, и в памяти, и в жизни.
Надрывно нам поэзия поёт,
Бессмертну песнь о нём она поёт
Заместо тризны.

Галина Хожаинова

Доцент кафедры биохимии и физиологии клетки

***

Тополиный снег,
Тополиный пух,
Среди лета вдруг
Отголосок вьюг.
Отголосок бурь,
Чаяний, потерь,
Отголосок судеб
Близких мне людей.
И средь зноя дня
Кружится метель.
Сыплется, летит
Снег от тополей,
А в вечерний час
Позднею грозой
Смоет лета снег
Дождик проливной...
А поутру ветер тронет тополя,
Разнося пушинки в дальние края.

***

Встреча октябряская,
Стужа ноябряская,
Ветер декабряский,
Капель в январе...
В жизни стремительной
Все относительно,
Встречи, разлука
И мир на Земле.
Радость рождения,
Случай везения,
Взлёты... падения –
Все суeta.
Счастье пленительно,
Сердце чувствительно,
Трезвые мысли –
В душе маeta.
Встречи печальные,
Взгляды случайные,
Горечь потерь, ликованье любви,
Ветра стремление, мира кружение,
Звёзд и планет золотые огни.

Яна Цыганкова

Выпускница филологического факультета

***

И никто не звал,
И никто не шёл,
Но несла зима
На плече мешок.

А никто не ждал.
Зиму жгло тепло,
И мешок дрожал:
Из мешка текло.

Но зима несла
И тебе и мне.
И трава росла
Сквозь кровавый снег.

***

Кошки приходят, ложатся, где горячей.
Время быть чьей-то и время побывать ничьей,
В комиссии у жизни стоять в тиши,
Быть на витрине. Быть проданной за гроши.
Эта ничейность – сплошной темнотой в домах:
Свет отрубили, а завтра уже зима,
Шоркая старчески, входит. Свеча в руке.
Тени причудливо пляшут на потолке,
Тени змеятся, становятся всё темней.
Белая бабушка, лей на них воском, лей,
Снегом крести, отходную шепчи-читай,
Саваном кутай, упасть в темноту не дай.
Белая бабушка смотрит глаза в глаза:
«Больно горячее сердце – спаси нельзя».
Кошки приходят, ложатся, где горячей.
Спи на груди моей.
Спи на груди моей.

***

Раньше верилось,
Что людская любовь одинакова.
Не задумываясь
О тайном созвучии слов,
Я низала на нити рифм её,
Как слепая.
Не ведая,
И потому распиная.
Позже Север открыл мне глаза.
Север,
Север...
Север есть сердце,
А сердце есть камень –
Сейд.
И любовь – это звукопись.
Слуш-ш-ш-шай...
Северная любовь холодна,
Как шипучие воды Онеги,
Как окуглости ладожских шхер;

Северная любовь незыблема,
 Как массивы горные,
 Полные старой крови:
 Вот поэтому все они рыжие –
 Охра, ржавчина...
 Северная любовь глубока.
 Всё внутри.
 Всё в себе:
 Кварц и мрамор,
 Гранит, или золото.
 Ничего на поверхности, кроме
 Соцветий вереска,
 Невысоких и нежных,
 Просиявшихся в руки любящим.
 Если ты их сорвёшь,
 Если ты расшифруешь петроглифы,
 Угадаешь молитвы
 Под слоем кусачего мха,
 То познаешь мороз, глубину, тишину и незыблебельность.
 Крепче этой любви
 Я ещё не встречала пока.

***

Когда маме поставили гнусный диагноз «астма»,
 Из дома постепенно исчезли
 Ковры,
 Открытые книжные полки,
 Думки-подушки,
 И большие и маленькие
 Ласковые мои мягкие игрушки.
 Дом изменился.
 Так линяют больные звери:
 Пушистое постепенно становится гладким.
 По полу змеится линолеум,
 Выдающий любое ночное движение.
 Узоры его чешуи – это злые загадки.
 Хищно поблескивают
 Стёкла закрытого книжного шкафа.
 Кругом – ни пылинки.
 И в аптеке рядами ровными,
 Чешуйка к чешуйке –
 Стоят ингалляторы.
 Тоже гладкие.
 Очень холодные.
 Сначала я думала: это может пройти,
 Если чистить линолеум,
 Разгонять пыльный вальс
 В тёплых лучиках майского солнца,
 Если больше цветы не носить –
 Заменить их на камни и тряпки.
 Жаль, не вышло.
 Ничего не прошло,
 Только в сказках такое бывает.
 Дом менялся сильнее.
 Почти что к стерильности мorga.
 Я не знала, что мягкое –
 Это не только игрушки.

Мягкий голос, и руки, и мягкая мамин ласка –
 Всё пропало.
 А я убедила себя потихоньку,
 Что любила стекло
 Много больше фланели и плюша.
 Всё пропало.
 И мягкое,
 Мягкое,
 Мягкое сердце
 Превратилось в бокал
 Из забытого всеми серванта.

***

Ощущение уходящего нового года.
 Середина весны.
 Кухня в каменном доме.
 Шумят телеволны
 Домашнего улья Homson.
 А мне 28.
 Зачем это праздновать?
 Шумом сглаживаются углы
 Политических распреий
 Дверных косяков
 Моего лица
 Округление.
 И у тех не боли,
 И у этих не боли,
 И у тебя роток затяни,
 Да жирком заплыви
 Свиным холодцом с морковкой,
 Который делали наши бабушки.
 Заплыви,
 Округли,
 Сгладь.
 Вчера я нашла у себя целую белую прядь,
 И никому не сказала.
 Некому.
 Телевизор шумит.
 Самолёты шумят.
 Люди шумят.
 Шум становится запредельным.
 Слишком,
 Всё это – слишком.
 Не буди лиxo,
 Будь тише,
 Тише.
 Я хочу в тишину расцветающей майской дубравы,
 Я хочу в скрипоту,
 В междузветвие,
 В сине-зелёную мягкость,
 Чтобы ближе к земле,
 Из которой
 Ни звука
 Не слышно.
 В которой не будет так страшно,
 Потому что земля
 Тоже
 Круглая.

***

Ты спроси меня, спроси,
Сколько семечек в горсти –
Не отвечу ничего.
Дунь в глаза – и нет его:
Горя нет, и счастья нет,
И весны простыл и след,
Простудился, приболел –
Есть у дикости предел.
Не наступит тёплый май:
Сколько ты ни сажай,
Злая вырастет трава,
Буйнодумна голова,
Стебель зол, и корень зол.
Это меньшее из зол.
Ты расти, расти, расти,
И прости меня, прости,
Мой цветочек, мой сорняк,
Сын мой,
Брат мой,
Друг мой,
Враг.

Ольга Червинская

Ведущий инженер кафедры ядерной физики.
Участник Дней поэзии ВГУ с 2011 года

Осень – не зима

Женщина грустила, сидя у окна,
Думала, гадала: одна иль не одна?
Хоть маячил котик за её спиной,
Ощущала себя женщина полностью одной.

Котик – на колени, заглянул в глаза,
Капнула на шёрстку женская слеза,
Выгнулась в ладони котика спина,
Рассмеялась женщина: вот ведь – не одна!

Осень за окошком тихо слезы льёт,
Ну, когда ж, скажите, к нам зима придёт?!
Отчего, скажите, к нам нейдёт зима?
Может, затерялась средь дождей она?

Женщина вздохнула: некуда спешить!
Для чего, скажите, зиму торопить?
Нет причин для грусти, я ведь – не одна!
Да, к тому же осень – всё же не зима!

Антон Шамраев

Окончил ВГТУ, программист

***

Если только деревья когда-то проснутся, и я,
повторяя за ними, попробую сделаться мягче
и шуршать научусь, и начну раздавать кислород,
я смогу постучаться, просить, убеждать, что в
итоге
всё получится, будет легко и так далее;
но засохшие кактусы ярче любых обещаний.

***

Тяжёлые веки, и век не сулит перемен
серъёзнее перетасовки былых декораций.
Нельзя перебрать, и уж точно нельзя перебраться.
И ты напрягаешь горталь, но давно онемел.
Потом за стеной затихает последний пророк,
а ты барабанишь по трубам и требуешь шума;
но глухо.
За что зацепиться и что побороть –
ни взять, ни придумать.

***

Хочешь писать что-то важное.
Но слова дробью отскакивают от бумаги,
разлетаются по комнате,
бьют фужеры,
оставляют трещины в окнах.
Вокруг только стекло
и висящее в каждом шорохе:
куда
ты
лезешь?..

***

А как объяснишь, что и тепло объятий
не проникает внутрь, а просто позже
за десять шагов от двери до кровати
сползает вместе с одеждой, и ты остаёшься
нелепой между слоями бязи
линией фронта идеи и материала
и вьёшься своими оврагами, пусть ни разу
полуночное до рассвета не доживало.

Елена Шилова

Окончила факультет ПММ, работает програм-
мистом. Финалист интернет-конкурса «Мгинские
мосты – 2022», лауреат Грушинского интернет-кон-
курса 2022 г., шорт-листер литературной премии
имени Левитова

Незолушка

От серости дождей осоловев,
Февраль туманно стелется повсюду.
Дурные мысли киснут в голове,
Как в раковине грязная посуда.

Не видно серебра – сплошная жесть
 Венчает гору плошек и тарелок.
 Я выросла из золушек уже,
 А сказка до сих пор не подобрела:
 Работай над собой, авось к утру
 Поверишь в чудо. Но сюжет обманчив.
 Оглядываюсь хмуро, а вокруг
 Ни принцев, ни сестёр, ни злобных мачех,
 Ни праздничных балов, ни верных слуг:
 Лишь скучный путь от кухни до кровати.
 И некому пожаловаться вслух,
 Что мир не отмывается от пятен.
 Ворочается сумрак за окном,
 Сырые облака, как тесто, месит.
 Уныние таскается за мной
 Весь этот високосно-долгий месяц.

Закончив насаждать везде уют,
 Заветный башмачок достану с полки,
 Примерю – и с размаху разобью
 На мелкие хрустальные осколки.

***
 Довольно иллюзий. Не ври себе
 Про родственность душ, волшебство и таинство.
 Наш дом – эпицентр неудач и бед:
 Сюда, словно в улей, они слетаются.
 Сгоревший утюг, незакрытый газ,
 Упрёки и ссоры – приправа к ужину.
 Признай же, что глупых и вздорных нас
 Невзгоды терзают вполне заслуженно.
 В одном на двоих наградном листе –
 Бездарных ошибок сухая выжимка.
 А помнишь, хотели семью, детей?
 Забудь. Даже рыбки у нас не выжили.
 Хватало ведь корма, воды, тепла,
 Но аллес капут, выбегай скелетики.
 Вот так же и нам, пустоцветам зла,
 Не светит ни счастья, ни долголетия.
 Затоплен унынием наш ковчег:
 Двуногие тоже бывают тварями.
 ...И все же, отбросив вопрос «зачем?»,
 Ты новых мальков запустил в аквариум.

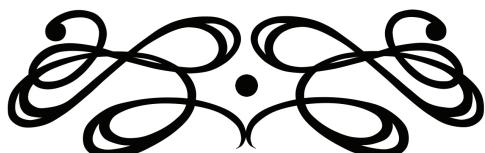
***
 Поезд, переехавший Анну Каренину,
 Весьма опечален, но не раскаивается ни в чём.
 Он делал свою работу, спешил ко времени –
 И вдруг под колёсами стало скользко и горячо,
 Но не так, как обычно, от слякоти и силы трения.

Теперь его то трясёт, то бросает в жар.
 Он понимает: ведь кроме этой несчастной Карениной
 Есть много других, чья жизнь напоминает кошмар.
 Они копошатся внутри, оставляя язвы в памяти,
 Отравляют отчаяньем, а после уходят прочь.
 Он думает: «Ну что вы здесь топчетесь и горлопаните?
 Оставьте в покое, я не могу вам ничем помочь!»
 От назойливых мыслей поезду нет спасения,
 Лихорадка в чугунной груди продолжает пылать.
 Её не остановят ни затяжные дожди весенние,
 Ни усталость машиниста, выгоревшего дотла,
 Равнодушно взирающего на похороны и рождения,
 И на выходки в разной степени истеричных Анн.
 Поезд вдруг понимает: каждый новый день его
 Изнутри похож на уродливый балаган.
 Вот юнец, проигравший в карты, ругается с папенькой,
 Вот бледная барышня надсадно кашляет в платок.
 Вагоны нервно вздрагивают, у поезда паника,
 Но из пассажиров этого не чувствует никто.
 Отставной подполковник лакает водку с матросами,
 Старушка у окна считает копейки – и их в обрез.
 Поезд обречённо вздыхает железным нутром своим
 И сходит с рельс.

Эльвира Щербакова

Преподаватель ВГПУ, главный редактор газеты
 «Учитель»

***
 Смою всё до запаха волос,
 До искринки всё на белом личике...
 Ты с собой мою любовь унёс –
 Продолжая в нас искать отличия.
 Задержал улыбку на губах –
 И сказал так смутно: «Ну, до скорого».
 И теперь ищу тебя в мечтах –
 Проверяю почту – что там нового?
 Ты молчишь неделями... Года...
 Пролетают мимо окон звёздами –
 Не права сейчас... Может, тогда
 Потеряли чувство меры просто мы.
 Потерялись в соннище людском,
 И, считая бренные отличия,
 Только я нашла тебя в другом,
 Ты легко забыл моё обличье...
 Смою всё, что запахом прожгло
 Душу до изнанки, всё я вылечу –
 Может быть, там счаствие могло...
 Нет, иначе всё... Зачем любили мы?

Из пустого в порожнее (эссе)

Павел Сидельников

Поэзия по-своему бессмысленна. Как жизнь. Как смерть. Как любовь – платоническая или бытовая – всё равно. И заниматься поэзией всерьёз (вспоминается Батюшков: «Поэзия требует всего человека») сегодня будет либо бездельник, либо дурак. И в первом, и во втором случаях – счастливый.

Спросите, почему?

Он – свидетель чуда. Того самого необъяснимого, по чьей-то воле (!) происходящего. Когда садишься за письменный стол и перед тобою только пустой белый лист, который необходимо чем-то заполнить, и простой чёрнографитный карандаш, с помощью которого необходимо что-то заполнить. Чем-то и что-то. Случайность. В эти три-пять-десять-шестьдесят неподдающихся минут – особенно уязвим. Одновременно ничего о мире не знаешь и знаешь о нём абсолютно всё. А после – с иголочки – обновлённый и другой. Настоящий. Вновь возвращаешься в привычный мир. Заново рассматриваешь и изучаешь происходящее, – утро, солнце, кровать, собственные руки и глаза, комнатная пыль, этот самый письменный стол. Не чудо ли? Жил и умер – переродился – заново влюбился. И так – по кругу. День за днём. Как вращение планеты вокруг своей оси. Прошла небольшая часть физического времени, а кажется – вечность. И собственный дом – уже не двухкомнатная новостройка на краю Коминтерновского района, – вездесущий русский язык. Своя речь.

Наш язык, кстати, для стиха наиболее удачен. Пушкин говорил о том, что рифм в русском языке слишком мало и одна вызывает другую. *Пламень тащит камень*. Из-за чувства выглядывает искусство. Но одной ли рифмой единды? Есть белые стихи, в которых рифма отсутствует напрочь. В 80-е годы прошлого столетия верлибры (стихи без рифмы и метра) начинают активно печатать. Что случилось? Какие неистовые ветра подняли (или опустили) и закружили привычную стихотворную речь?

Вызов времени. Строгие и устоявшиеся ударные/безударные слоги сменились особой ритмической организацией. Вне канонов, но присутствием рамок – не ограничивающих, а сдерживающих. Речь в таком случае самостоятельна, но гармонична. «Стих прежде всего – гармония» (А. Блок). И хаос – дополнительный инструмент, позволяющий выразить то, что не может быть выражено в рамках канонов.

Но это не значит, что поэзия – это пустое пространство, в котором можно разместить что угодно. Это не значит, что поэзия – это пустота, в которую можно вложить всё, что угодно. Это не значит, что поэзия – это пустота, в которую можно вложить всё, что угодно.

Сказать, что поэзия рождается из света, – частичная ложь. Конечно, из света. Ещё – из тьмы. При рождении ребёнка невыносимые страдания испытывает не только будущая мать, но и сам рождающийся. Хотя принято считать такое появление – счастьем, большой радостью.

Исходя из этого, основным является само дыхание. Живое ли? Дышит? Порою встречаешь стихи, в которых (условно) всё не на своих местах: одно – танцует, второе – поёт, третье – рисует. И каким-то чудесным (опять же!) образом всё это играет. Дышит. Другой вариант, когда технически стихотворение удалось и любое слово возможно объяснить. Здесь – прыгает, там – разговаривает, затем – садится. И всё – мёртвое. Оттого, наверное, настоящее стихотворение невозможно пересказать. Оно есть то, каким случилось.

Читая литературные журналы, часто знакомишься со стихами, где знаков препинания нет, и ненароком думаешь: знает ли автор вообще про знаки препинания? И знает, и не знает. В классическом (назовём так) стихотворении эти самые знаки мешают. Станет ли программное «Я помню чудное мгновенье» хуже? Нисколько. Наоборот – лучше. Или другое – «Пророк»? Здесь, думаю, да. Оно дышит иначе.

Так что – от случая к случаю. Содержание диктует форму. Содержание внутреннее. Полюбившийся критику Алексею Алёхину «поэтический замысел». Никто, как мне кажется, об этом термине лучше него не скажет.

Цитата (из журнала «Арион», №1, 2014 г.): «В каждом стихотворении следует найти способ говорения, который в этом искусстве и есть инструмент восприятия, обобщения и гармонизации мира. Состоятельный поэтический замысел сразу же этот способ задает. «Поэтическая мысль уже сама находит нужную интонацию» (А. Кушнер). И не только интонацию. К примеру, стихотворение само выбирает жанр. Множит жанры, если нужного под рукой не оказалось. Меняет их иерархию».

Читатель, может быть, от такого ужаснётся. Но это же и главное! Лучше пусть ужасается, нежели проходит мимо. Равнодушие – обиднее, чем восхищение или отвращение. Если заинтересованный читатель попытается такое понять, рассмотреть с разных сторон и под разными углами, то обычновенный – отбросит и поставит ярлык «графомания», толком не разобравшись в этом. Здоровая ли ситуация?

Поэзия элитарна и иерархична.

Во-первых, во все времена (исключение – «шестидесятники») поэзию читали 1–3% жителей страны. Говорим о России – всегда входившей в топ-10 стран по количеству населения. Книги Цветаевой и Ахматовой в свою эпоху выходили таким же тиражом, как поэтические сборники наших современников: 300-500 экземпляров. «Двенадцать» (упомянутого) А. Блока – 1300. В предсмертном бреду он требовал от своей жены обещания сжечь и уничтожить все до единого экземпляры поэмы. И это нормально. Нормально, потому что так было всегда.

Во-вторых, многие знают поэта И. Бродского, но единицы знают поэта Л. Аронзона. Оба – поэты: одного – читают, другой – забыт. Оба – ленинградцы/петербуржцы. В своё время их постоянно сравнивали и ставили рядом. Правда, один вынужденно уехал из страны, другой – застрелился из охотничьего ружья во время поездки по Средней Азии. Чем следующее стихотворение хуже (условно – опять же!) довольно знаменитых «Писем к стене»?

* * *

Сохрани эту ночь у себя на груди,
в зимней комнате ёжась, ступая, как в воду,
ты вся – шелест реки,
вся – шуршание льдин,
вся – мой сдавленный возглас и воздух.

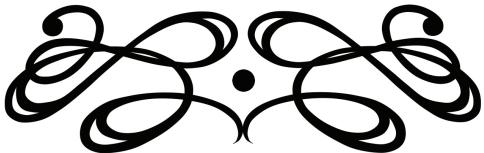
Зимний вечер и ветер. Стучат фонари,
как по стёклам замёрзшие пальцы,
это – всё наизусть,
это – всё зазубри
и безграмотной снова останься.

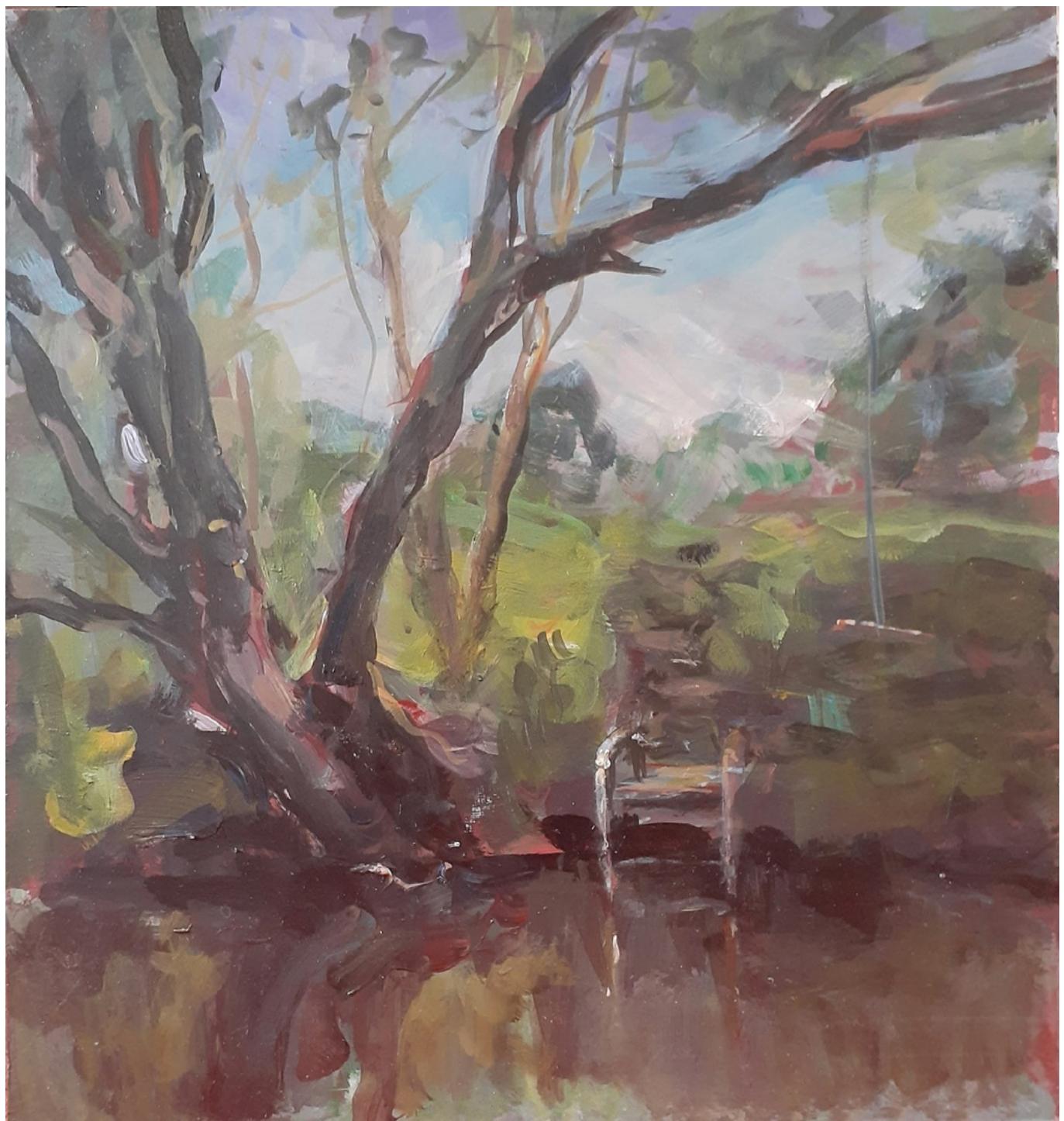
Снова тени в реке, слабый шелест реки,
где у кромки ломаются льдины,
ты – рождение льдин,
ты – некрикнутый крик,
о река, как полёт лебединый.

Сохрани эту ночь, этот север и лёд,
ударяя в ладони, как в танце,
ты вся – выкрик реки, голубой разворот
среди белого чуда пространства.

На сегодня критика в истинном проявлении, к сожалению, не существует. Есть – заинтересованный систематичный читатель. Тот, кто помогает ориентироваться во всём многообразии литературы, поэзии и стихотворчества. Субъективно. Никаких стандартов (к радости для пишущего и грусти для «идеального критика») также нет.

Есть – поэзия. Такая же великая, как и до этого. И, как до этого, она незаметна. Как зайчик, спряталась «среди белого чуда пространства». А поэт живёт себе и пишет, пишет себе и живёт. И этого – никто у него не отберёт. К счастью.

«Еманча. Тарзанка»
Авт. Татьяна Фомичёва

Родное

Алексей Бондарев

Выпускник Воронежского государственного технического университета, кандидат физико-математических наук. Участник литературного объединения «PoemFM». Публиковался в альманахах «День поэзии ВГУ», «Царицын» (Волгоград), журнале «Северная окраина» (Череповец)

Призрачный трамвай

В ночи по улице Кольцовской
Ко мне спешит пустой трамвай.
Встал наваждением бесовским:
Мол, забирайся, не зевай.

Но нет давно уже трамвая
В огромном городе моём!
Вагоны, рельсов сеть густая –
Здесь всё распилено на лом.

И, наваждением влекомый,
Сажусь. Вагон задребезжал.
Маршрут с рождения знакомый:
Вот «Луч», кондитерка, вокзал.

А стрелки на часах свихнулись
И вспять стремительно летят,
Года пружиною свернулись.
Места родные ищет взгляд.

Не тот бульвар, не те скамейки,
Нет ни высоток, ни реклам.
В руке билет за три копейки.
Откуда взял я этот хлам?

Там тихо дремлет парк «Орлёнок»,
И тополя в пуховье спят.
А в той хрущёвке спит ребёнок,
Он – я, но сорок лет назад.

Там папа жив, он счастлив с мамой,
И маме – боже! – двадцать шесть.
Трамвай мой за оконной рамой
Звенит. Постой, я выйду здесь!

Где в мире – мир, где нет злодейства,
В густой, пахучий, жаркий май,
В мой город сказочного детства
Несётся призрачный трамвай.

Владимир Воронин

Выпускник исторического факультета, писал песни для рок-группы «Twosadman»

Пейзаж в манере Брейгеля

В священном трансе мартовского ветра
Затеплим свечки после зимней спячки!
До магистрали меньше километра,
«Христос воскрес» на улице Землячки!

Весна души, утёртые слезинки,
Но говорю об этом я с трудом,
Как будто я
Весёлые картинки
Пришёл раздать
В забытый детский дом...

В беспамятстве единственных гастролей
Раздался смех неудержимых троллей.
Вот так же я пугался не на шутку,
Тем вечером, когда сгустилась тьма,
Когда в чужом районе ждал маршрутку,
А люди-мыши прятались в дома!
Как страшен край замёрзшего посёлка,
Где двух дорог свивается петля,
Являлся призрак – срубленная ёлка
В короне календарного нуля.
А впрочем, хватит этих излияний
Под мрачным небом северных сияний!

Евгений Новицхин

Член Союза писателей России

Черняховский

Посвящается памятнику Черняховского,
демонтированному в 1990 г. в Литве
и подлежащему уничтожению. Памятник
смогли вывезти из Вильнюса в Воронеж

В накрывшем нас трагическом обвале,
В кошмарном и нелепом дележе
Мы так друг друга слышать перестали –
Не только люди беженцами стали,
И памятники – беженцы уже.

Да, слава тоже может быть опальной.
И он, с Россией тяготы деля,
В Воронеже, на площади вокзальной, –
Как будто вновь перед дорогой дальней,

Готовый жизнь свою начать с нуля.
Ах, эти беспокойные вокзалы!
Их столько было в жизни фронтовой!
Побед, утрат – ему всего хватало.

Но много ль на счету у генерала
Коротких улиц Мира за спиной?
Не быть в забвенье имени героя,
Того, кто и за смертною чертой
Готов, как прежде, жертвовать собою,
Живя с народом общею судьбою,
С Отечеством – единою бедой.
И дай-то Бог, Россия, чтоб достало

Нам мира, хлеба и душевных слов,
А если надо – то и пьедесталов
Для всех твоих солдат и генералов,
Для всех тебя прославивших сынов!

Вера Калашникова

Выпускница факультета ПММ

Центральный парк

I
Под горою – парк,
над горою – лес,
посредине старт
размышлений без.

В лето по траве
босиком войду,
с ветром в рукаве
обгоню мечту.

Там Коровий лог
пахнет молоком,
сойка ветер бьёт
голубым крылом.

Дарит старый клён
свежесть и покой,
машет в даль времён
тонкою рукой.

II
Я выбрала дорогу через парк –
уснувший парк в бушующем пространстве.
Смеркалось, изо рта струился пар,
но освещался вход в мир постоянства.

Там тоже есть и осень, и зима,
весна и лето. Кружат в безвременье
деревья от зари и дотемна
и обнажаются к оледенению.

Там бродят утки в поисках еды
аллеей длинной, на пруду зимуя.
Заложники немёрзущей воды
всегда ждут булку, им её несу я.

В театр Зелёный лестница бежит,
но мне – по тропке на другую гору.
Железных санок помню виражи
и как на них несусь по кочкам гордо.

Теперь бы на вершине постоять
нелишний раз на Пионерской горке.
Там тайно обитает благодать.
К тому, что под горой, она не зорка.

III

Опавшие листья прикрыли дороги,
я лесом как будто бы первый раз шла.
Усталое солнце упало мне в ноги
и вспыхнул ковёр от святого угла.

Я вышла на гору и вдаль посмотрела,
затем поняла, что стою не одна,
мечтатели в транс погрузились всецело
и в каждом звучала надежды струна.

Собаки и дети стремились под гору,
но прочим хотелось повыше стоять...
Осеннее солнце, не выдержав взоров,
смущеньем засияло и двинулось вспять.

Оксана Лесовик

Аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета. Член поэтического клуба «Левобережье»

Лето лакает из лужи

Лакает из лужи дворовое жаркое лето,
У старой колонки под липами вдруг замерев.
И я замираю. Как мне наглядеться на это?
На долгую память, в тени запылённых дерев.
Оно трепетало зелёной листвой у подъезда,
Оно на качелях взлетало, гудело, звало,
Но только в душе у меня ему не было места,
Дворовое лето душе моей стало мало.
Не влезть в чехарду, не бежать за друзьями до дома,
Не мазать зелёной колени, не есть чужих груш.
Мне всё это было как раз, как пять пальцев знакомо.
Стою у калитки, и лето лакает из луж.

Александра Наливкина

Участник Дней поэзии ВГУ. Окончила воронежское художественное училище (живописец-преподаватель). С 2021 года учится в Литературном институте им. А. М. Горького (семинар Г. И. Седых)

***

Небо хрустит под подошвами берц,
И без хитиновой корки под бледною кожей
Душа дышит парами потоков ТЭЦ,
Мы с этим розовым дымом похожи.
В семь утра бледные капли зари
Абрикосовым цветом целуют мою страну,
Я стою над застывшей рекой, смотри,
Зарисуй тот струящийся пар, стряхну
С шапочки серый снег, с лица оскал,
Я не тот человек, что будет молчать ради звёзд.
Расскажи про завод, тюрьму, кто кем стал,
Я сейчас самовольно покину пост.

Глина

Чувствую тяжесть набухшей почвы в своих руках.
Холодной, скользящей глины, не давшей корню –
Вгрызаться в основу основ и целовать в стихах
Травинку, подсолнух, не желавших покорно
Стоять лупоглазым букетом, быть фоном порно,
Быть пыльным приземистым летом чужой любви.
Лиловый комочек обиженною этой земли
В руках больше чем глина – оно рукотворно.
Становится болью, скульптурой, упорно
Меняет беспочвенность жизни на форму.

Вернёшь и не проворонишь

Взрывать тяжёлым шагом рыхлый снег.
Он брызги древнего фонтана.
В набухшей черноте степных прорех
Зелёный цвет стихами из кармана.

К весне бежать в припадочном бреду,
Вдыхая солнце, танец ели.
Я не сбегаю, я домой иду,
И мысли в тишине полей хрустели.

Как сладкий хлеб, как слово про любовь,
Как диктофон, в котором песня
Про плен провинциальных рукавов,
В котором Мандельштаму было тесно.

***
Мы с тобой внутри снежно-стеклянного шара.
Шарим мелочь в карманах, гуляем возле
Не взлетевших амуротов, Молчаливая Мара
Улыбается льву, что надолго сослан

В эту ночь с остывающим временем,
Снегом на узоре чугунных решёток,
В лабиринт переулков без имени,
Бусы фонарей, будто бусины чёток.

Не гони, дай до конца отстоять эту службу.
Таврический чёрен сад, болен величием.
Бродский швырнул нам в лицо ворох
шёлковых кружев.
Он учил рифмовать, зима – обезличивать.

Лев Рудковский

Выпускник естественно-географического факультета Южно-Сахалинского государственного педагогического института. Сотрудник Зональной научной библиотеки ВГУ. Член Союза писателей России

На Воронежской верфи

С утра до вечера работа:
Ни сна, ни отдыха – аврал.
Царёв указ – уже в субботу
Спускать на воду бриг пора.

– Уж не впервые... осталось малость.
Ребята! Всем – на стапеля...
Ну что, подумаешь, досталось...
Зато заплатят два рубля.

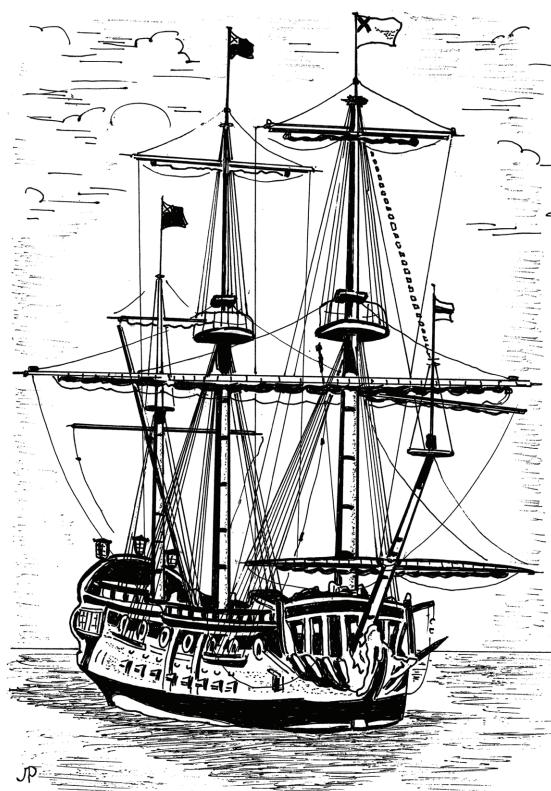

Рисунок Льва Рудковского

Гульнём потом – табак в кисете
И водка будет... Заживём!
Да, кораблей таких на свете
Не сыщешь, кажется, во всём.

На мачту, быстро! Поневоле
Взлетишь стрелою в небеса,
С натугой, напряженьем, болью
Цепляешь, вяжешь паруса.

А на Чижовке слышен рано
Стук неумолчный топора.
Воронеж ныне город главный.
России юная пора.

И я пойду от осени к весне

Всему черёд, своя пора.
Леса пылали медью сосен.
Вчера была златая осень –
Дожди, студёные ветра.

А на дворе опять зима,
Где сад притихший, осовелый
Уж не зовёт с утра несмело
Нырнуть в декабрьский туман.

Назавтра реки вспрянут ото льда
И загорится ночью новая звезда –
Лукавая, блестящая над домом.

И будто миллионы лет назад,
Над полем прошумит гроза –
И я пойду дорогой незнакомой.

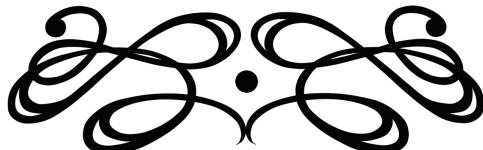
***

Удивительным кажется всё:
Тишина, долгожданный рассвет,
Огоньки незабудок в траве.
Красота мир уснувший спасёт.

Я дождю торопливому рад.
В прошлом сизая мгла и метель.
Лишил бы пела весною капель
И кружили над полем ветра.

Я дождю говорливому рад.
Только б ярко блеснул тонкий луч
И стремился к земле из-за туч,
Чтобы лучшую дать из наград.

Мне награда – надежда одна.
Лишил бы проблески света в пути,
Чтобы медленным шагом идти
В уголок, где царит тишина.

«В позолоте осени»
Авт. Татьяна Фомичёва

Малое счастье

Светлана Владимирова

Выпускница ф-та ПММ, член Союза писателей России

Про краба. Некулинарная книга

***

Море полно чудесами:
Вылез зверь смешной оттуда –
Что за странное созданье?!
Как зовут такое чудо?

Гладкий панцирь, много ножек,
И на стебельках два глаза.
Как он боком бегать может,
Всем показывает сразу!

***

Небо опустило шторки:
Пляж и море – в лунном глянце.
Краб уснул в уютной норке.
Крабам сны цветные снятся?

Мир листает до рассвета
Снов волшебные страницы –
Из бесчисленных сюжетов
Что сегодня крабу снится?

***

Поспешила встать, одеться –
Полетела к морю птицей:
Если радостно на сердце,
Тянет с кем-то поделиться.

Краб, ты здесь! Я буду краткой,
Расскажу понятно, зримо –
Так любимой шоколадкой
Угощают лишь любимых!

Крабик, не пройдёт и часа,
Попрощаемся мы нежно.
Но куда же ты помчался?!
По делам? Ну да, конечно...

***

Я брошу по побережью
И нисколько не скучаю.
В зале зрители все те же:
Солнце, ветер, море, чайки –

Обстановка неплохая,
То, что нужно, под рукою.
Крабик где-то отдыхает,
Попросил не беспокоить.

К книгам я вернусь чуть позже,
Я хочу запомнить прежде:
Даль – глазами, ветер – кожей,
Сердцем – море с побережьем.

Мышиный король

***

Он давно отошёл от дел
и живёт один,
Средь корней под замшелым пнём
поселился скромно.
Тишина вокруг,
и чуть слышно стучит в груди,
А корона пылится где-то
в одной из комнат.

Летом радостно:
греет солнце, родит земля.
В прошлогодней листве зароется –
не заметят.
После вкусной и сытной пищи
теплеет взгляд.
После добрых снов
улыбнётся всему на свете.

Столько мирных планов,
теснящихся в голове, –
Жарким днём их меняют лисы,
а совы – ночью.
Он не сетует на короткий мышиный век,
Ведь у мягкой лесной травы
жизнь ещё короче.

***

Утром Он не спешит вставать,
чтоб застать зарю:
Дня карета – следом,
Ему далеко не ехать.
Очертанья леса меняются к сентябрю:
Обветшали кроны
и небо видать в прорехи.

Запах спелых яблок ветра
не несут сюда,
Только август беспечно весел
и щедр бескрайне:

Для Него созревает там,
наверху, звезда –
Остаётся выбрать из многих
одно желанье.

Анастасия Червинская

Выпускница аспирантуры физического факультета.
Имеет награды конкурса переводов им. С. Я. Маршака и поэтического конкурса «Стихоборье»

Серебристая песенка

Пер. с англ.

В небе сонная луна по небу плывёт.
В серебристых башмачках тихо ночь идёт.
Смотрит, все ли спят кругом,
Всюду ль тишина.
Осypает серебром траву, сад, дома.

Дремлет серебристый пёс,
В лапки нос уткнул.
Спрятав клювик под крылом,
Голубок уснул.

Серебристый кот не спит,
Мышку стережёт.
Только знаю, в коготки
Мышка не придёт.

Серебристая река плещет вдалеке.
Стайка серебристых рыб дремлет в глубине.
В серебристых башмачках тихо ночь идёт.
Серебристую луну как фонарь несёт.

King John's Christmas

(A. Miln)

Давным-давно жил-был король, и звали его Джон.
И никого он не любил, лишь был в себя влюблён.
Неделями мог гордый Джон ни с кем не говорить,
Не говоря уже о том, чтоб слуг благодарить!

Хоть было все у короля, но всё же он хотел,
Чтоб Дед Рождественский к нему в сочельник
прилетел,
Чтоб положил ему в чулок орехов, леденцов,
Нож перочинный положил, который резать мог.

И мандаринов, и конфет, и яркий красный мяч,
Тот, что из Индии, и чтоб пуститься мог он вскачь.
Об этом каждый год писал он в письмах в Рождество,
Но отчего ж не получал в подарок ничего?

Но был упрямец Джон-король, какого не сыскать,
Под Рождество садится он опять письмо писать.

В котором пишет, как всегда, что и всегда писал,
В конце есть имя «Джон» и «dixi (всё сказал)».

(И если бы случайно вдруг вы то письмо прочли,
Конечно же, «пожалуйста» вы в нём бы не нашли.
Хоть был и образован Джон, латынь отлично знал,
Просить лишь не умел король, всегда повелевал.)

Вложил своё письмо в конверт, печаткою скрепил,
В трубу печную с крыши Джон, как в ящик, опустил.
Затем вернулся в спальню, лёг, глаза свои сомкнул,
Как ни старался он уснуть, – до утра не уснул.

Ворочался и думал Джон: а вдруг не получу,
Что всей душой желаю я, всем сердцем я хочу?!

Без ножичка и сластей я вполне бы смог прожить,
Ах, если б только мячик мне в подарок получить!

Едва под утро бедный Джон уснул на полчаса,
Как разбудили шум и звон, людские голоса.
Поёт на площади народ и славит Рождество,
Опять в чулочек бедный Джон не видит ничего!

Печальный и несчастный Джон выходит на балкон.
Внизу резвится детвора, веселье, радость, звон.
И вдруг чудесный красный мяч в окно – и на кровать,
(Тот, о котором он мечтал), и – прыгать и скакать!

Ах, как же счастлив был король, что всё же получил,
Тот самый яркий, красный мяч (хотя и не просил).
И что-то вдруг случилось с ним, нашло вдруг на него,
Сказал «спасибо» Джон-король, и –
«Славься, Рождество!»

Ольга Червинская

Ведущий инженер кафедры ядерной физики.
Участник Дней поэзии ВГУ с 2011 года

Счастье – в дом!

Если дома – рыжий кот,
Значит, солнце не зайдёт!
Будет греть он днём и ночью
И светить вам целый год!

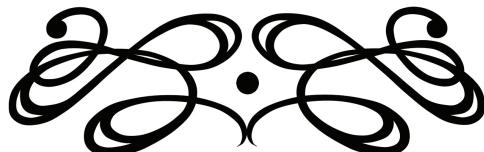
Если в доме – рыжий кот,
Будет счастье – круглый год,
И не год, не два, а – больше,
Сколько с вами проживёт!

Если стала жизнь не та,
Просто в дом возьми кота!
Пусть не рыжего – любого!
Всё равно ведь – красота!

Такт

Я грамотный! Я грамотный!
И этим я горжусь!
И делать замечания
Другим я не стыжусь!

И так собой горжусь, друзья!
Что грамотей – ведь факт!
Жаль, что не знаю с детства я,
Что значит слово «такт»!

Поэтические дуэли

Поэтические «баттлы» – изобретение, конечно же, не двадцать первого, не двадцатого и даже не двенадцатого века. В историю вошло ещё состязание Гомера и Гесиода, в котором победу одержал последний.

И как замечательно, что в Воронеже в наши дни продолжается эта поэтическая традиция. И не менее приятно, что студенты ВГУ – активные участники встреч стихотворцев. Об одной из них рассказала на своей интернет-странице Полина Подболотова, студентка факультета РГФ.

Полина Подболотова:

В прошлую субботу произошло пока что одно из самых символичных для меня событий.

Всё началось с сообщения от старосты, которое, наверняка, потерялось бы среди потока поступающей информации в группе, если бы не удача и какой-то нюх на такие мероприятия.

Я имею ужасную привычку опаздывать везде и во всём: прихожу через 10 минут после назначенного времени, делаю задания в последний момент, даже этот пост выкладываю с недельной задержкой...

Вот так и на поэтической дуэли: отправив материал за полчаса до окончания отборочного этапа, села ждать, в глубине души надеясь, что мои стихи правда чего-то стоят.

20 ноября, в день, когда должны были объявить результаты, ничего не произошло. Никто не позвонил, и я, подумав, что «не доросла до нужного уровня» (во всех смыслах этого слова: принимали на конкурс только с 18 лет), углубилась в учёбу. Однако в четверг меня обрадовали тем, что я буду выступать на мероприятии в качестве участника. Тихая радость и внутренний детский восторг.

26 ноября. Придя чуть позже указанного времени, я попала в невероятно красивый бизнес-центр. В зале, где проходило мероприятие, было много людей: дамы были одеты в свои лучшие вечерние платья, мужчины стояли в парадных рубашках и брюках. Моя тельняшка явно не входила в рамки этого дресс-кода... ну ничего, переживём. Почти все участники пришли «подготовленные», с листками и распечатанными на них стихотворениями. Осознав, что волнение меня одолеет и наизусть рассказать не получится, я с невероятной скоростью переписала всё на бумагу. Видимо, под классическую музыку, которая там играла, быстрее работает.

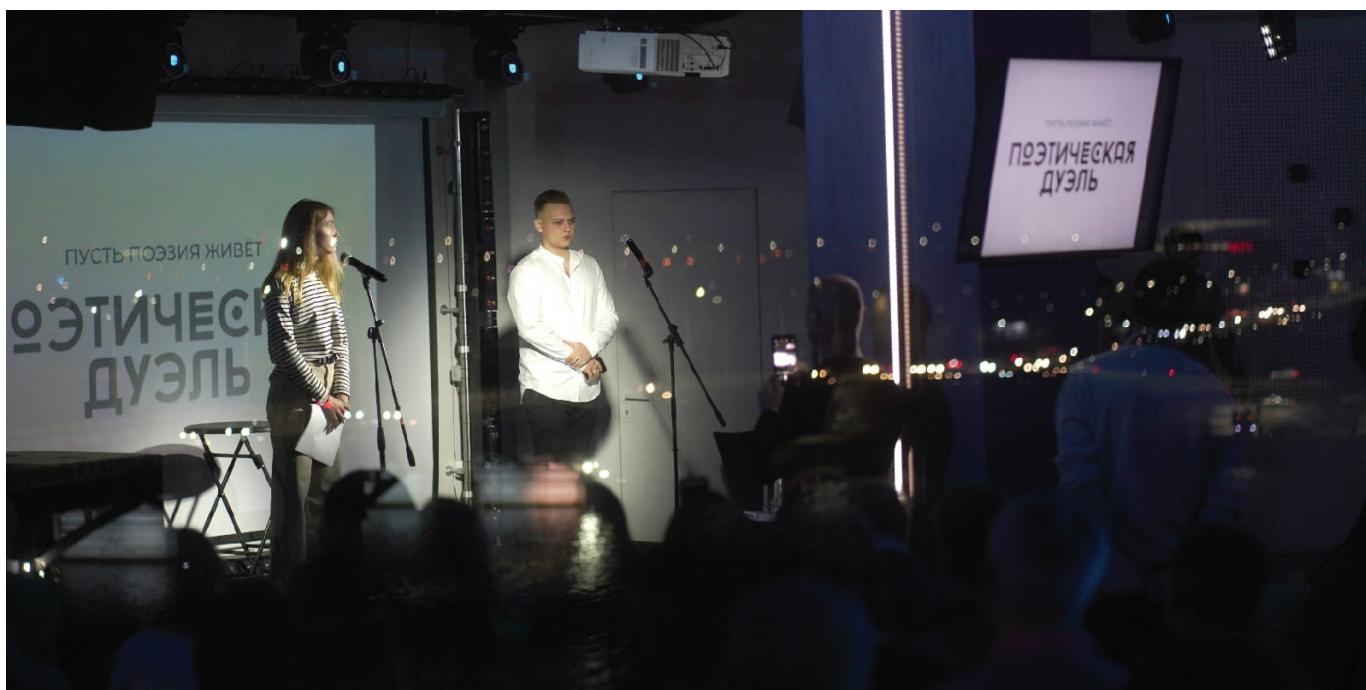

Фото из архива организаторов
Фотограф – Дмитрий Чернов

1-й этап. «Прошу на сцену Меньшикова Михаила и... извините, если неправильно произнёс, Подболотову Полину». Ещё по секундной паузе до названия второго участника я поняла, что мне пора. Честно говоря, почти не помню само выступление, было очень волнительно. Однако жюри моё произведение понравилось, и я ушла ожидать следующего этапа. Появилось что-то вроде уверенности и азарта пройти как можно дальше. Второй раунд, честно говоря, подверг сомнению моё дальнейшее участие: сильный соперник, немного даже потерялась на его фоне. Однако 3-й этап, я стою в паре с девушкой с бархатным голосом. Будет тяжело, но прорвёмся. Идём бок о бок. Фух, прошла дальше. Как, уже финал? Нас осталось двое; сказали за 20 минут набросать стихотворение. И снова мне очень повезло с темой: я доработала лишь последнюю часть. Судьи не могли решить, кто лучше, так что нам предложили прочитать что-нибудь дополнительно.

Люди аплодируют «Пушкиной» и «Маяковскому», определяя, кто выйдет победителем. Выиграл муж-

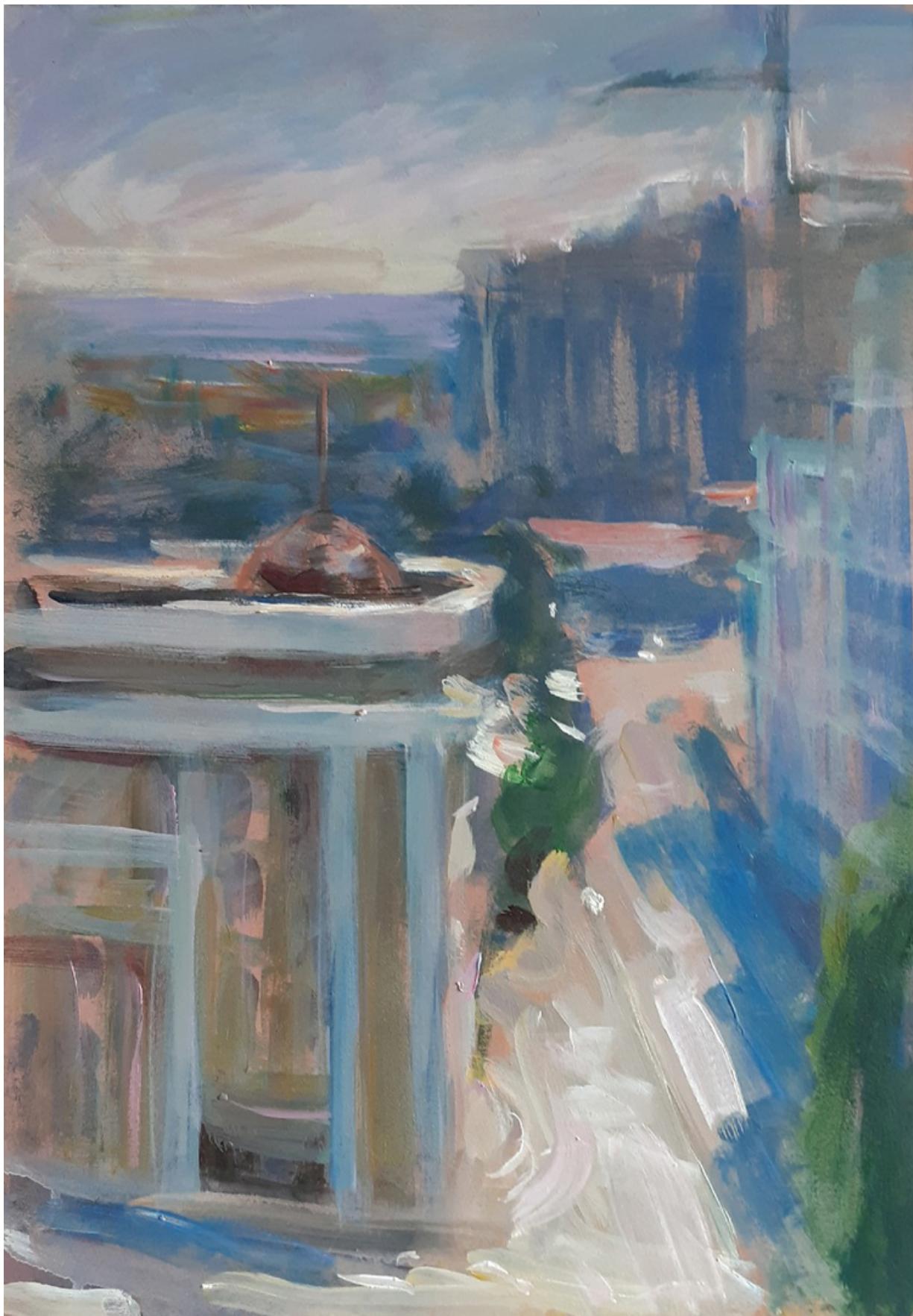
чина с ясными глазами, но я не испытывала обиды из-за второго места, тем более зависти. Меня настолько поразила бурность аплодисментов, что это оказалось ценнее всех других призов.

Искренне поздравляю Константина Зайцева с победой и испытываю глубокое уважение к его произведениям. Благодарю Михаила Маваши и Петра Скляра за проведение данного мероприятия и судейство каждой из дуэлей, ведь больше половины пар в первом этапе попались правда сильные, и выбор был тяжёлый. Спасибо друзьям, которые пришли поддержать непосредственно в зале! Вроде бы и тяжело побороть страх выступления перед публикой (со своим творчеством особенно), но когда чувствуешь, что за тебя болеют близкие люди, и понимаешь, что некоторые гости приятно отзываются о твоих стихотворениях, сразу становишься уверенней в своих силах.

Буря эмоций и эйфория от события, с удовольствием приму участие в следующем году.

Фото из архива организаторов
Фотограф – Дмитрий Чернов

«Яркий день. Ул. Кирова. Воронеж»
Авт. Татьяна Фомичёва

Начало пути

Виталий Горбачёв

Студент геологического факультета

***

Три маленьких разноцветных трамвайчика,
Совершенно одинаковых,
Плыют вдоль толстенных проводов
По объёму небольших городов.
Совершенно незаметных, ненужных
Три разноцветных трамвайчика
Четырёх разных цветов.

Размалёванные в гуашь стены панельных домов
Не пугают три разноцветных трамвайчика
Четырёх разных цветов.

Бегут, бегут разноцветные трамвайчики,
Только куда – не поймут!
Спешат, спешат успеть трамвайчики,
Только кому они лгут?
Они же – стальные коробочки,
Просто гробики с вентиляцией,
Плыущие вдоль размалёванных стен
панельных домов,
Прокуренных насквозь самокрутками улочек,
Где Васька Саньке разбил когда-то в кровь
Его хмурую, брежневскую бровь.
Где ходят толпы дурочек,
Несущих синие платочки,
Носящих красные носочки
И зачем-то лейки,
Но зачем летом в телогрейке?
Точка.

Брасом, вразвалочку, плыют три трамвайчика
Четырёх разных цветов.
Сквозь толпы прокуренных улочек
И с тараканами булочек,
Минуя очаги панельных стен,
Желая старых перемен.

На дно?

Чья вина?
Не знаю.
Но ножка стула надломилась,
И я упал.
Всё ниже и ниже.
На дно?

Цветы

Горшочек с цветами –
Красиво и невинно.
Горшочек с цветами

Разбили.
Так ненужно.
Так напрасно.
Так прекрасно.

***

Скатилась по накатанной старая тележка.
Прокатилась сквозь зазевавшуюся толпу.
Раздавила, расплющила
Да раззевала,
И полетела прочь.
И нет больше маленькой тележки:
Малютка пропала в спешке.
И случилось всё как всегда:
Нежданно-негаданно,
В целом – странно.

Матвей Подзорный

Живёт в Острогожске Воронежской области. Учится в МКОУ СОШ № 8. Участник Областного совещания молодых авторов, проводившегося Союзом писателей России в 2022 г.

Ко мне вчера подходит кот

Ко мне вчера подходит кот.
И что-то мне мурчит.
– Хозяин, хочется мне шпрот, –
Котейка говорит.

Я в шоке! Ну и поворот.
Не жирно ли ему?
Уж лучше вместо этих шпрот
Я рыбы наловлю.

– Удача! – усмехнулся кот.
А я пошёл в гараж.
Достал я удочки, червей
И закрепил багаж.

Стемнело, и пошёл я спать.
Ночь быстро пролетела.
Звонит будильник, время – пять.
Пора! Берусь за дело!

Пока приехал, время – шесть.
Дорога была долгой.
Ну что ж, пора б уже поесть.
Меня ждёт труд упорный.

Перекусил. А время – семь.
Пора раскинуть снасти.

Но я не знаю теорем
По сей рыбаккой части.

Что и куда? Зачем цеплять?
На часиках уж восемь.
А как червя мне надевать?
А снасть куда мне бросить?

Уж девять – роюсь в багаже.
Никак не успеваю.
И вряд ли что-нибудь уже
Сегодня я поймаю.

Вернулся я домой ни с чем.
А кот меня встречает:
– Ну что, хозяин, рыба – где?
Давай-ка посчитаем!

Но тут кота я перебил:
– Чего тебе там? Шпроты?
А кот багаж мой изучил:
– Не видно рыбки что-то.

Сегодня шпрот купил коту.
Огромнейшую банку.
И кот умял их на лету.
И прыгнул на лежанку.

Решили мы с котом тогда,
Не долго совещаясь,
Что шпроты – лучшая еда.
И для обоих в радость.

В маршруте такой остановки не будет,
Но, может, ты встретишь её где-то там...

И я человек – значит, я в это верю.
Прими меня, город, в свою суету,
Я буду полезной – мечтать я умею
И в шуме дорог различать красоту.

Наушники. Бег. Энергетик и кофе
По улицам-венам, как речка, текут.
Вода под ногами остатки сна топит.
Беги, а не то все мечты разберут!

И ты не уйдёшь от мирской этой гонки,
Стучат каблучки по камням мостовой.
Несясь в институт с перестуком их звонким,
Я правда себя ощущаю живой.

Дарья Фролова

Студентка факультета РГФ

Дорога

Я иду неспешно босиком
По туманной облачной дороге.
Мысли вьются, вьются всё о том –
О прожитой жизни и о Боге.

Там, под облаками, на земле
Новый день родился, светит солнце.
Тёплые лучи в рассветной мгле
Больше не увижу на оконце.

Горестно вздыхаю и смотрю.
Вижу: в облаках сияет дом.
Подхожу неспешно к алтарю,
Чтоб предстать перед святым Отцом.

Что мне суждено, великий Боже?
Край святой Твой или век в огне?
Судишь ты людей ничуть не строже
Наших близких в смертной стороне...

Аперитив Богов

(монофон)

В глубокой, длинной, единственной ёмкости жидкость заветная изваянием йоркским красуется лихо. Молоко неразбавленное оному придаёт роскошный смак. Таёт, уже фантастически хиленькая, целая часть шоколада. Щепотка экстракта южного, ямайского аниса-бадьяна вносит горечь...

Мария Тарасова

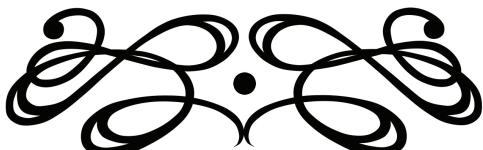
Студентка филологического факультета

Первое, что у меня сложилось после начала учёбы в ВГУ

Из дома бегом, сапогами по лужам...
Привратник-будильник давно прозвенел.
Казалось бы, нет утра этого хуже –
Везёт тебе, если к маршрутке успел.

Жара, толчая и сердитые крики,
И люди вокруг так куда-то спешат,
И в тесном салоне находятся стыки
Всех звёзд и планет, что в пространстве лежат.

Стаканчики кофе, автобус и люди –
Бегут с рюкзаками к заветным мечтам.

«Подсолнухи»
Авт. Татьяна Фомичёва

Контекст 2.0

В номере «LXIII» альманаха впервые появилась рубрика «Контекст», в которой были напечатаны стихи молодых поэтов со всей России. Литература постоянно движется. Появляются новые имена. Кто-то со временем начинает писать иначе. Здесь – собраны как вступающие в писательское ремесло, так и успевшие о себе заявить в больших (внутренних) кругах. Разные по своим убеждениям и голосам. При этом каждый – важен.

Хочется верить, что наш читатель найдёт для себя в этих стихах что-то необходимое, как свежий мартовский воздух, и открывающее широкие горизонты перед наполненной чудом жизнью.

Павел Сидельников,
председатель воронежского отделения
Совета молодых литераторов при Союзе писателей России

Денис Балин

Окончил Институт телевидения, бизнеса и дизайна. Основатель фестиваля «Мгинские мосты». Стихи публиковались в федеральных и региональных изданиях, среди которых «Полутона», «Prosodia», «Литературная газета», «Москва», «Литературная Россия», «Формаслов» и др. Лауреат премии «Лицея» (2022). Автор нескольких поэтических книг. Живёт в п. Мга Ленинградской области

***

Зима! Что делать нам в стихах
меж рэперов и рэперессок
со звучной рифмой на битах
в большой общаге литпроцесса?

Блеск улиц снежный, лёд в реке!
Январь и солнце! День как пуля.
Зима! Так будем жить в грехе,
мужчину с женщиной рифмую.

Под сенью стихотворных строк,
неведом всяким стиховедам,
родится маленький стишок
зимой и закричит об этом.

***

Я, по снегу шатаюсь, пойду,
в этом снежном, прокуренном дыме,
мимо улиц, дворами пустыми,
я на выпавший снег упаду.

Наверху столько выпало звёзд,
что не счесть ни лгуну, ни пророку.
Месяц – беженец с кузниц востока –
на обочине неба замёрз.

Ты меня за стихи не вини,
не вини за слова, за разлуку.

Я писал это в самую выногу
про мои чёрно-белые дни.

Я на выпавший снег упаду
и закроюсь от света руками.
Дышит запад вовсю облаками.
Светят звёзды и жгут пустоту.

Мирослава Бессонова

Окончила Восточную экономико-юридическую гуманитарную академию. Публиковалась в журналах «Знамя», «Интерпоэзия», «Подъём», «Этажи», на электронных порталах «Формаслов» и «Prosodia». Автор нескольких поэтических книг. Участница всероссийских литературных форумов и совещаний. Живёт в Уфе

***

тянется пробуждённая
сила издалека
солнце новорождённое
кутает в облака

смотрит на нас смолкающих
палец держа у рта
пейте мол жизнь пока ещё
не истощилась та

сны берегите связные
ибо всему взамен
выпадет с неба ясного
горечи до колен

***

Деревьев песни, снега монологи –
замри, умри, но прежде подыграй –
мы в эту зиму, ждавшую подмоги,

вошли как будто в эфемерный рай.
Внезапно таял, возникал некстами
сон, захвативший комнату твою,
где я сидела на краю кровати,
как у широкой бездны на краю.
Где ночь неспешно перевоплощаясь
вползала днём, и верилось уже –
я уменьшаюсь, я не умещаюсь
в твоей насквозь просвещенной душе.

***

что в итоге стряслось то в итоге
точно не было пробой пера
нам к лицу было небо тревоги
но прощаний не впору пора
где весны проступали детали
лёд дырявил её кимоно
мы о будущем громко рыдали
и настало настало оно

Евгений Дьяконов

Родился в Ленинграде. Окончил Санкт-Петербургский институт культуры. Работает экскурсоводом. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Юность», «Урал», «Нева», «Дети Ра», «Москва» и др. Автор нескольких поэтических книг. Победитель фестивалей и конкурсов «Русские рифмы», «Филатов-фест», «Русский слэм». Участник всероссийских литературных форумов и совещаний. Живёт в Санкт-Петербурге

***

Отпечаток кленовый морозный,
отзвук каждой прожилки в снегу –
это оптика осени поздней,
я её рассказать не смогу

ни тебе, ни кому-то другому,
оставляя октябрьскую спесь,
в беспробудной зимы глаукому
этот мир погружается весь.

И блуждает кораблик наш, ялик
по просторам из снега и тьмы,
и всевидящий звёздный хрусталик
жадно ищем ослепшие мы.

***

Когда и сил, и времени в обрез,
Не женщина нужна, но женский образ.
И звёздный небосвод,
И тёмный лес,
И леший, что сидит под елью, сгорбясь.
В пространстве звуков
Редкие слова
Пространство ароматов не нарушат.

Шуршанье веток, пенье соловья
И женский плач – всё просится наружу.
Туда, откуда льётся тёплый свет,
Где с ниткою встречается иголка,
Где жизнь моя, единственный мой свет,
Расстёгивает пуговичку долго.

***

Всё по любви и это тоже,
ведь по расчёту – только смерть.
Я озверел уже, мой Боже,
и дальше некуда звереть.
Вчера рычал, сегодня вою,
себя в тебе не узнаю,
бывает, вырвешься на волю,
а там лишь – баюшки-баю.
Стою во мраке с сигаретой,
а может быть, она со мной.
Всё по любви, но не по этой –
по той, нездешней, неземной.

Варвара Зaborцева

Родилась в п. Пинега Архангельской области. Учится в Санкт-Петербургской Академии художеств имени Ильи Репина на факультете теории и истории искусств. Публиковалась в журналах «Звезда», «Юность», «Урал», «Кольцо А» и др. Лауреат премии журнала «Сибирские огни» (номинация «Новые имена»). Участница всероссийских литературных форумов и совещаний. Живёт в Санкт-Петербурге

***

И зимы на Севере белые,
И ночи июньские белые,
И море – нарочно ли – Белое,
И набело хочется жить.

Побелены печи на праздники.
Побелены избы на свадебки.
Настираны белые скатерти,
Когда подаётся кутья.

И кажется, будто на Севере
Не в землю уйдёшь ты, не в землю, а
Под снегом на время укроешься.
И талой водою – домой.

Останешься ниткою белою
В рубашке, платке или скатерти.
Побелкой на печке уляжешься.
Узором сверкнёшь на окне.

***

На синей скатерти разлили молоко,
Повесили сушиться и назвали небом.

И так оно высоко-высоко
Повисло без верёвки и прищепок.

Предчувствие весны всегда одно:
Нет солнца, но оно незримо близко.

И будут вновь метели за окном,
А дома простокваша в белой миске.

И дай-то Бог, со мною будет сын
Пить молоко в преддверии весны,
Зеленоглазый и в рубашке белой.

Скажу ему: высоко-высоко,
Возможно, тоже любят молоко
И ждут весну
И первые капели.

***

Черёмуха. Обрывистый угор.
И ягоды повисли где-то между
Рекой и небом. Не достать рукой
Чернеющие ветки – как и прежде.

Они так близко и бездонно далеко.
Погаснут ветки с первым снегопадом.
Опять ничьи. Но, может, через год
Я подрасту и дотянусь до ягод.

Я полагаю, что ангелов светлый сонм –
сквозные отверстия разнообразных форм
в шести плоскостях от пола до потолка
домика из картона, спичечного коробка.
Когда я, зажмурившись, слышу знакомый хруст,
мне не становится страшно, я не берусь
даже прикинуть, какой нанесли ущерб,
мне никого не жалко, а им вообще.

Побег

Живёт лесок муравьями и воробьями,
оранжевыми огнями.
Мой волчок без меня
не живёт,
мастится целыми днями.
Но вот он выходит в поле, за ним река.
Сидет на бережок ласки моей алкать.
Гладь!

Я собираю корзинку: платок, простынка,
костяная гребёнка,
чтобы шерстинка к шерстинке,
холка из шёлка.
Выбрасываю колечко в серебряную речку,
оплакиваю недолго.

Мостик зачем-то дрожит, то ли лыком шит?
Серый волчок втянул всю водицу в ноздри –
вот перейду, и будем с волчком дружить.

Вряд ли он что-нибудь заподозрит.

Аля Карелина

Родилась в г. Прокопьевск Кемеровской области.
Окончила филологический факультет Кемеровского университета. Работала секретарём в издательстве, телеведущей. Публиковалась в журналах «Новая Юность», «Огни Кузбасса», «Образ», на электронных порталах «Формаслов» и «Prosodia». Участница всероссийских литературных форумов и совещаний.
Живёт в Краснодаре

Похороны жука

Всем жукам, задохнувшимся в спичечных коробках,
всем мальчишкам вихрастым, жуков туда посадившим:
я вас вижу во снах; пощади, Ахерон-река.
Что ни ночь, то снятся похороны жука,
что ни ночь, то снятся похороны мальчиши.

Если верить прогнозу, то завтра наступит снег –
подходящее слово долго искал ведущий.
Он, наверное, тоже видит жуков во сне.
Он, наверное, тоже; иначе бы знал, как лучше.

А наутро снег действительно наступил;
приказал долго жить ведущий и мало помнить.
Покидают жуки свои спичечные гробы,
небо давит со всех сторон белизной стопы,
мнёт подошвой нечеловечьей коробки комнат.

Надежда Келарева

Родилась в г. Онега Архангельской области. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Публиковалась в журналах «Звезда», «Интерпоззия», «Бельские просторы», «Север» и др. Участница Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и Зарубежья.
Живёт в Санкт-Петербурге

***

Где была земля,
Вырастает пух,
Над рекой висит,
Под ногой цветёт.
Кто искал – найдёт,
Кто хотел – простит,
Но уже не сможет об этом вспомнить.

И небесные кружатся мотыльки
И поют-поют колыбельные.
Хорошо уснуть
На краю реки
И глаза закрыть
Акварельные.

***

Пригласить бы тебя домой,
Только лес в его стены врос,
Вместо пола – земля с травой,
Через крышу – стволы берёз.

Книжки, кружки, чертополох,
Крестик в луже лежит-дрожит,
По обоям – грибы и мох,
Хоть какая-то, значит, жизнь.

Хоть какая, её несу,
Как умею, да все не так,
И повсюду такой сквозняк:
Что никак не уснуть – в лесу
И проснуться – уже никак.

***

По мостам-мосточкам да на погост
Пробиваться сквозь тело крапивою в полный рост,
Петь прозрачно за тонкими веточками
Оград,
Проплывая по краю берёзового утра.
Это после, однажды, но будет когда-нибудь,
Потому что меня, как ресничку, легко смахнуть,
Потому что, от века отпав
И припав к щеке,
Ни за что не держусь
На качающемся
Легке...

Григорий Князев

Окончил филологический факультет Новгородского университета. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Новая Юность», «Звезда», «Интерпоэзия» и др. Автор нескольких поэтических книг. Участник всероссийских литературных форумов и совещаний. Живёт в Великом Новгороде

***

Настольной лампе на краю
У ночи светлый гимн пою:
Спасибо, лампа дорогая,
Что ты мне светишь, не мигай!

Как ты проста, как свет твой прост,
Земная дочь небесных звёзд.
В твоём задумчивом горенье –
Покой и умиротворенье.

Твой взгляд во тьме подслеповат,
А в небе в триллионы ватт
И тут, и там горят лампады –
От Андromеды до Плеяды...

Зачем так много ламп? Кому
Они, превозмогая тьму,
Свой свет – то тёплый, то холодный –
Даруют на луне бесплодной?

Неужто только для меня
Без меры тратится огня,
Включается и гаснет где-то
Очередное чудо света?

***

*В такую ночь не верь дневным наукам,
когда вокруг всё делается звуком
и различим на слух и вздох, и взмах...*

Елена Лапшина

В густой ночи не зорением, но кожей
Я чувствую: кругом одни враги.
В пустом подъезде пьяные шаги,
Скребётся мышь, мой тонкий слух тревожа...
Куда страшней – замри или беги! –
Сходить с ума, не зная – от чего же?

Я всё хочу озвучить и означить.
Одену, как в пижаму, в звук и знак,
Понятный мне, тот дух, что бос и наг, –
И перестанет злая тень маячить.
Не колдовать – по-доброму чудачить,
Уснувший мальчик, сам шагну сквозь мрак...

Арман Комаров

Родился в Омске. Публиковался в журналах «Урал», «Новая Юность», «Огни Кузбасса», на электронных порталах «Формаслов» и «Prosodia». Автор книги «Нерчь и зáречь». Участник Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и Зарубежья. Постоянный семинарист журнала «Знамя». Живёт в Москве.

***

П.С.

схимник сирый теперь я
в солнном лесу междометий
деревья деревья деревья
ветви согласные клети

глазу зеркальному рек
речь чужаков невнятна
был человек — человек
ныне не людь — запятнок

есть только звук незвучный
звонкая рябь знамений
волок небес излучный
солнце стихотворений

есть разговор Его лишь
ясности миг навечный
коль заневолишь — дрогнешь
и запоешь не-речью

***

и облако течёт по муты и по жиже
горячих луж июльской глубины
лесной угодник набело распишет
чужую речь чужие сны
я быть немым боюсь и падать
в земную пусты и не мою печаль
и я боюсь не быть от взгляда ты-
мы несуществующим молчать
пока есть речь пока она покатый
недобрый полог смерти ледяной
я буду петь и говорить пока ты
со вдовым нет не свыкнешься со мной
ну а сейчас луна горда перед восходом
так любит нас так раны бередит
звенит и слезы превращает в воды
годов где Пушкин не убит

***

Золотая удаль –
чудь поменял на чудо
Трамвая чугунного:
Чу – чу – чу – чу – чуух...
Обласкан слух –
Ууух!
Топтуны чечётку зачастят,
Услышу Гумилевский гул –
Ча – а – а – а – ад,
Жифары головы склонят,
Увижу дыры ноздревые,
В них бег зулусских пят
И пусть молчат британской пыли выи!

Участию учась, на все лады,
Крича – ча-ча-ть плохую букву

Ды!

Михаил Куимов

Родился на севере Пермской области. По специальности — геофизик. Работает в калийной шахте. Публиковался в журналах «Знамя», «Звезда», «Традиции и авангард», в антологии современной уральской поэзии. Автор книги «Хребет». Лауреат литературной премии им. А. Л. Решетова. Участник Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и Зарубежья. Живёт в Березниках

***

Мне никогда не снилась музыка. И ты,
Как музыка, мне никогда не снилась.

Сегодня я застиг себя врасплох,
Перебирая голоса давно ушедших,
Забытых, как хотелось и казалось,
Навсегда.

И обнаружил то, что обнаружил:
Что память языка куда хитрее,
И как мощны её извилистые корни,
И как тягучи ударения имён
Забытых, как казалось и хотелось.

И после музыка уже не будет сниться.
И голос твой остался где-то там.

***

Ныряешь в лес, выныриваешь в небо,
Сквозь торфяные линзы дышишь свет:
Две вечности прожил, а кем? Ответ
Неубедителен и выглядит нелепо,
Когда парят над головою мхи,
И стланик обнимает по-отцовски,
И голос пропадает в отголоске
Ольховой и берёзовой трухи.

Ёж

В зрачке ежа не отразился ворон.
Дорога сузилась до талии осы.
Осиновая роща детским хором
Утёrlа многоточие росы.

Проникнешь внутрь, а там, гляди, такое,
Такое очень непосильное, что сам
Заплачешь от нависшего покоя
По выклеванным вороном глазам.

Майка Лунёвская

Окончила юридический факультет Тамбовского университета. Работала помощником аудитора, оператором аттракционов, бухгалтером, артисткой в гастро-лирующем детском театре, юристом. Публиковалась в журналах «Знамя», «Юность», «Кольцо А», «Москва» и др., на электронных порталах «Литература», «Литературная газета», «Ревизор» и др. Финалистка всероссийского фестиваля «Филатов-фест.» Участница всероссийских литературных форумов и совещаний. Живёт в с. Берёзовка-1 Тамбовской области

***

В чём свобода или заточенье?
В целом здесь светлей и живописней.
От событий, говоря точнее,
жизнь вдали от настоящей жизни.

Снег нападал, пролетела птица,
сделали ремонт хороший в церкви.

Зная, больше нечему случиться,
почему-то люди любят цепи.

Вот лежат нарядными рядами.
Кладбище. Хорошая погода.
Вот весна с бумажными цветами.
Перемена времени и рода...
...Расскажи мне, мама, в чём свобода?..

***

Когда иду до школы и обратно
и окна отражают свет закатный,
мне кажется, что внутренний горит,
как будто в школе поздние уроки,
а может, подготовка, бал осенний,
поэтому не выключили свет,
и видно всю ботанику растений
на полках шкафа. Это кабинет,
в котором географию, немецкий,
труды – что только в нём не проводили,
поскольку это маленькая школа.
Иду и вижу: свет не погасили,
и радостно, и жутко от такого,
ведь знаю же – закрыта, и давно.
Но, вспыхнув, уцелевшее окно
со скоростью заката гаснет тоже,
и кажется, там кто-то есть внутри
и ходит в пустоте, уйти не может
и вслух зовёт: «Смотри меня, смотри».

***

Переизбыток леса, немыслима асфиксия.
Никто не окликнет и не предъявит лика.
Дальше-то что? Дальше опять Россия –
красный солдатик, синяя ежевика.
Воздух стоит – мы ноги ему связали.
В деревянных одеждах смиренны братья.
Тёмные круги под голубыми глазами
неба. По справедливости не поделишь.
И земля, как на вырост платье –
ждёт, когда ты его наденешь.

Яна Савицкая

Родилась в Уфе, жила в Бирске. Окончила факультет издательского дела Московского политехнического университета (бывш. МГУП им. И. Фёдорова). Участница творческой студии «Полиграфомания». Публиковалась в журналах «Новый мир» и «Бельские просторы». Живёт в Москве

***

Вышел Гриша поутру на крыльцо,
заглянул коту соседскому в лицо,
в дождик еле слышный посмотрел,
так и сел.

Вышла Гришина жена вслед за ним
поглядеть, чего сидит он один.
Там на кухне на столе, говорит,
всё стоит.

А вокруг-то... и не дать, и не взять,
что упало с мокрых веток – всё видать,
и жена в одной сорочке, как в снегу,
кличет первый снег. Я не могу,
холодно смотреть, накинь пальто
или заходи обратно в дом,
только погоди, постой, Марин,
что за цвет у неба, посмотря.

Воронежская зернь

I

ни стона, ни звона в моей голове,
ни царских палат,
ни шагу назад
в эту блажь на дворе,
в круговертъ, в снегопад

II

отыщется повод жалеть – не жалеть,
желать – не желать,
без повода только радеть – не радеть,
любить – не любить,
скучать – не скучать

III

ну близко и близко, лицо как лицо,
не будь подлецом,
поделай цок-цок
и ещё на английском:
tsok-tsok, да tsok-tsok,
отвлёкся от этих чужих бобэоби?
Теперь-то зри в оба

IV

от города к речке всё катится вниз,
шаги удлиняются,
и юбка летит над коленом, как туз
летит в предвкушении «бито»

V

всё то, что оказалось за спиной,
срослось со мной

Денис Ткачук

Руководитель архивного направления работ в Астраханской области. Публиковался в журналах «Урал», «Наш современник», «Дети Ра», «Сибирские огни» и др. Автор книги «Самосуд». Соорганизатор литературного проекта «Онлайн-КвАРТирник».

Участник всероссийских литературных форумов и совещаний. Член Союза писателей России. Живёт в Астрахани

***

ветер веткой стучит в стекло
превращает город в поэзию

***

Осень перелётом переломится,
стрелки циферблата разметят заново,
самолёт трясёт (как второгодницу –
встречный ветер важного экзамена).

«Тучи ждут тебя, не поворачивай», –
пишет дождь водою, не чернилами,
и ночей бессонье предназначено
напоить живительною силою,

позже зёрна слов взойдут посевами,
между строк оставив что-то главное.
Пустота плечо целует левое.
Облака плечо целуют правое.

***

деревья
растущие на кладбищах
глядят корнями волосы наших любимых
обнимают за плечи машут ветвями
у деревьев много времени
чтобы сделать то
что не успел
сделать
я

***

Человек залезает в шкаф.
Берёт с собою сорочку, пиджак,
брюки, ботинки, подушку.
Шкаф закрывают на ключ.
Человек остаётся снаружи.

Анастасия Трифонова

Кандидат филологических наук, работает учителем. Участница смоленского литобъединения «Персона». Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Юность», «Кольцо А», на электронных порталах «Формаслов» и «Prosodia». Автор нескольких поэтических книг (с дебютной – вошла в лонг-лист Международной Волошинской премии 2018 года). Участница всероссийских литературных форумов и совещаний. Живёт в Смоленске

***

Мы возвращались домой,
день был жарок и прян –

июль обретал равновесие,
акробат на температурном столбе.

Мы искали дорогу в тени,
чтобы спрятать себя от огня,
долгожданного и нестерпимого,
глупые человечки, не знаем, чего желаем.

Земляная тропа между деревьями
поросла травой, которая переносила
тяжёсть шагов, словно йог,
и вновь выпрямляла спину.

Мы едва заметили у подошв
маленько чёрное тельце,
падшую птичью душу
с обречённо раздвоенным рыбьим хвостом.

Кажется, стрижи не взлетают с земли, –
это ты, –
их надо поднять на ладони,
чтобы крылья воздух поймали –
вот так.

...Мы сидели на балконе под самой крышей
и не слышали ни ярости автомобилей,
ни ругани соседей снизу,
только даль щебетала о невозможном.

И солнце уходило
за новостройки и краны,
за далёкое полосатое поле,
за крикливой стрижиной стаей,
за новой радостью.

Перед Казанской

...и трещину насквозь,
как будто не доска, а книга разломилась
на том единственном развороте:
ни красок, ни оклада, только глаз,
пронизанный насквозь, насквозь разящий
всезнанием, всеболью, вселюбью.
Нет рук, лица, лишь полутьма собора
теснит толпу пришедших ближе, ближе
и раскрывает сводов полотно –
войди, войди, – а я стою, насквозь –
не в силах самой себя умерить –
надтреснутая, суетливая душа.

Алексей Черников

Родился в 2003 г. в Архангельске. Остался без школьного образования (юношу исключили «по личной неприязни»). Стихи публикуются в ведущих российских

журналах. Известен как самый юный журналист в крупнейшем Северо-Западном медиа

Элегия о постоянстве

I

Прощай, квартиры новой скучоты.
Я только въехал, но прощусь заранее,
не заводя любовницу, кота
и к чистоте не применив старание.

Прощай, немытый рай белёсых раковин!
Я от себя в тебе оставлю мрак один,
коль к подлинному дому не приду,
поставив жизнь кипеть, как чайник на плиту.

II

Но не спастись, открыв глазам засов,
от головокружительной симметрии –
углов, времён, меня, всех будущих жильцов,
всего со всем на арендованном безветрии.

Всю спешку к смене быта рассекла
гармония, отбив сомненьям щупальца,
расставив по квартире зеркала,
в которых вечность видно, если щуриться.

***

Родные съехались к большому Рождеству.
Звезда царапала в четыре когтя сумрак.
Я поцарапал
рыбьей косточкой
десну –
живой и маленький в саду ножей и рюмок.

Сверчок насвистывал из радио «Шансон».
Снежинку плавила ресница.

Вот я живу –
а это только
Божий сон,
который никому не снится.

Ростислав Ярцев

Родился в г. Троицк Челябинской области. Окончил филологический факультет Московского университета. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Крещатик», «Квартал» и др. Финалист премии «Лицеи» (2022). Автор книги «Нерасторопный праздничник». Живёт в Москве

***

Отчаяние и счастье
должны быть, как свет и тьма, –
на них хорошо качаться
кораблику ума.

А скажут, что ты безумен, –
не слушай никого.
На гибель себя везу я –
и праздную Рождество.

Терзает младенцев ирод,
слезится в ночи Звезда
над крошечным зверским миром –
и ныне, и навсегда.

2022

***

Пусть будет нечего мне делать на земле –
я послужу тебе, а ты лежи во мне –
на дне души, во мгле её провала,
ведь ты любовь моя, тебя мне будет мало,
покуда, недрами измученной земли,
углём и магмой поперхнувшаяся мама,
я над тобой пою, заплаканный, в пыли.

О ужас голоса – ему бы стать землёй –
беззубой дурочкой, свихнувшейся над болью, –
но и тогда не буду я с тобой
ни кроткой музыкой, ни пылью мировой,
а буду ужасом над чёрною волной,
прощалью купельною водою,
где Бог болит и бьётся подо мной.

2022

***

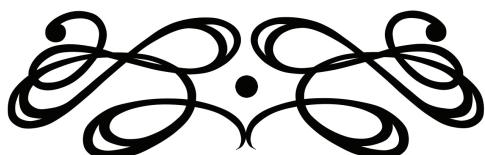
сойдёшь с ума и не заметишь,
забьёшься в угол, скорбный ком,
а век спустя отыщут ветошь
и звук, что искони знаком.

всплеснут руками и – повинны! –
окинут взглядом сор округ;
но извлекут из горловины
равнин убитых вечный звук.

не все – неслышащих прогонишь:
безумье – избранных удел.
так ты, заброшенный в Воронеж,
на дрожжах речи большевел.

так флейты греческой соцветья
и комья чернозёмных га
сплетают лепетом столетья
больной вселенной берега.

2016

«Угол с книжным шкафом»
Авт. Татьяна Фомичёва

Разговор поколений

Три поэта. Все трое печатались в культовых литературных журналах: Сергей Попов – в «Новом мире» и «Арионе», Александр Романовский – в «Арионе» и «Знамени», Василий Нацентов – в «Знамени» и «Новом мире». Между Поповым и Романовским – разница почти в десять лет, между Романовским и Нацентовым – чуть больше двадцати пяти. Три «поколения», каждое – со своим нравом. Все три – настоящая русская поэзия.

В ходе разговора авторы ответили на несколько вопросов: о поэзии и стихотворчестве, о литературном Воронеже и преемственности в искусстве, о трудности и неизбежности времени. Поделились собственным творчеством и любимыми стихами других поэтов.

Вопросы рубрики

1. Вспоминается история, уже ставшая классикой. Когда на поэтическом вечере один товарищ вскрикнул: «Ваши стихи не волнуют, не греют, не заражают!», Маяковский ответил: «Мои стихи не море, не печка и не чума». Как Вы считаете, обязаны ли стихи «волновать, греть и заражать»? Различаете ли Вы поэзию и иное стихотворчество?
2. Как Вы считаете, есть ли в Воронеже литературная преемственность? Наш город богат на имена. Пройдясь по центральным улицам, встретишь памятники Кольцову, Никитину, Бунину, Платонову, Мандельштаму – ещё не все перечислили!.. А на боковой стене старинного здания бывшего дома губернатора расположилась мемориальная доска памяти малоизвестного (относительно других), но замечательного, на мой вкус, поэта Алексея Прасолова...
3. Однажды Александр Кушнер написал: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Многие молодые художники, музыканты, поэты и писатели со всей России говорят, что сегодняшний день особенно тревожен и труден для творческого труда. Некоторые желали бы жить в совершенно другом времени. А Вы можете представить себя в прошлом или будущем – таким же пишущим или занимающимся другим делом?
4. В заключение. Назовите, пожалуйста, десяток особо полюбившихся Вам стихотворений классиков, современников или своих собственных. Стихов, без которых жизнь непредставима.

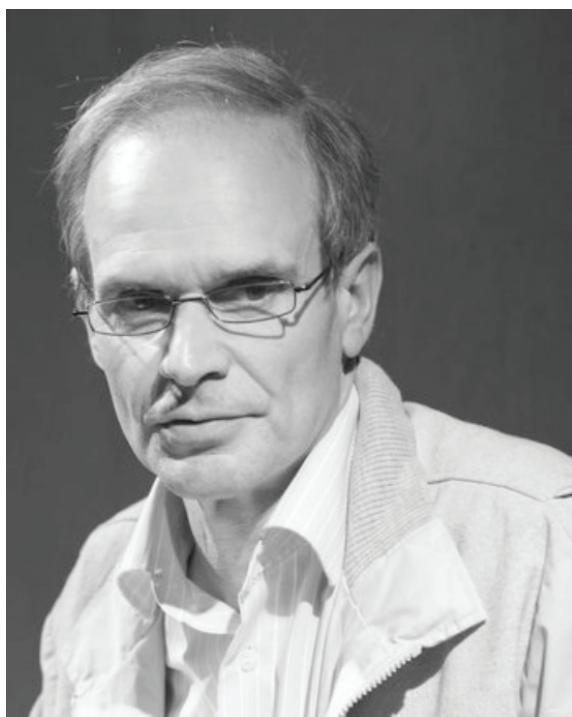
Павел Сидельников,
председатель воронежского отделения
Совета молодых литераторов при Союзе писателей России

Сергей Попов

Неоднократный участник Дней поэзии ВГУ. Окончил Воронежский государственный медицинский институт им. Н.Н. Бурденко и Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Звезда», «Дружба народов», «Юность», «Москва» и других. Автор многих книг стихов, прозы, пьес, эссе. В 2022 году в московском издательстве «Вест-Консалтинг» вышла книга избранных стихотворений «Такая честь». Лауреат ряда российских и международных литературных премий

1. По моему глубокому убеждению стихи никому ничем не обязаны. Они равны себе и самодостаточны. А читатели – носители различных психотипов, – читая одни и те же сочинения, могут и волноваться, и греться, и заражаться... А могут оставаться спокойными или вовсе равнодушными. Это не мерило художественного уровня прочитанного. Поэзия и стихотворчество – очень разные вещи. И соотносятся

они как общее и частное. Поэзия возможна везде, в том числе и в стихотворчестве. И может отсутствовать всюду. И в этом варианте стихотворчество – не исключение...

2. С давних пор Воронеж – это место силы русской литературы. Концентрация талантливых авторов здесь всегда превышала таковую в сравнении со многими другими городами и весями. Именно так дела обстоят и сегодня. Можно ли назвать это преемственностью? Скорее это витальность здешней литературной ауры, в происхождении которой ещё предстоит разбираться исследователям. Разумеется, она трансформируется, порой ослабевает. Но никуда не исчезает.

Что касается Алексея Прасолова – все любители поэзии его прекрасно знают и ценят. Категорически не согласен с констатацией его «малоизвестности».

3. У приведённых в вопросе строк Александра Кушнера есть продолжение. «Большой пошлости на свете нет, чем клянчить и пенять, будто можно те на эти, как на рынке, обменять. Что не век – то век железный...» Желающие переселиться в иные времена – забывают, что «железа» достаточно везде. Но взглядываться в его тусклые отблески – разрушать свою сказку. И потому ловят тот свет, который желаннее... Так что стремления распрошаться с настоящим у меня никогда не возникало. Каким бы оно ни было...

4. Выполнить это задание нереально. Я и сотней наверняка не обойдусь. Очень много всего значимого из разных времён и пределов, и отечественной словесности, и иных литератур... Этакая плодородная полифония. Так уж сложилось – на том стою.

***

Гудит не смолкает упрямая медь
по фильмам, где стоит ли тёту иметь,
вопрос понимается прямо.
И в камере строит Леонов козу,
и Буба глазеет на горы внизу,
где зреет воздушная яма.

И непоправимый плывёт звукоряд,
где титры под занавес дико горят,
но свет не включается в зале.
И переполняет стрельба темноту,
и прочь от шерифа летит Виннету,
чтоб вскорости не повязали.

Мелодия тьмы и разрывы кругом
во времени сосуществуют другом,
и парятся парки другие,
чтоб не прекращало слепое кино
накручивать нитку на веретено
раскрученной драматургии.

Там были большими деревьями вокруг,
где ветки вовсю отбивались от рук –
и нынче не видно массива.

Но музыка этих невидимых сфер
сама по себе укрупняет размер
того, что смотрелось красиво.

И родина – это лишь зренье и слух,
покуда земля превращается в пух
во славу экранного чуда,
где старые титры горят как вода,
а стало быть, не уплывут никуда
от радости из ниоткуда.

***

Прямо с проспекта – за телеграф, к реке –
сквозь неоглядный яростный новострой
без очевидной цели да налегке
невозумимо движется мой герой.

Многие лета этот простой маршрут
предпочитает истовый пешеход –
всё заморочки юности не умрут,
раньше он сам расстанется с тьмой забот.

Бродит в крови дурная слеза-волна,
и по воде идёт круговая дрожь...
Вот и сквозит, что радости – грош цена,
но персонаж, понятно, и сам хорош.

Счастье и есть собранье пустых затей –
бойко возрос, привычно пошёл вразнос...
Листья на склонах реже, трава желтей
и штурмовое небо в огне угроз.

Всё для красавца лишь уложение слов –
дождь, небоскрёбы, набережная, мосты
и рыбари, пакующие улов,
ну и, конечно, те, чьи садки пусты.

Расположенье улиц даёт понять,
что кроветворный шаг не забыт совсем...
Если затеять выход примерно в пять,
то на орбиту жизни вернёшься в семь.

Но у героя свой распорядок дней –
точки отсчёта, чёрной беды круги...
И с бережья время ему видней,
даже когда вокруг не видать ни зги.

***

Даже имя припомнишь не вдруг –
батарейки у памяти сели –
только голая линия рук
поперёк непременной постели.

Ни порядка положенных слов,
ни событий живую простёжку...

Боже милостив, жребий суров –
всё скользит в темноту понемножку.

Чтоб оттуда давая понять
о присутствии в деле дальнейшем
щекотать, изгаляться, пенять,
за каким обезумевшим лешим

с обречённым, сошедшим почти
в никуда с освещённого круга,
баснословную дружбу вести
и завязываться так тugo,

что и полуистлевшая нить,
на чумные попавшая пальцы,
прокоцирует парку хранить
отпылавшие кольца и пальцы,

слишком острый излом локтевой
и неровный загар на предплечье,
и прожилку под ним – тетивой...
А другое – спросите полегче.

Ведь подсветка теперь такова,
что едва ль на оставшихся вольтах –
то, как руки суют в рукава,
деловито выходит на воздух

и вовсю как большого спеца
об источнике тока пытает...
И ответствую в поте лица,
что и как на поверку питает.

***

И рвётся хлопчатобумажная ткань,
и поезд уносится в тьму таракань
от ясных огней комбината,

где дверь открывалась в общаге пинком
к той, что ночевала за ткацким станком,
взрываясь потом как граната.

Она материла страну и судьбу,
отца, что увидела только в гробу,
молодчика с банкой водяры.

А после твердила, что всё это чушь,
что ясно как пень, что не нужен ей муж –
и так всю дорогу кошмары.

И сваливать нужно, чтоб душу спсти –
из жизни, где всем на работу к шести,
немедленно бечь без оглядки.

Единственно – было бы только куда –
в какие- такие дома-города,
где всюду другие порядки.

Где реки кисельные, а не мазут.
И в отпуск по ним теплоходы везут
до самого синего моря.

И что-то смешается в твёрдой душе,
когда она вовсе окрепла уже,
всему сухопутному вторя...

А хахаль ещё добавлял пятьдесят,
смотрел, что и днём тут созвездья висят –
и свет ни уму и ни сердцу,

которое тешил обратный билет
в нагрудном под пачкой крутых сигарет,
что нравились единоверцу.

Александр Романовский

Родился в городе Грязи Липецкой области. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Знамя», «Волга», «Волга XXI век», «Подъём», альманахах «Бредень» и «Вавилон», вошли в антологию «Нестоличная литература» (М., 2001). Автор пьес. Пьеса «Бедная Берта» вышла отдельным изданием в переводе на немецкий (Alexander Romanowski. Die arme Berta. Leipzig, 2012). Лауреат конкурса им. Владимира Бурича в номинации «Поэзия» (Кострома, 2000).

1. Заразительность – это, пожалуй, главное и единственное необходимое свойство поэзии. Стихотворе-

ние, чтобы не исчезнуть, хочет как-то зацепиться за жизнь. Оно похоже на вирус, который сам по себе не является организмом, но образует его только вместе с клеткой, на которой паразитирует. Вот и стихи существуют только вместе с читателем. При этом они даже не обязаны ему нравиться. Бывают эпидемии, когда поэзия распространяется воздушно-капельным путём при большом скоплении народа. В таких условиях стихи тяготеют к дурной простоте. А бывает наоборот – общество отвергает поэзию, отчего та становится изысканной, приобретает всякие хитрые отмычки. Порой эти процессы протекают параллельно, иногда пересекаются... Важно, чтобы однажды написанная вещь могла продолжить существование отдельно от автора. Поэтому поэтические выступления (да и всякие фестивали и конкурсы) – это самообман, на который мы идём по слабости.

Если говорить об «ином стихотворчестве» как профессиональной деятельности, то есть тексты к эстрадным песням, есть стихотворные фельетоны, пародии, куплеты и проч. Нормальные занятия, не имеющие отношения к нашей теме. Впрочем, иногда и там проскаивает.

2. Литературной преемственности именно в Воронеже нет, потому что литература не привязана к какой-то местности. Преемственность существует только внутри большого мирового процесса. Писание стихов – это вообще коллективный труд. Предшественники и современники подключаются к работе автоматически. Каждый пишет не так, как он хочет, а по обстоятельствам.

Одно время в Москве говорили о некой воронежской школе, но, думаю, это была ошибка.

Другое дело – литературное общение, взаимная критика и совместные кутежи. Всё это в Воронеже периодически гаснет и опять воспламеняется. Есть сообщество стихотворцев под названием «Лик» – оно тоже умирает и возрождается через два года на третий.

Несколько лет назад был на собрании молодых поэтов. Почему-то они не устраивали друг другу выволочки, не издевались над стихами. Так быть не должно. Печатать в московских журналах воронежцев стали сравнительно недавно – лет двадцать назад. До этого был долгий перерыв. Может, через какое-то время опять начнётся пауза (это если толстые журналы продолжат существовать). В любом случае, публикация в журнале – это приятное, но рядовое событие.

Честно говоря, я бы неставил памятники поэтам, поскольку язык поэзии не переводим на язык изобразительного искусства. С другой стороны, сам Воронеж, как я недавно понял, является большим памятником Мандельштаму. Дело в том, что это поэт буквальный. К счастью для всех нас, он совсем не имел фантазии, поэтому писал только правду, что проявлялось даже в мелочах. И вот ключи к мандельштамским текстам разбросаны по нашему городу, зашифрованы в его географии. Отыскивать их – специальный воронежский квест.

3. Искусство (особенно собственное текущее производство) – это последнее, о чем стоит беспокоиться в эти дни.

Однако если мы вспомним стихи, которые нам по-настоящему дороги, то ведь многие из них создавались в такие времена и при таких обстоятельствах, что и не знаешь, кому завидовать.

Вообще-то наша авторская поэзия – дитя Смутного времени. Она не выросла из фольклора, как некоторые думают. После того, как в октябре 1604 года войска Лжедмитрия I перешли границу Московского царства, грамотные русские стали подражатьпольским рыцарям – их силлабическому стилю (конечно, в меру своего тогдашнего понимания). Первые наши поэты были вовлечены в те события самым прямым образом – одного в итоге даже четвертовали. С тех пор на всех русских стихах печать смуты. Начальство на Руси это всегда отмечало.

И вот ещё что. Я родился в стране, которой теперь не существует. Она имела другие границы, другие обычаи и, по правде сказать, её населял другой народ.

Такое у нас далеко не впервые. Современная Россия так же мало похожа на Советский Союз, как тот был мало похож на Российскую империю. Ни одну институцию нам не удалось в целости пронести через какой-то значимый исторический промежуток – даже церковь несколько раз подвергалась радикальным реформам.

Единственная традиция, оказавшаяся сквозной и непрерывной, это как раз наше стихотворчество. Выходит, в России ничем, кроме стихов, заниматься не следует.

4. 1) «Из Пиндемонти» (Александр Пушкин); 2) «Молитва» (Владислав Ходасевич); 3) «Я скажу тебе с последней прямотой...» (Осип Мандельштам); 4) «Свидание» (Борис Пастернак); 5) «Лунатик впустоту глядит» (Георгий Иванов); 6) «Человек был кроток, тих...» (Иван Елагин); 7) «Мексиканский дивертисмент» (Иосиф Бродский); 8) «Вариации для Бояна» (Лев Лосев); 9) «Крыса» (Виктор Кривулин); 10) «Этюды в манере Огарёва и Полонского» (Генрих Сапгир).

Если я вернусь к этому списку через полчаса, он станет другим.

***

Вот иногда наставишь объектив,
Замрёшь и, глядь, собачка выбегает,
У бабушки ломается каблук,
Проносится газета, и стекло
Бутылочное на ответный щёлк
Настроилось. А их тут целый полк!

Потом, бывает, принесёшь домой,
Проявишь, глядь, а нету ни собачки,
Ни бабушки, ни близких никаких,
Да и газеты. Но зато в углу

Случайно пара склещилась... Ну, здрасьте!
А мне в ответ – завесьте и закрасьте!

Бывает, что Воронеж без портока
Является. Да просто неудобно
Его печатать. Популярный сон –
Толпа на площади, а ты приехал в ванне,
И вождь уже указывает путь.
Извольте закреплять всю эту муть!

О существо, зажатое в углу,
Сюда ты не случайно угодила.
Кто этот тип? Уж так ли он хорош?
Как он посмел? Здесь я определяю
Баланс цветов и выдержку. А ты
Теперь моя, о дева красоты!

Она в ответ: «Какая же я дева?
Я блик бутылочный, газетный я клочок,
Собачка, пробежавшая по сцене,
Я бабка, наконец! Я, извиняюсь, пена!
Я то, пардон, откуда всё взялось!
И ты тут с объективом не елозь,
А лучше приземлись на два колена».

2019

***

Когда чума уйдёт (а я так полагаю –
не вечно же ей быть), вы скажете: «Ну что,
мой дурачок, пора?»
Потом ещё: «Мой милый,
всё кончено. Дебильная игра
завершена. Не зря я руки мыла,
Не зря я марлю без конца рвала».

Когда чума падёт под натиском холеры,
от вас я СМС немедля получу:
«Мой командор, с утра
зарыты все могилы
и отперта любая конура.
Довольно, наконец, мой дурачок унылый,
бурчать, что всех вертел на кончике пера».

Когда чума уйдёт, мы выбежим наружу,
но потеряемся среди других людей,
как будто вымытых портвейном из ведра,
наевшихся хозяйственного мыла –
повсюду пузыри, петарды, кожура...
«Пошло бы к чёрту всё, коль будет всё, как было!» –
зубами скрипну я. А ты шепнёшь: «Ура!»

2020

Из Шекспира

Терпеть я должен? Нет уж, лучше смерть!
Ты думал, я готов за полгроша
На быдло в пудре преданно смотреть,
На шлюх дышать, в предбаннике шурша?
Восторг орденоносным упырям

Выказывать, втираясь в круг вельмож?
И каждую чиновную мадам
И масляную святость этих рож
Я должен чтить? Да ты в своём уме?
Здесь только сутенёру повезло
Быть у кормила (за дыру в корме).
Здесь капитан – гороховое зло.

А мне пора к тритонам – пью до дна!
Но в Лондоне есть женщина одна...

2021

Из Фроста

Когда ворона
Пошла на взлёт,
Смахнула с кроны
Снежок. И вот,
Я слился с чащей,
Поскольку бел.
День был пропащим,
Но уцелел.

2023

Василий Нацентов

Родился в Каменной Степи Воронежской области.
Окончил магистратуру географического факультета
Воронежского университета. Публиковался в жур-
налах «Знамя», «Новый мир» «Юность», «Дружба

народов» и др. Лауреат Международной премии «Звездный билет» им. В. Аксенова, финалист и обладатель специального приза премии «Лицей» им. А. Пушкина от «Юности». Неоднократный участник Дней поэзии ВГУ

1. На эти вопросы, при всей их формальной простоте, трудно ответить однозначно. Вовсе не обязательно, что читателя Рубцова должны волновать стихи Драгомощенко. Нельзя же из этого сделать вывод, что у Рубцова стихи настоящие, а Драгомощенко нет. И наоборот.

Понятно, что стихи никому ничего не должны, даже тому, кто их пишет. Но один показатель, я уверен, необходим: настоящее стихотворение должно менять читателя. И самого поэта. Это главное, что отличает «иное стихотворчество» от поэзии.

2. Преемственность по географической привязке представляется мне довольно сомнительной. Чтобы быть литературным наследником Бунина или Платонова, не нужно жить в Воронеже.

Дело в другом: город и его история входят в текст и начинают там хозяйствничать. Это такая метафизика ландшафта, которую не объяснишь традицией: дух Мандельштама сосуществует на равных с сарматскими племенами, и мы мечемся в этом ковыльном полубреду, как мыши под пристальным взглядом хищных веков. Я понимаю только такую преемственность.

В юности поэты тянутся друг к другу. Взрослея – как бы выкристаллизовываются, дичают и старательно уходят в одиночество. Работать и жить. Иногда из этого что-то получается и выплывает где-нибудь в «Знамени» или «Новом мире» – глотнуть воздуха и снова нырнуть в толщу безвременния. Закономерность это или случайность? Неизбежность.

3. Писать всегда трудно. Но теперь особенно, потому что всякое слово оказывается в ореоле беспомощности, и ты окончательно понимаешь, что литература никого и ничего не спасает. И все-таки пишешь. Это единственное, что остается.

Бродский говорил о том, что если выстроить десять человек, дать им ружья и приказать расстрелять пленника, то те, кто прочитал «Евгения Онегина», конечно, тоже выстрелят, но на секунду позже. Я верю в это.

Если становится совсем невмоготу, представляю себя не в Воронеже 2023 года, а во Флоренции 1323 года. Иногда помогает.

4. Назову десять стихотворений, бок о бок с которыми я переживал прошлый год: 1) «Звезды синеют. Деревья качаются...» Георгия Иванова; 2) «Не дай мне Бог сойти с ума...» Пушкина; 3) «Невыразимая печаль...» Мандельштама; 4) «Красный боярышник, веточка, весть о пожаре...» Левитанского;

5) «В воюющей стране...» Александра Еременко; 6) «Данте» Ахматовой; 7) «Рожденные в года глухие...» Блока; 8) «Бесплодная земля» Элиота; 9) «Скорбные элегии» Овидия; 10) «Как дымный столп светлеет в вышине!» Тютчева.

***

Мы будем лежать, запрокинув за головы руки,
на солнце осеннем, на самом краю листопада,
за гранью тревоги, несбывшейся правды за гранью,
и кончится миром последняя эта война.

Ты знаешь, ты помнишь, все листья –
как ломтики смысла,
все птиц голоса – как осколки победы далёкой.
Над варварством, над обезумевшим

этим пространством
стоит одиноко, как голое дерево, время.

И всё повторяется. Слишком короткая память
у нашего брата и павшей сестры на границе,
на грани разлуки великой, как всё мировое,
на грани осеннего солнца и нашего леса на грани.

Посмотрим в глаза. Ужаснёмся друг другу навеки.
И так пролежим неподвижно. Два сердца. Два камня.
Два острова. В длинном лесу расставанья.
На самом краю. Запрокинув за головы руки.

***

Здесь: отраженье в росчерке трамвайном,
в белиберде, в соседской перебранке:
с той, очарованной, как будто куст вдохнувшей,
игрушечный его, как символ света,
шар переливчатый, растерянный,
в груди,

когда его так оказалось мало:
прожилки веточек, как баба с хрипотцой, –
все разбежались по моей постели,
и гордая молчала выпускница
и пальчиком крутила у виска.

– Ты хороша! – шептал я ей, последней, –
нимфеточка, о, страсть моей морали,
о, странствие по пригороду рук,

где (оглядевшись), раз, приходит август,
серебряный поднос судьбы качая:
фосфоресцируют волокна абрикоса –
больная нежность на губах,

на коже
пушок, как запотелое стекло;

ворсистая, после дождя ты липнешь,
поклонница,
я – дно железной лодки, [твоей печали]

пруд, как подарок на свиданье, стынет:
сопротивленье, удивленье, выдох! –
отвергнутая, как ты хороша!

Весной двадцать второго года

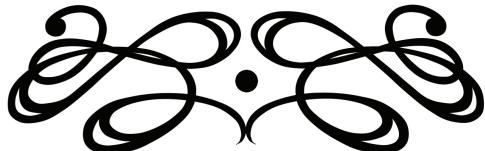
город – опрокидывался, как дерево,
обнажая корни многоэтажек,
котлованы страстей и страхов –
протяжённый тоталитарный гул.

На самодельной дрезине ехала видеокамера,
делая моментальные снимки каждые
двенадцать миллисекунд, –
вокруг бывшего города, как шлюха вокруг клиента, –
превращаясь из бабочки в гусеницу
и натягивая, как одеяло, жирный
сопротивляющийся рассвет.

Уехать. Вокзал – одно название, слово.
Новогодняя ель, простоявшая до июня,
ленты дорог – смоляной серебристый дождик:
и разве пасмурно жить в этой стране ответов?

вспорхнёт городской парк
листвы молодой оркестр
зазвенит и посыплется
как чешуя у рыцаря

Не так всё начиналось,
и слишком глухи были
дирижёры нашихочных пауз,
режиссёры документальных фильмов.
Девочка, которую забыли на площади,
голая, завернулась в государственный флаг и плачет.
И надежда одна: из голубых её слёз,
как из капель спирта,
вот-вот вылетят люминесцентные ангелы
и покажут морды маленькие ихтиозавры.

Из истории

Вот этот значок был изготовлен на геологическом факультете к юбилею – XX Дню поэзии

Жизнь взахлёб

(о книге Дмитрия Ендовицкого
«Отпетый графоман»)

По длинному университетскому коридору стремительно шагает человек.

Что я знаю о нём?

Учёный-экономист, профессор, руководитель крупнейшего вуза, администратор, чиновник, депутат, публичная личность: его лицо постоянно «в телевизоре», социальных сетях, телеграм-каналах. Его интервью и авторитетное мнение – в региональных и федеральных СМИ. Статьи – в научных и общественно-политических журналах.

Он шагает по коридору энергично, лёгкой походкой спортсмена. На часах чуть больше семи утра, но он уже минут 40 на работе. Ранняя пташка!

Как всегда, – в белоснежной наглаженной сорочке. В начищенных до блеска туфлях. На брюках стрелки – можно порезаться.

Вскоре я узнаю, что он умело и с удовольствием сам наглаживает свои рубашки, брюки, чистит обувь.

Ещё узнаю, какой он заядлый кулинар: готовит шурпу и солянку, мясо, рыбу, овощи, засаливает сало, маринует огурцы и помидоры, которые до этого сам же и выращивает на своём участке...

Как много увлечений, талантов и страстей у этого человека! Всё это я узнаю из его книги.

Он облетел-объехал-обошёл полмира. Моря и океаны, горы и равнины, экзотика дальних земель его привлекает столь же горячо, как жирная чёрная земля и хрупкие белые горы родного Воронежского края.

Его особенная походка и режим – итог многолетних занятий акробатикой. Он кандидат в мастера спорта.

Что ещё я теперь знаю о нём?

Что он трепетный и благодарный сын, отличный отец, романтик, православный человек, обожающий студентов **преп** (именно **преп** – ведь с молодёжью он разговаривает на **её** языке, слушает

Дмитрий ЕНДОВИЦКИЙ

Отпетый графоман

Стихи разных лет

её музыку, схватывает на лету **её** запросы, умеет дружить с ней). Жадный до жизни и рисковый человек. «Вся жизнь – в движении» – это не только про университет, которым он руководит, но и про него: он и ныряет, и прыгает с парашютом. Он и на велике, и на лыжах, и на самолёте...

У него богатый речевой запас. Русский литературный он разбавляет экономическими, военными, философскими, спортивными терминами, молодёжным и музыкальным сленгом, топонимами, специальными словами из разных сфер, фольклорными понятиями и иностранными словами из разных мировых культур.

Он очень эмоциональный, я бы даже сказала, горячий человек, и, когда он закипает, именно Слово приходит ему на выручку, спасает в трудную минуту – через слово он выплёскивает негодование, гнев, протест.

В минуты радости, победы оно тоже спасает, как кровопускание, иначе можно взорваться от эмоций.

Слову он доверяет, не боится, использует его так искренне, так откровенно, что порой это граничит с

исповедью, и возникает опасение: а все ли поймут, все ли по-доброму разделят обнажённые чувства?

Сборник «Отпетый графоман» Дмитрия Ендовицкого попал в мои руки в виде рукописи, и по мере чтения, правки я постепенно открывала для себя автора – книжечея, фантазёра: то взволнованного, то смешливого, то ироничного или сентиментального, а то хулигана, сорвиголовы.

Передо мной открывалась многогранная личность.

Все свои интересы, любови и увлечения Дмитрий Ендовицкий собрал под одной обложкой: семья и близкие, времена года, Воронеж, университетские будни, работа, путешествия и отдых, огород, дача, кулинария, бытовые заботы, природа, сказки, легенды, размышления о войне, о жизни страны, шутливые посвящения друзьям, коллегам, учительям, баня, воспоминания о детстве и далее, далее, далее... Энциклопедия одной конкретной воронежской жизни.

Автор оказался ещё и на редкость креативным (зря, что ли, – менеджер!?).

Книга оформлена иллюстрациями прекрасного художника Нелли Фроловой, издана на отличной бумаге и, что самое интересное, снабжена куаркодами, благодаря которым стихи можно услышать в исполнении студентов театрального факультета Воронежского института искусств. Сегодня этот новаторский приём называется «дополненной реальностью».

Книга стихов Дмитрия Ендовицкого – не только для тех, кто его любит, кто дружит с ним, но и для всех, кому этот человек интересен, кто хочет узнать и понять человека, живущего взахлёб.

P. S. После выхода книги в некоторых СМИ раздались голоса: а на какие деньги издана, не на средства ли коллектива? Всем родителям о бюджете университета сообщаю, что из вузовской кассы на этот проект не было потрачено ни копейки.

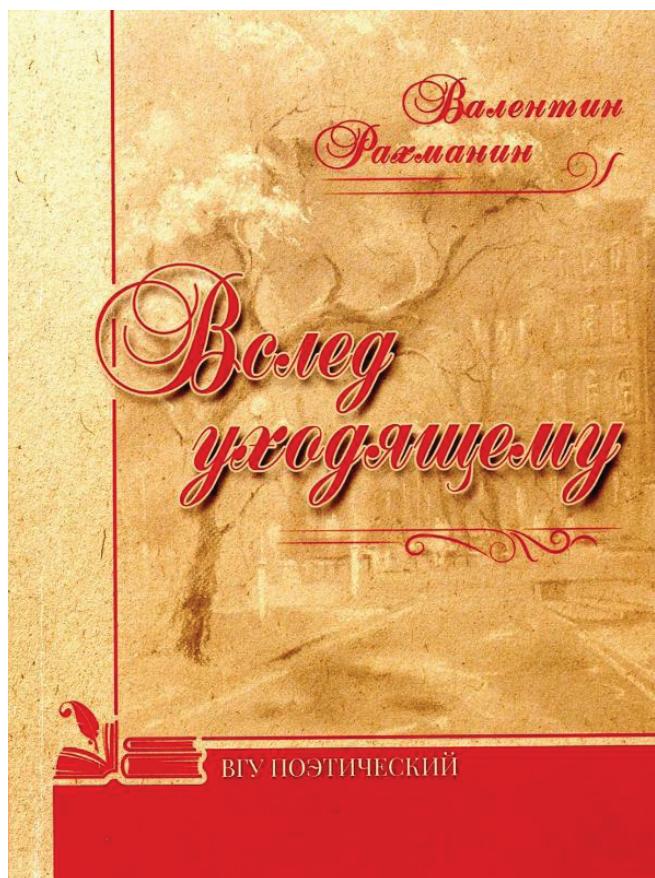
Ендовицкий, Д. Отпетый графоман : стихи разных лет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. – 224 с. – ISBN 978-5-9273-3588-6

Лариса Дьякова

доцент кафедры электронных СМИ
и речевой коммуникации
факультета журналистики ВГУ

Человек и время

(О книге Валентина Рахманина
«Вслед уходящему»)

Однажды, пересматривая архивные подшивки «Воронежского университета», в одном из выпусков газеты я наткнулся на фотографию. Весёлые, целеустремлённые, молодые... Студенты давних лет. И был среди них Валентин Рахманин.

Затем он превратился из студента в преподавателя, из Валентина – в Валентина Сидоровича, защитил диссертации, написал научные работы. Да много чего сделал! Однако вот какова связь времён: присылая свои стихотворения в наш поэтический альманах, он всякий раз подчёркивал главную свою реплию – принадлежность к студенчеству! «Вечный студент ВГУ». Пожалуй, это в его душе – главное. И будь ты доктор, и профессор, и заведующий кафедрой, а всё же главное в человека входит тогда – в пору юности.

Именно по этой причине не совсем верится названию книги. «Вслед уходящему» – это с какой же точки смотрит автор? Не посмеивается ли он лукаво, говоря: вот что-то уходит, да... А он сам? Так ведь он, автор, по-прежнему остаётся с нами!

Ю. А. Бубнов, написавший предисловие к сборнику, точно подметил: «Валентин Сидорович Рахманин – человек, который вновь и вновь пропускает через себя время, наполненное “следами в своей нетленной вечности”, проявляющееся в любви к родным людям, к своей Родине, в сокровенности, которую он хочет понять, в уважении к друзьям и коллегам по университетскому цеху».

И его уважение, любовь к друзьям и коллегам остаются с нами. И остаются его строки, в которых запечатлелись лица, годы, настроения – всё то неуловимое, что сохранить может лишь поэзия.

Рахманин, В. Вслед уходящему : сборник стихотворений. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022. – 88 с. – ISBN 978-5-9273-3508-4

Дмитрий Чугунов

профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы

принятые (временем) мы. Ласточка, хватающая на лету насекомое в этом тревожном воздухе. И самое важное, спасательное (и спасающее стихи!) – живая надежда.

*Любой надежде крышка. Шах и мат.
Спасение моё – моя тюрьма
И тьма, что наконец меня настигла.*

Или другое:

*Жить куда сложней, чем умирать.
Угасая, я на пределе сил
Полыхну надеждой в последний раз...*

Так что же это? Надежда всё-таки мертва?.. Вопрос двойственный: здесь, где привкус соли, холод и резь в глазах, – надежды нет; там, где дышит камень и в мёртвом норовит пробиться жизнь, – есть.

*От грустной правды, вымученной лжи,
Из плена скучных правил мы бежим
В тот город, где все знаки путеводны.*

Покинуть плен скучных правил и убежать в знако-во-путеводный город – и есть так называемая надежда. Что после смерти – что-то есть. Что этим всё не закончится. Что после страданий и темноты настанет спокойствие и счастье.

Жива ли надежда?

Елена Шилова живёт в Воронеже. Мы были знакомы, но встретиться с её стихами тет-а-тет мне посчастливилось зимой в Москве. Первая, помещающаяся в кармашек джинсов, книга (похожая на две больших журнальных публикации), несомненно, заслуживает разговора – такого же короткого, но необходимого.

Читая «Быстрокрылую рыбку», задаёшься вопросом: что происходит? Не в смысле малопонятности или таинственности. В смысле – что происходит с миром. Мелкие осколки: смерть, боль из бед и обид, тьма, ошибки, холод. Если жизнь, то косая. Неужели всё так плохо? Но вместе с тем – мир исполнен света, тепла, надежд. О, что-то осталось! С другой стороны, если он исполнен светом, теплом, надеждой, то через что пробиваются эти осколки?

*Довольно иллюзий. Не ври себе
Про родственность душ, волшебство и таинство.
Наш дом – эпицентр неудач и бед:
Сюда, словно в улей, они слетаются.*

...Или автор хочет (или кто-то ведёт?) говорить об обратной стороне мира? О его неидеальности, несовершенстве. Не впадать в иллюзорность. Видеть его и грубым, и жалким, и опьяняющим. Не страшиться его.

Таким мне видится весь лейтмотив поэзии Шиловой. Разрушающееся пространство. Ненужные и не-

Елена Шилова

Быстрокрылая рыба

Книга пятьдесят четвёртая

Москва, 2022

И, вспоминая одно из стихотворений Елены (которого нет в книге), где поезд, переехавший Анну Каренину, понимает-думает(просит)-вздыхает. Автор не беспокоится о Карениной. Волнует поезд, её переехавший, который в конце концов сходит с рельс. И вот он – там! – здесь его нет. Остаётся знаком, символом, ключиком.

Поиски продолжаются. Поэтика Шиловой не однобразна, ещё неустойчива. Удач в книге действительно с лихвой (особенно – для дебютной книги). Но встречаются и неловкости, небрежности, самонадеянность. Подводит вкус. Например:

*Господь привык испытывать тебя,
Сминая, как стаканчик из-под кофе.*

Господь испытывает, сминая тебя – скорее, выбрасывая в N (трудные) испытания. «Господь» и «стаканчик из-под кофе» стоять в одном ряду, конечно, могут, но в данном случае – неловко и неоправданно.

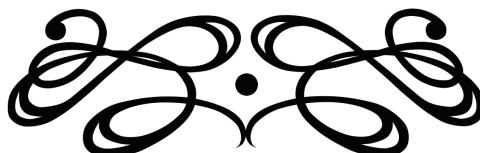
*И не вспомнить, не выловить голос, плывущий оттуда,
где кончается мир, где живая вода горяча.
Где у самого края бездонной свободы я буду
просыпаться в холодном поту и молчать, и молчать.*

Радостно, что автор замолчит только – там. За земную жизнь Шиловой предстоит написать ещё не одну сотню стихотворений. И, учитывая такой дебют, – хороших стихотворений. Таких, которые станут говорить за неё, пока Елена будет молчать – спокойной и счастливой.

Шилова, Е. Быстро крылая рыба / Е. Шилова. – М.: Издательство «СТИХИ», 2022. – 40 с.

Павел Сидельников

председатель Совета молодых литераторов
при воронежском отделении
Союза писателей России

Поздравляем!

В 2022 году и другие авторы порадовали нас новыми книгами. Страна должна знать своих героев!

У **Оксаны Лесовик** вышло две книги стихов: «Идееспособность» и «СамоМнение».

Анастасия Картавцева опубликовала книгу «Огонь – это я!».

Екатерина Макушина презентовала книгу «Край конверта».

Константин Кондратьев представил публике сборник стихотворений «GARDENHERMIT».

Надежда Третьякова выпустила книгу стихотворений «Сначала».

Содержание

Мы – пушкинисты	3	Владимир Воронин	35
“Буду складывать вечность”		Сергей Востриков	35
Светлана Ахмедова	7	Диана Гладнева	36
Алексей Бондарев	7	Дарья Гузеева	36
Кристина Гайдукова	8	Дмитрий Ендовицкий	36
Мария Дарская	9	Анастасия Картавцева	37
Евгения Жаркова	9	Елена Минаровских	39
Дарья Князева	11	Елена Пархоц	39
Константин Кондратьев	12	Всеволод Рыбачёв	40
Савелий Кострикин	14	Сергей Рыбкин	41
Оксана Лесовик	14	Ольга Сергеева	42
Екатерина Макушина	14	Александра Сердюкова	43
Валентин Рахманин	16	Павел Сидельников	43
Надежда Третьякова	16	Мария Соколовская	45
Дмитрий Чугунов	17	Дарья Хайдарова	46
Джабраил Яхъяев	18	Виталий Чернявский	46
Рождённые в 1923-м...		Судьба	
Виктор Кочетков	20	Ольга Булахтина	49
Александр Межиров	20	Владислава Бурносова	49
Борис Чичибабин	20	Сергей Востриков	49
“Рождённые” в 2023-м		Анастасия Еремина	50
Встреча в тихой, мирной библиотеке	22	Дарья Ильгова	51
Анна Долгарева	24	Виктор Колесниченко	51
Его сторона истории	26	Оксана Лесовик	52
Игорь Карапулов	26	Михаил Маврин	53
Выбор		Ирина Олей	53
Ольга Булахтина	28	София Палкина	53
Татьяна Воронова	29	Эльвира Пархоц	53
Владимир Емельяненко	30	Аркадий Пресман	55
Иларион Прасолов	30	Олег Рахманин	56
Пётр Савченко	32	Татьяна Рослякова (Санина)	57
Дмитрий Чугунов	32	Елена Смолицкая	57
Непредсказуемые маршруты		Галина Хожаинова	58
Светлана Ахмедова	34	Яна Цыганкова	58
Светлана Владимирова	34	Ольга Червинская	60
		Антон Шамраев	60
		Елена Шилова	60
		Эльвира Щербакова	61

Из пустого в порожнее	62	Eвгений Дьяконов	80
Родное		Варвара Зaborцева	80
Алексей Бондарев	65	Аля Карелина.....	81
Владимир Воронин.....	65	Надежда Келарева	81
Евгений Новичихин	65	Григорий Князев	82
Вера Калашникова	66	Арман Комаров	82
Оксана Лесовик	66	Михаил Куимов	83
Александра Наливкина.....	67	Майка Лунёвская	83
Лев Рудковский.....	67	Яна Савицкая	84
Малое счастье		Денис Ткачук	84
Светлана Владимирова	70	Анастасия Трифонова	85
Анастасия Червинская.....	71	Алексей Черников	85
Ольга Червинская	71	Ростислав Ярцев	86
Поэтические дуэли	73		
Начало пути		Разговор поколений	
Горбачёв Виталий	76	Сергей Попов	89
Матвей Подзорный.....	76	Александр Романовский	91
Мария Тарасова	77	Василий Нацентов.....	93
Дарья Фролова	77		
Контекст 2.0		Из истории	96
Денис Балин	79		
Мирослава Бессонова.....	79	Событие	
		Жизнь взахлёб	97
		Человек и время	98
		Жива ли надежда?	99
		Поздравляем!	101

Литературно-художественное издание

День поэзии LXVII

Литературно-художественный альманах

24 марта 2023 г.

Редактор-составитель *Д. А. Чугунов*
Корректор *Э. О. Пархоц*
Компьютерная вёрстка *А. Ю. Хаустовой*

Подписано в печать 14.03.2023.
Формат 60×84/8. Усл. п. л. 12,1.
Тираж 250. Заказ 118

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3